Игорь Гревцев

Марш победоносцев
или
Дорога на Русь

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный
общественный фонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2019

Слово духовника

Радуюсь об Игоре! В смутной немощи рубежа тысячелетий и многолетней отчаянной немоте коснулся его Дух Господень и оплодотворил скорбеющую подле храма Божия душу. Явным же плодом и свидетельством того «обыкновенного» чуда стала книга, которая сейчас у вас в руках.

Игорь Гревцев стремится высказать, точнее, выразить в стихах догматику многогранного понятия «Святая Русь». И, на мой взгляд, у него получилось. Для православного человека стихи Игоря по-русски доступны и понятны. Какие бы образы поэт ни выстраивал – будь то обездоленный бродяга или подвиги наших солдат на войне, городская свалка или идиллический сельский вид – всё это дышит жизненной правдой. Поэт вдохновенно любуется безграничной любовью Господа к Своему Творению – к Святой Руси. Ликующие стихи восходят горе и временами звучат как проповедь. Поэзия нашего духовного соратника победно веселит душу искренней верой во всемогущество Иисуса Христа, укрепляет надежду на грядущее Воскресение России и ширит нашу любовь к Отчизне – Дому Пресвятой Богородицы!

Протоиерей Александр Иванников

«Я хочу быть тропинкой
в Россию…»

Возвращение

Без оружия, не при коне,
Босой, беспомощный от бессилья,
Не по травам – по колкой стерне
Я возвращаюсь к тебе, Россия.

Был добровольным рабом врага,
Правды искал у чужих кумирен, –
Кто я, сложивший к твоим ногам
Совесть свою, как пудовые гири?

Что возложу на твои алтари,
Мной не замеченные когда-то:
Тяжесть отвергнутых сердцем вериг,
Честь бежавшего с поля солдата?

Нет в груди у меня ничего,
Кроме боли стыда и раскаянья,
Но, если можешь, прими своего
Блудного сына, Иуду, Каина…

Видишь сама, сколь немощен дух
У этой плоти с душой как пустыня…
Но если примешь меня, припаду
Ко всем алтарям твоим и святыням.

Дай воскреснуть тобой, а потом
Меня, вкусившего сладость молитвы,
Сделай последним твоим рабом,
Солдатом-смертником будущей битвы.

Ибо, мерзкий, дерзну ли просить
И другого желать могу ли,
Кроме права – тебя заслонит
Телом своим от одной только пули?

Дай мне как дар этот слиток свинца,
Чтоб, кровью из раны в тебя прорастая,
Мог я твердить и твердить до конца:
- Прими меня грешного, Русь Святая!

2001г.

Последние лампады

По земле по Русской бродят вьюги-замети.
На земле на Русской не видать ни зги.
Только волчьи стаи, в злобе обеспамятев,
Призраками мечутся в зарослях пурги.

То щитом славянским, то монгольской саблею
В прокажённом небе – мёртвая луна.
А под ней Россия – нищенкой расслабленной…
Кто подаст ей руку, чтоб поднять со дна?
……

На замшелых папертях, в сумрачных притворах,
Перед аналоями да у Царских врат
В деревенских церковках, в городских соборах
Дети православные Богу предстоят.

Дети! Наши дети… Дети неофитов,
Вам трудней и легче в сто крат, чем нам:
С детства все пороки міра вам открыты,
Но зато с младенчества вам открыт и Храм.

В чем-то своевольные, треплющие нервы,
Для кого-то просто «форменный детсад»…
Воины Христовы! Рядовые веры!
Ратники грядущие! Праведный десант…

Бледные, невзрачные, немощные плотию,
Но с такою верой, что тронуть не моги,
Час пробьет! – и, молча, вы в пургу уйдёте,
Потому что где-то там, за пургой, враги.

Не дано дожить вам даже до рассвета:
Слишком лют морозец, больно тьма густа.
Но зато дано вам право Пересвета –
Первыми погибнуть в битве за Христа.

И своею кровью, как святым елеем,
Вы еще наполните множество лампад.
И в кромешном міре станет чуть теплее,
А в земле Российской всё пойдет на лад.

Но когда ж над падшим, обречённым светом
Ангельские трубы грозно протрубят,
Русь Святая! – слышишь? – по лампадкам этим
Искупитель сможет распознать тебя.

Конец ноября 2001г.

Плоть Земли Русской

Имя твое высекаю на плитах
Цоколя древнего Храма
Имя, которое в тайных молитвах
Я повторяю упрямо

Столько веков… Я стоял на коленах
Братоубийственной брани –
В жёстких веригах татарского плена
Ждал, когда день мой настанет.

День тот пришёл, как приходит мессия:
Грозно и неотвратимо.
Русь умирала – рождалась Россия
В зареве Третьего Рима.

Помню: всё только стремилось к истокам,
Всё ещё брезжило где-то.
Запад ещё не сходился с Востоком
У ледников континента.

Что их отвергло тогда друг от друга?..
Росной сентябрьской ранью
Сердце моё под холодной кольчугой
Стало той огненной гранью.

Помню, как трупно молчали две рати,
Стыли монашьи клобуки,
Пальцы вгрызались в хребет рукояти
Мёртво, как в горло гадюки.

Тяжкой хоругви кровавые пряди
Угольем жгли мои плечи,
В путь окрыляя от Дона с Непрядвой
И до Красивой Мечи.

Сабельным шрамом легли эти вёрсты,
Ровно, как брёвна подклети,
Через княжения, через погосты
Всех предстоящих столетий.

Я их прошёл… И каким бы он ни был,
Путь этот, долгий и страшный, –
Он, всё равно, как святых твоих нимбы,
В золото веры окрашен.

Все мои трупы в твоих перелесках,
В пашнях твоих и лощинах.
Лик мой, он как на Андреевских фресках –
В шестивековых морщинах.

Я – твой народ! Твой конец и предтеча.
Плоть, что в себе ты носила…
Будь же и ныне, и присно, и вечно
Благословенна Россия!

Начало декабря 2001 г.

Посреди Родины

Бездомный пёс волхвует на кладбище…
Да замолчи ты, неприкаянный вещун,
Не провожай меня на пепелище –
Я сам туда дорогу отыщу.

Не блудный сын, и не заблудший Каин,
А просто заблудившийся в степи –
Зачем я здесь крещусь на каждый камень,
На каждый холм обугленных стропил?

Здесь был мой дом… Но я теперь не верю
В то, что на свете могут быть дома
С крыльцом и лавочкой, с незапертою дверью
И с горницей, где ждут отец да мать.

А тишь вокруг – не тишина: безмолвье,
Пронизанное воем кобеля
В седую даль, где чёрной волчьей кровью
Сочатся предзакатные поля.

Зачем я брёл сюда сквозь мiр постылый?
Зачем бежал от сытых городов?
Ведь я же знал…я знал, что здесь пустыня
Да смертный плач давно умерших вдов.

Я тихо опускаюсь на колени.
Скрипит зола и режет кожу губ…
И вдруг из-под тяжелых наслоений
Пластов золы – слышу медный гул.

Сначала – дрожью обветшалых звонниц,
Потом – обозной поступью волов,
И вот – раскатом в бой летящих конниц,
Уже не гул, а – вещий звон колоколов.

Он ширится, он рвёт седые дали,
Как будто всей Руси колокола
Себя в едином гласе спрессовали,
Как пальцы воина прессуются в кулак

И плоть моя, как бронзовое било,
Приобретает густоту и смысл –
Пульсирует в плечах святая сила
Упругостью добротных коромысл.

Встает душа, вкусившая страданий,
Навек покорна боевой узде…
Нет, не пустыня здесь, а – поле брани!
…теперь я знаю, для чего я здесь…

Начало декабря 2001 г.

Два храма

Они стояли друг против друга.
Они глядели друг другу в глаза.
А между ними ревела вьюга,
Злобу спустившая на тормозах.

Один не прятал лица от бури
И плечи не горбил под колким льдом.
Другой от холода брови хмурил
И зябко ёжился в тонком пальто.

Один был чист и не тронут порчью,
Другой – обветрен ветрами греха.
Один был бел даже тёмной ночью,
Другой и на солнце был как труха.

Один свой крест возносил над миром,
Другой – укрывал его на груди.
Один и в пустыне не был сирым,
Другой и в толпе был всегда один.

Первый бесстрастен был и бескровен,
В другом бурлила славянская кровь.
Первый был срублен из крепких брёвен,
В другом была столь же крепкой любовь.

Различий в них было очень много,
А в сущности оба – душа и плоть.
Тот и другой были храмом Бога,
В того и в другого входил Господь.

25 декабря 2001 г.

Запад и Россия

Ты возомнил, что вера – путь,
И, если все пути закрыты,
Весь смысл в безумии: свернуть
С когда-то выбранной орбиты.

Но ты забыл, что вне орбит
Летят одни метеориты.
И ты свернул… И был разбит
Тем, Кто и создал все орбиты.

О Запад, Запад, кем ты стал,
Когда Иудины объятья
Ты лицемерно распластал,
Взывая к нам: «Придите, братья!»?

Куда идти? И где ваш путь,
Сыны отвергнутого Солнца?
И что скрывает ваша грудь
Под балахоном крестоносца?

Господь учил: «Судите по плодам».
О, лучше б вы бесплодны были,
Чем, плод взрастив, по весям и градам
Железный сок его пролили.

Мир захлебнулся в «праведном добре»
Слезой растерзанных младенцев,
Когда с крестом на кованом бедре
Ступили вы на трупы иноверцев.

Ваш крест – к булату рукоять,
А наш – святым тавром на теле.
И никогда вам не понять,
Чем мы живём на самом деле.

И никогда вам не бывать
У тех вершин, где мы бывали…
Вы шли за Гроб Господень убивать,
А мы за Гроб Господень – умирали.

26 декабря 2001 г.

Нищее сердце

Холодно, голодно, страшно, пустынно
и негде ночлег отыскать.
Только скрипит под больными стопами
морозная туга-тоска.
Слышишь, Россия, как нищее сердце
стучится в ворота твои?
Подай же босому, голодному сердцу
хотя бы краюху любви.
Хоть за ворота, но вынеси крынку
хрустальных, как слезы, молитв.
Пусть оно, бедное сердце, свой голод
и жажду свою утолит.
Дай хоть какой-никакой зипунишко –
обносок от древних былин:
Пусть он напомнит пугливому сердцу,
что в предках оно – исполин.
Всеми гонимо, крадётся по полю оно
от межи до межи.
Господи, Господи Боже мой, что же
постыдно оно так дрожит?
Нищее, слабое, голое сердце,
а в поле – одно вороньё…
Слышишь, Россия, не дай ему смерти:
прими его в тело своё.
Пусть облечётся оно твоей плотью,
как теплой землёю зерно…
Вы ведь не можете жить друг без друга –
и ты, и оно.

27 декабря 2001 г.

Стальные слёзы

Стальные слёзы рассекали желваки.
От боли губы и года ломались.
Из слёз таких дамасские клинки
Ковались.

А на войне – как на войне:
Стреляли, падали, бежали…
Лежали трупы на броне –
Друзья лежали.

Солдаты плакали… Их мир
Стал нем и грозен.
Солдат никто не укорил
За эти слёзы.

Мальчишки, воины, мужчины –
Молниеносная судьба!
Какие терпкие морщины
На ваших лбах.

Ещё с утра, за час до боя –
Почти, что дети:
В глазах – мерцанье голубое,
А мысли – ветер.

С утра любой был «пацаном»
И чьим-то сыном.
А нынче имя всем одно –
Солдат России.

Стальные слёзы выжгли всё,
Что было лишним –
Остался запах русских сёл
И спелых вишен,

Кресты церквей, родные хаты,
Монастыри…
Мальчишки, русские солдаты –
Богатыри!

28 декабря 2001 г.

Вифлеемская звезда

Мы шли в снегах, вгрузая в них по грудь.
Шипела ночь позёмкой, будто кобра.
И наст скрипел, как сломанные рёбра,
И мы не знали, где лежал наш путь.

Мой друг упал – он выбился из сил.
Я волком выл над ним от безнадёги.
И в этот миг подумал я о Боге,
И в небо крикнул: «Господи, спаси!»

А в небе стыла лишь одна звезда,
В разрывах туч, неправильным пунктиром.
И не было других ориентиров.
И я решил: «Ну, что ж, пойду туда.

Уж если умирать, то на ходу,
В звезде найдя иллюзию надежды».
И друга ухватив за край одежды,
Я поволок его, как за узду.

Мне этот путь уже не повторить:
Такой ценою он в ту ночь мне дался –
Я проклинал, я плакал, я ругался,
Я даже Господа дерзал корить.

И я дошёл, ломая естество…
В селе, где, подобрав нас, обогрели,
Во всех домах огни всю ночь горели –
Народ встречал Христово Рождество.

А чуть позднее, посреди людей,
За праздничным столом, под тёплой сенью
Я понимал уже, *какой* Звезде
Мы навсегда обязаны спасеньем.

30 декабря 2001 г.

Городская свалка

Если душа моя пухнет от голода
В дни, когда совесть уснёт,
Я пробираюсь на свалку за городом,
Где меня ждёт вороньё.

Серые, пыльные эти вороны –
В кучах гнилья и старья.
Всё, что изломано, всё, что изорвано –
В кучи! Для воронья.

Сторож-старик цедит водку в «гранённый»:
- С кем бы тут «на брудершафт?»
Можно и с этой облезлой вороной.
Ну-кась, карга, не плошай!

Выпил, добавил и будто оттяпал,
Эдак, годков с пятьдесят.
Спрыгнул со стула, упал на культяпки
И… головой об косяк.

Ну, ничего, он старик ещё ловкий,
Снова «чекушку» достал…
Он ещё той, ещё Сталинской, ковки –
Брал Кёнигсберг и Рейхстаг.

Ноги потом потерял он – на зоне,
Не домотал даже срок:
- Всё до балды… А держава в разоре –
Вот, что обидно, сынок.

- Сталина нужно на всю эту свору!
Нас жидовня скоро съест…
Злобно рванул он рубаху за ворот,
А на груди его – крест.

- Веришь, старик?
- Как сказать тебе?.. Верю.
Тут уж без Бога – никак.
Кто-то ж должон порадеть за империю,
И за меня… дурака.

Дед, я тебе благодарен безмерно:
Ты мне сегодня помог.
Всё можно вытерпеть в жизни, наверно, –
Были б Россия и Бог.

31 декабря 2001 г.

Снега России

Над Россией снега и снега…
Это белые ризы Христовы
Покрывают её берега
И её полевые просторы.

Белый снег так безгрешен и свеж,
Так наивно доступен любому:
Хоть бери его в горсти и ешь,
Насыщаясь теплом и любовью.

Хорошо на душе! Просто так,
Без причины, без повода, просто
Потому, что здесь любят Христа,
Матерь Божью, святых и Апостолов.

Потому, что здесь даже во сне
Призывается имя Мессии…
Белый снег… белый снег… белый снег…
Будто символ и образ России.

2 января 2002 г.

Родины первый снег

Спелый, хрусткий, как из кадки
Малосольный огурец,
Первый снег ложился в грядки
И улёгся, наконец.

Я на волю выбегаю
В том, в чём мама родила:
Забываю, забываю
Про заботы и дела.

Предаюсь бездумно снегу:
Хохочу, кричу, скачу,
Разбегаюсь – и с разбегу
В снег серебряный лечу.

Весь я красный, весь я сочный,
Тронь булавкой – брызну весь…
Мир такой большой и прочный,
Если Родина в нём есть.

…Если Родина в нём есть…

2 января 2002 г.

Жена

Мне тебя заповедал Господь.
Он тобой завершил моё «я».
Ты – моя непорочная плоть,
Безупречная совесть моя.

Ты же стала моею судьбой,
А не просто частицей судьбы:
Ты всегда будешь рядом со мной –
Даже там, где нельзя тебе быть.

Если Родина кликнет на сечь,
Ты смиренно отпустишь меня,
Ты сама мне протянешь мой меч,
Ты сама подведёшь мне коня.

И в тот день ты не будешь тужить,
Чтоб не дрогнуло сердце моё.
А потом – ты откажешься жить.
И – начнётся твоё житиё.

Я же знаю, что будет потом:
Ты оденешься в белый виссон,
Ты себя истерзаешь постом,
Ты в молитвах забудешь про сон.

И тогда, если путь мой земной
Не прервётся в кромешных боях,
Я пойму: между смертью и мной
Ты стоишь… и молитва твоя.

3 января 2002 г.

Встреча друга-солдата

Мы молча стояли на стылом вокзале.
Мы жались друг к другу, как в тесной норе.
Мороз был такой, что к губам примерзали
Окурки погасших давно сигарет.

Брёл поезд к перрону, как пьяный прохожий.
И вот он добрёл… И открылся вагон…
И цинковый ящик, на гроб непохожий,
Мы взяли, глотая прикушенный стон.

Тяжёлым был груз… Мы увязли в сугробе,
А тут, как назло, разыгралась пурга.
Но тот, кто лежал в этом цинковом гробе,
Казалось, шёл рядом и нам помогал.

Он был нашим другом, он был нашим братом,
Добрейшей, как скажут, души человек.
Но, прежде всего, он был Русским солдатом –
И Русским солдатом остался навек.

Я помню, как все его жарко просили
Не ехать на фронт, как рыдала жена…
Он просто ушёл потому, что России
В том миг его жизнь стала очень нужна.

Твердят, что война эта – бизнес богатых.
Не знаю, не знаю, всё нынче в грязи…
Но знаю: пока есть такие солдаты,
Россия, тебе ничего не грозит.

4 январь 2002 г.

Воин-отрок

Здесь горели вечные огни,
Как неугасимые лампады,
А теперь – развалины одни:
Немощь сердца и души упадок.

Это было, было всё уже:
Русь рабой стояла пред Батыем,
Русь теряла воинов-мужей,
Предавая мощи их святые.

И тогда, очищенный постом,
Телом неказист и видом кроток,
Осенил себя святым крестом
И на битву вышел воин-отрок.

Ничего, казалось, он не мог:
За его тщедушными плечами
Не было полков, а только – Бог
…да шеренги ангелов с мечами.

И застыл от страха падший мир,
Преклонил пред отроком колена.
Понеслась молва между людьми:
- Русь жива! Она встаёт из тлена!

Радонеж! Невзрачный городок,
Ты не больше и не меньше многих.
Из тебя ли явится пророк?
Ты ли дашь радетеля о Боге?

Дал!.. Дрожите, русичей враги!
Бойтесь этих малых городишек.
Там, под шум дождя и вой пурги
Возрастают тысячи мальчишек.

Хоть один, да выйдет на пустырь,
Осенит себя знаменьем крестным,
И пойдет неспешно в монастырь
…и Святая Русь опять воскреснет!

4 января 2002 г.

Звонари

Под ногами – морозная хрусть.
Над макушкой – дремучая грусть.
А в душе тишина – и пусть...

Звонари идут! Звонари!
Эй, толпа, расступись, дай дорогу:
Не к тебе они шествуют – к Богу.
Так не засти им света зари!

Снегири на снегу. Снегири…
А ещё на снегу босые,
От вчерашней сивухи косые
Краснорожие звонари.

Только, все-таки – Звонари!
Эй, толпа, не стои вразвальцу:
Пред тобой всё равно, что цари –
Православные звонодавальцы.

Малахаи долой! И замри,
Слышь ты, поротая, разномастная,
Белокурая, злая, скуластая,
Плоть от плоти великой земли.

На поруганные алтари
Нынче души кладут за други!
Возвращаются Божии слуги.
Звонари идут… Звонари…

9 января 2002 г.

Юродивые

- По коням! По коням!
Отставшего – числить врагом!
А кто безлошадный – догонит
Бегом! Бегом!

А юродивые, а блаженные
Не привыкли к шагам саженьим.
Шли не в латах железных,
Не спеша – но вперёд.
И в очах их болезных
Отражался восход.

- Скорей! Скорей!
К новой заре!

- Ах, ты срам-то какой!
При честном-то народе…
Что ни всадник, то вор да тать!
Это ж грех – лошадьми по юродивым!
Богохульство – блаженных топтать!

Тёмный люд выворачивал колья,
Сквернословил напропалую…
- Что ж вы Божьим-то людям больно! –
И цеплялся за конскую сбрую.

А они губами увечными
Умоляли, выплюнув зубы:
- Ой, не висните на уздечках,
Лошадям не увечьте губы.

- Кони! Кони!
Веселей!
Рано вы устали,
И на ровной на земле
Спотыкаться стали.
Кони! Кони…
Кони встали.
Ни туда и ни сюда.
Не заржали – зарыдали
От великого стыда.

- Кого любить? Кому сказать,
Что есть любовь Любви подобная,
Что наша Родина сугробная
В снегах теряет образа?

Но все равно мы донесли
Иконы, писанные кровью,
До обескровленной земли,
Еще не тронутой любовью.

И если все же брата брат
Возлюбит посреди пожара,
Мы, значит, умерли недаром
В предвосхищении добра…

- Ах, ты Родина, Родина,
Схоронила ты где
Убиенных юродивых,
Своих Божьих людей?
У кустов краснотала,
У терновых кустов

Сколько ты разбросала
Полустёртых подков?

Но отвыкшие от орала
И уставшие от грехов,
Возвратились кони босые
И покаялись перед Россией
За себя и за – седоков.

10 января 2002 г.

Безумный мир

Ликуют, ликуют, ликуют
Убивцы Святой Руси…
- Где же Ты, Господи…вскую
Оставил Ты мя еси?

Отёсана гладко лесина,
Прибит поперечный брус –
Распята на нём Россия,
Как некогда Иисус.

Она за Христа и казнима,
Божественная жена:
Унижена и уязвима,
Позорно обнажена.

А гвоздь обжигает лодыжки,
Судорга рвёт желваки.
Тают на теле ледышки –
Этих людишек плевки плевки.

Что же! Ваш день, фарисеи:
Сегодня – страстной пяток.
Но знайте, придет Воскресенье,
Лишь минет трехдневный срок.

И скажет, ухмылку напялив,
Главнейший ваш фарисей,
Что вы не Россию распяли,
А – совесть планеты всей.

Потом он себя вам покажет
В мерзкой личине змеи,
И тихо так, вкрадчиво скажет:
«Без совести – вы мои».

Тогда, возопив от бессилья,
В кровь раздирая уста,
Поймете вы: мир без России –
Как верующий без креста.

11 января 2002 г.

Лишь с тобой

Словно последний грош
В горсти у бедняка
(Нету другой – ну, что ж?),
Песня моя легка:
Где-то шумит рожь,
Где-то журчит река…
Ты без меня проживешь,
А я без тебя – как?

Гордо плывет струг
Вслед золотой ладье –
Это небесный пух
Радует всех людей.
С небом играет луг,
Весь в голубой воде…
Ты без меня – вокруг,
А я без тебя – где?

Как исполин-осётр,
Лёг на поляне стог.
Ветер с собой несёт
Старой ветлы листок,
Запахи русских сёл,
Храмов трезвон литой…
Ты без меня – всё,
А я без тебя – кто?

Я без тебя не берусь
Песни слагать зря.
И без меня ты – Русь.
А я лишь с тобой – я.

15 января 2002 г.

Русский груздь

В русских сумрачных дубравах
Есть волшебный русский груздь…
Я купаюсь в русских травах,
Я топлю в них боль и грусть.

Я иду по русским тропам…
Да чего там городить:
Я по ним с рожденья топал,
С той поры, как стал ходить.

Я вдыхаю русский воздух –
Мне противен чуждый смог.
Мне дает в дороге роздых
С русским сеном русский стог.

А тоска застрянет в глотке –
Русский квас введет в кураж.
Ну, а кружка русской водки –
Это высший пилотаж.

Мне заплакать здесь не стыдно
И от боли заорать.
Мне терять здесь не обидно
И не страшно умирать.

Даже, если очень грустно,
Всё равно мне здесь легко,
Потому, что сам я русский –
Из крестьян, из мужиков.

16 января 2002 г.

Тропинка в Россию

Я всё время хочу быть с тобой.
Насыщаться покоем.
Вдыхать этот ветер.
И настой родника на улитках и травах
пить, как лошадь взасос,
приминая ушастый лопух.
А потом
воровать недозрелый горох,
зарываясь в зеленые плети,
И бояться колхозного сторожа –
доброго, полуслепого,
седого, как ласточкин пух.
И бежать от него
по горбатой дороге
вдоль чьих-то цветных огородов,
На бегу вдруг набросить
на шею мустангу
придуманный тут же аркан.
И, раздевшись
до белого блеска на бедрах,
сорваться в небесную воду –
И нырять, и смеяться,
и снова нырять
пока сам, как река,
Не покрылся узорчатой синью…
Я хочу быть с тобой.
Я хочу быть тобой.
Я хочу быть тропинкой в Россию.

17 января 2002

Разговор с церковным сторожем

Сливался день за окоём
И краски лета меркли.
А мы с Петровичем вдвоём
Сидели возле церкви.

Вели неспешный разговор
О том, о сём, о прочем…
И, вроде как бы чуть в укор,
Я вдруг сказал: «Петрович,

А как ты верующим стал?
Ведь атеист был ярый.
Поди, в сомнениях не спал,
Всю душу измытарил?»

Он долго, долго так молчал,
Приглаживал седины,
А начал как-то сгоряча,
Как будто со средины:

- Я помню только чей-то крик,
По-бабьему истошный:
«Ребята! «Кировец» горит!
А там же хлеб не скошенный!»

Потом не помню ничего…
Но главное-то помню:
Весь обгоревший, но живой
Я шёл назад по полю.

Вставало солнце над жнивьём.
И думал я: «Какое солнце!
А мы с женой вразброд живём.
А что делить? Чего нам ссориться?

С соседом чуть ли не в ножи
За межевые вишни.
Зачем? Ведь так прекрасна жизнь,
Ну… прям, как зерна в пригоршне».

Он замолчал… «А дальше, что?» –
Опешил я немного.
Он улыбнулся: «Дальше – то.
Теперь живу я с Богом».

И я вдруг понял: только так –
Без споров и истерик,
Без шума яростных атак,
Без крика с пеною у рта
Душа приходит в вере.

22 января 2002 г.

Духовнику

Отпусти мне грехи мои, отче.
До причастия допусти.
Нету сил уже, нету мочи
Окаянство своё нести.

Столько лет то в слезах, то в мертвости
Я у Бога прощенья прошу
За творимые мною мерзости…
И опять – всё грешу и грешу.

Будто мерин слепой на вороте,
Я безвольно по кругу бреду –
Своей страстью избитый, испоротый,
Возвращаюсь я к ней, как в бреду.

И свиньёй, только что обмытою,
Устремляюсь обратно в грязь:
В ту же самую лужу обрыдлую
Снова плюхаюсь всякий раз.

И мотает меня, как осоку:
Снизу – доверху, сверху – вниз.
То я выпрямлюсь в небо высокое,
То сломаюсь в болотную слизь.

Что со мной происходит, отче?
В голове - то покой, то гул.
Жить душа во грехе не хочет,
И безгрешным я быть не могу.

Пожалей меня, батюшка родненькой,
Притули к своей крестной груди.
Над обрывом, по жердочке тоненькой
Проведи меня, проведи…

22 января 2002 г.

Сумеречная зона

Ещё не свет, уже не тьма –
Преддверье сумеречной зоны.
И виден муторный туман,
Покрывший серые газоны.

Там душ преставленных покой
Зубовный скрежет не тревожит.
И грешной плоти никакой
Червь неусыпный там не гложет.

И хоть страдания там нет,
Но и блаженства нет в помине.
То ль полумрак, то ль полусвет –
Всё замерло на половине.

Там нет врагов, но – нет друзей.
Там есть пути, но все бесцельны.
И это как пустой музей,
В котором мумии – бесценны.

Туда заказан вход тому,
Кто первым ввергнут в преисподню.
Но и туда же, в полутьму,
Не сходят ангелы Господни.

Там страх – закрытая страница…
Но нет страшнее ничего
Того, что можно не страшиться
Творца и Бога своего.

И в этой сумеречной зоне
Готовят место для меня
За то, что я в житейском гоне
Не заслужил себе огня,

Не заслужил себе и Неба.
И вот, остался наг и сир,
Ещё достойный корки хлеба,
Но – не вхождения на Пир.

Я обречён… И всё же, всё же…
В преддверье сумеречных зон
Я воззову к Тебе: «О Боже,
Не верю в этот страшный сон!

Гвоздями совести прибитый
К Тобою данной мне судьбе,
Я все равно пойду с молитвой
Не к потакавшим, но – к Тебе:

- Прости мне, Господи, срединность!
И в теплохладности моей
Яви одно мне чудо – Милость:
Не дай войти мне в сумрак сей.

24 января 2002 г.

В притворе храма

Стояла девочка в притворе
Перед иконою Христа…
Она была с подружкой в ссоре,
Она хотела взрослой стать.
Она грубила маме даже,
Она не выучила стих…
Она всё Боженьке расскажет,
И Боженька её простит.

Стояла женщина в притворе
Перед иконою Христа…
Какое-то большое горе
Застыло на её устах.
Она помедлит за порогом,
Но к аналою подойдёт.
Она заплачет перед Богом
И Бог простит, и Бог поймёт.

Стояла бабушка в притворе
Перед иконою Христа…
Всю жизнь её в потухшем взоре
Никто не силах пролистать.
Она припомнит всё, что сможет,
И исповедуется, вплоть
До комсомольского безбожья –
И всё отпустит ей Господь.

К притвору, в облике Аксиний,
Анастасий, Светлан, Марусь,
Подходит грешная Россия,
А входит в Храм – Святая Русь.

24 января 2002 г.

Когда мы становимся русскими

Проходим тропами узкими –
В руках лишь сума да посох…
Когда мы становимся русскими:
С рождения или после?

Мы сами того не ведаем,
Но, даже рискуя родством,
Мы русских в себе исповедуем
Всей сущность, всем естеством.

Когда в тишине осенней
Полями России бродим мы,
Запах мокрого сена
Становится запахом Родины.

Когда на скрипучем стуле
Сидим у окон осклизлых,
Звук пролетевших сосулек
Становится звуком Отчизны.

Когда мы стоим во храмах,
Душой прилепляясь к Вечности,
Цвет облачений багряных
Становится цветом Отечества.

Когда мы становимся нашими:
С рождения или после?..
В Россию идут, как в монашество, –
Её принимают, как постриг.

27 января 2002 г.

Братья

Литургия идёт… Ждём Великого Входа.
И стоят со мной рядом на службе все те,
С кем навек я повязан не узами рода,
А единственно прочным родством во Христе.

Я с любым разделил бы опасность разведки –
Это братья мои… Только кажется мне:
С Куликовского поля пришли мои предки,
Чтобы снова полечь на священной войне.

Слышу сердцебиение каждого брата.
Кожей, нервами, кровью врастаю в их ряд.
Символ Веры звучит, как Присяга солдата,
Ибо каждый из братьев по сути солдат.

Что готовит нам мир за церковным притвором?
И в какие сражения бросит нас жизнь?
Ты покрой нас, Россия, своим омофором
И своею любовью нас вооружи, –

Чтоб не дрогнуть нам в горне крутых испытаний,
Чтобы так же, как в храме, стоять нам в бою,
Чтобы даже под пыткой, во вражеском стане
Исповедовать веру святую свою.

Враг прошёл по земле твоей, Русь, исковеркав
Всё, что можно, но братства не смог победить.
Обопрись, как о посох, о нас, Матерь Церковь,
И уверенно чад своих в Царство веди.

Все дороги России скрестятся у Храма, –
И тогда, ничего не деля пополам,
Мы всё золото душ, до последнего грамма,
Отдадим на святые его купала.

Ясный Ангел России возьмет это злато,
Вознесёт и возложит на Божье крыльцо:
- Вот, прими их, Господь, как единого брата,
Ведь при жизни Ты был им Единым Отцом!

30 января 2002 г.

В заброшенной деревне

Идут дожди. Холодные туманы
Вминают в грязь пожухлую траву.
А дни пусты, как рваные карманы,
И бесконечны, как поток во рву.

Заброшенная мёртвая деревня…
У покосившейся заброшенной избы
Стоят больные, старые деревья…
Но как легко и радостно здесь быть.

Я не спеша зажгу свечёй лампаду
(Здесь некуда и незачем спешить),
Я не спеша за стол скрипучий сяду
И погружусь в безвременье души.

И долго-долго буду там бродить я,
Никем не понукаемый из вне –
Искать святую древнюю обитель,
Что глубоко сокрыта там, во мне.

И вдруг найду. И постучусь в ворота.
Откроют мне суровые мужи –
Неведомые праведники рода.
И я пойду у них учиться жить.

Наверно, здесь, в заброшенной деревне,
В пропахшей плесенью и древностью избе
Я становлюсь и чище, и смиренней –
И от того слышнее сам себе.

3 марта 2002 г.

Китеж-озеро

Выйду в поле, вокруг оглянусь,
Окунусь в предзакатное золото.
Это Русь, это светлая Русь
Окрыляет себя горизонтами.

И летят её сны сквозь меня
Нескончаемыми вереницами
То на Святках в потешных санях,
То во мгле перелётными птицами.

Вижу отблеск её куполов
В мутных лужах и в чистых проталинах.
Слышу гул её колоколов,
Погребённых в церковных развалинах.

Этот гул переходит в набат –
Супостату по-прежнему грозен он…
Ты, Россия моя – Китеж-град,
Ну, а я… Ну, а я – твоё озеро.

Я тебя берегу в глубине,
Ограждая души моей водами.
Боль твою, что ты прячешь во мне,
Я храню под хрустальными сводами.

И, как скрывшая Китеж вода,
Что врагами и бродом не пройдена,
Я тебя никому не отдам,
Православная ты моя Родина.

5 марта 2002 г.

Золотая земля

Золотистыми снегопадами
Налетели из далека –
Листья падали, листья падали,
Листья плавали в родниках.

Это золото высшей пробы
Аж звенит на сыром ветру, –
И уже золотые сугробы,
По колена, лежат вокруг.

А земля, что под золотом дремлет,
Так спокойна и так светла!
И недаром на ней издревле
Кроют золотом купола.

Златоглавее тонких осинок,
Белокаменнее берез
Божьих храмов по всей России
Мне увидеть не довелось,

Потому что земля золотая
Их растит их своей груди…
Золотит себя Русь Святая,
Чтобы Господу угодить.

6 марта 2002 г.

Русское кладбище

Оставлю котомку нищенскую,
Посох в крапиву заброшу,
Войду в тишину кладбищенскую
На кладбище, что за рощей.

Рукой обопрусь об ограду,
Молитву прочту о покойном,
На ветхую лавочку сяду…
Здесь так хорошо и спокойно!

Блестят золотые осы
В траве на могиле заброшенной,
А ветер несёт с покоса
Запах травы свежескошенной.

Никто не мешает молиться…
Насельники этой твердыни
Мне не знакомы по лицам,
Зато имена их – родные.

Кресты как друзья-товарищи
Светло выступают навстречу.
Чудно на русском кладбище –
Здесь хочется жить вечно.

8 марта 2002 г.

Осень на просеке

Молчат потухшие деревья
Над жёлтым изголовьем пней.
Дрожат потерянные перья
В следах, замёрзших на тропе.

Крик птицы. Тишина. И снова –
Крик птицы, резкий и больной.
И жажда праведного Слова,
И страх, и радость, и покой.

Уйдём когда-нибудь в поверья.
Когда-нибудь… но не теперь.
Дрожат потерянные перья
В следах, замёрзших на тропе.

8 марта 2002 г.

Осень с женой

Мы с тобой по грунтовке бредём:
Слева – лес, справа – ветхий сарай,
Впереди – деревенский наш дом,
Наша гавань, наш маленький рай.

Слышишь? Птицы уже не поют.
Видишь? Зелень померкла в лесах.
Знаешь, мы уже лишние тут
Как седины в твоих волосах.

А какой здесь был сказочный бал!
Нас теперь ослепили навек
Бриллианты росы на грибах
И рубины брусники в траве.

Нас в полон захватил не Кощей –
От стрекоз обезумевший луг…
Но, как всякая сказка вобще,
Наша тоже закончилась вдруг.

Будто раненый голубь-сизарь,
Умирает на западе день,
И глазастая, как стрекоза,
Рядом ты – моя плоть, моя тень.

Мы с тобой по дороге идём:
Слева – лес, справа – ветхий сарай.
Позади остаётся наш дом –
Древнерусский мистический край.

9 марта 2002 г.

Искушение ожиданием

Накорми с ладоней загнанного волка.
Чашу поднеси к его обугленным губам –
Жажду утоли. И прядью тонкой
Кровь утри с его ободранного лба.

В горницу введи, прихлопни ставень
Да махоркой за воротами посыпь,
Чтобы двор твой обошли, в хмельной облаве
Озверевшие, породистые псы.

Пальцы утопи в его шерсти репейной,
Уложи в постель, знаменьем крестным осеня.
Он уснул?.. Ну, что ж, ты сделала всё верно, –
А теперь ты вправе ожидать меня.

10 марта 2002 г.

Осеннее признание

Какая праведная грусть,
Неизъяснимая словами,
Возникла между мной и Вами…
Неизъяснимая – и пусть…

А за окном шумит октябрь
Ветрами красно-золотыми,
И повторяет Ваше имя,
Но так невнятно, что хотя б

Из шума вычленить не звук,
А только звука отголосок,
И лишь в мечтах, и то – вопросом
Коснуться Ваших светлых рук.

Да и бесплотною мечтой,
К Вам обращённою, невольно
Боюсь Вам сделать очень больно –
Так Вы чисты передо мной.

Но в миг, когда на склоне дня
Мой путь земной придет к итогу,
Прошу Вас: помолитесь Богу
За недостойного меня.

11 марта 2002 г.

Во храме

А мир уже был безнадёжно пуст,
Когда ваш гроб оставили во храме,
И я пригубил чашу ваших уст,
Мне поднесённую, увы, не вами.

И медленный мотив колоколов,
Не нарушаемый церковным хором,
Обрамливал единым ореолом
Безгрешное касание голов.

На чистый ваш младенческий алтарь,
Покрытый неподвижными руками,
Стекал со свеч расплавленный янтарь
И тут же превращался в жёлтый камень.

Во мраке храма, нам двоим светя,
То трепетное, что жило в лампаде,
Не золотило – серебрило пряди
Над плотью не рожденного дитя.

И Деву Света, рождшую Христа,
Я понимал и принимал впервые,
Целуя ваши мертвые уста, –
Хоть никогда не целовал живые.

…Она глядела с древнего холста:
Она не призывала, а жалела,
Она не укоряла, а скорбела,
Да так, что отступала пустота,
И сердце больше не болело. *(12 марта 2002 г.)*

Таинство Храма

1

В этом Храме нас только двое.
Этот Храм необычный такой, –
Из-под сводов над аналоем
Изливается гулкий покой.

Не горят пред иконами свечи,
Да и нету давно здесь икон.
В Храм свободно вторгается вечер
Сквозь пустые проёмы окон.

На полах штукатурка и гравий,
И какой-то уродливый хлам.
И давно он уж не златоглавый,
Это полуразрушенный Храм.

Весь ограблен, ободран, оболган,
Как у нищего у него
За душой ничего, кроме Бога,
Кроме Господа одного.

2

В этом Храме нас только двое
Пред Господом и судьбой.
Всё ненужное, всё земное
Отступает само собой.

Никого… Мы одни среди мрака,
И ничьи не слышны голоса, –

Совершается таинство брака,
Заключённого на Небесах.

Те миры, где ещё предстоит нам
Осознать всё, что выпало здесь,
Открываются нашим молитвам,
Как наш мир Вифлеемской звезде.

Я веду тебя вкруг аналоя
По ухабам грядущих дорог…
Пахнет ладаном и алоэ…
В Храме двое нас – мы и Бог.

12 марта 2002 г.

Ты нашла меня

Терял я много в этой жизни
И очень мало находил,
Когда по сумрачной Отчизне
С душой измученной бродил.

Я так желал вернуться в детство,
Но не в своё, а в чьё-то то,
Где после утренних приветствий
Бегут купаться на затон,

Где блещут дождики косые,
Грибными сказками маня,
И где мальцы, во всю босые,
В ночное скачут на конях,

А кони ржут, слегка балуя,
В губах не чувствуя удил…
В душе искал я Русь былую –
Не находил… не находил…

Но как-то летом, на кладбище,
Вошел я в древний сельский храм
И слышал Глас: «Чего ты ищешь?
Проси. Я это тебе дам»

Я попросил. И вдруг – о, чудо! –
Я вижу: посреди икон
Бегут мальцы, бегут и будят
В кувшинках дремлющий затон.

Я вижу, как они, босые,
В ночное скачут на конях…
Благодарю тебя, Россия,
За то, что ты нашла меня.

28 марта 2002 г.

Разговор в больничной палате

Он «дальнобойщик» был крутой,
Матёрый шоферюга,
Сработан грубо, но такой
На нож пойдёт за друга.

Он на кровати был распят –
В бинтах, как белый кокон.
Рассказ он начинал раз пять –
Слова глотал и комкал.

- Когда машина поползла
На скользком серпантине,
Напарник: «Прыгай. – мне сказал. –
Ну, и… привет Галине».

- Под нами были гаражи,
А между ними люди.
Но МАЗ он чётко положил,
Как бутерброд на блюде.

- Ему-то ладно. Он погиб.
А мне чего-то грустно.
Плевать на перелом ноги:
Душою бы не хрустнуть.

- Эх, если б я был за рулём…
И снова замолкал он:
Глаза – как омут подо льдом,
А желваки – как камень.

А я, теряя мыслей нить,
Прикрыв лицо рукою,
Всё думал: «Надо русским быть,
Чтобы вместить такое,

Чтоб так спросить: «Зачем же, смерть,
Не я погиб, а кто-то?»
Да, душу русскую иметь –
Тяжёлая работа.

Но в этот миг я свой народ
Любил до дрожи мускул,
И был собой безмерно горд,
Что сам я тоже русский.

31 марта 2002 г.

Земля моя

Легко дышать в открытом поле,
Широк лесистый горизонт.
А с колоколен, с колоколен
Стекает в мир спокойный звон.

Течёт он к северу и к югу,
Течёт на запад и восток –
Он заполняет всю округу
Как вмиг запруженный поток.

Кресты, кресты над куполами
Столь беззащитны в небесах! –
Так лишь ребёнок может к маме
Бежать, ручонки разбросав.

Земля моя! Ты, как и прежде,
Готова всем себя отдать:
Быть снисходительной к невежде
И мудрость мудрым преподать;

Омыть преступника от крови,
Зазвать голодных на обед…
Но только тот тебя откроет,
Кто сам откроется тебе.

Кто золотым крестом на храме
Себя сумеет утвердить –
Бежать к тебе, как чадо к маме,
И на бегу любить… любить…

3 апреля 2002 .

Имя Твоё

Во мгле вечерней, во мраке ночи
Я брёл один, почти без сил,
И между вздохов, как между строчек,
Твоё я Имя произносил.

А мрак сгущался, и с каждым шагом
Я видел в сердце: лишь там темно,
Где проходил я, – и лунным шаром
Катилась память передо мной.

И в междустрочье тяжёлых вздохов
Вписалась повесть моей судьбы.
И всё, что было в ней – было плохо,
Но ничего я не смел забыть.

Летели птицы с гортанным криком
И хруст их крыльев был так тосклив,
Что мне хотелось стать лунным бликом
И лечь прохладою на виски.

Но только Имя Твоё святое,
Что знал с тех пор я, как был крещён,
Мне не давало уже покоя
И не прощало меня ещё.

Оно любило – я это ведал.
Оно взывало ко мне: «Приди!..»
Но, чтоб над смертию стать победой,
Оно должно застучать в груди.

Я так же ведал, что это Имя
Ведёт дорогой стыда и слёз…
Но как иначе к тебе дойти мне,
Моё прощение – мой Христос?

19 апреля 2002 г.

На колени, душа

На колени, душа! На колени!
Сверзи гордую выю свою.
Стань бездомнее и смиренней
Журавлей, улетевших на юг.

Как они подчиняются зимам,
Год от года верша перелёт,
Подчинись Божьей воле незримой
И всему, что Господь ни пошлёт.

Научись быть покорной у почвы,
Что безропотно и без тоски
Принимает в себя днём и ночью
И дожди, и снега, и плевки.

Стань послушной как зрелые травы,
Или как придорожный родник,
Что себя отдают на потраву
Всем, кто только нуждается в них.

Обдирая чело о коренья,
Никого и ни в чём не коря,
Стой, душа, до конца на коленях –
Се, Жених твой уже при дверях.

21 апреля 2002 г.

Глубинка России

Здесь пахнет черёмухой и крушиной,
Здесь листья крапивы – с ладонь,
И лишь иногда намекнёт о машинах
Из-под керосина бидон.

Здесь можно всю жизнь проходить в телогрейке
И чистить раз в год сапоги.
Здесь можно в карманах мусолить копейки
И быть не беднее других.

Здесь запросто можно не думать о многом
И, отпуск у памяти взяв,
О многом забыть… Но вот только про Бога
Не помнить здесь просто нельзя.

Здесь всякая подлость – как дёготь на белом.
Здесь даже грешится не так:
Здесь чувствуешь грех каждой клеточкой тела,
Как будто бы кожа снята.

Дорогою сердца, дорогою древней
Когда я к тебе доберусь,
Глубинка России, глухая деревня –
Святая исконная Русь?

24 апреля 2002 г.

Брату во Христе
Константину Федосееву

Кресты на погостах

Святые дороги… Особые вёрсты
Пронзают насквозь древнерусский простор:
У каждой дороги – погосты, погосты
Хранят благодать православных крестов.

Подобно сошедшим с небес Херувимам
Стоят шестикрылые эти кресты
Меж видимым светом и Светом незримым –
Всегда неизменны, смиренны, просты.

О, русские кладбища! В ночь лихолетий
Свидетели миру из русской глуши,
Что мы православные даже до смерти,
И даже в годину забвенья души.

Когда мы нательных крестов не носили,
И храмы теряли свои купола,
На этих невзрачных погостах России
Кресты прорастали сквозь наши тела.

Порою за тернием звезд пятипалых,
Порою за спинами рубленных стел
Они, не страшась богомерзкой опалы,
Собой покрывали безбожие тел.

Нет! Эта земля перед Богом бессмертна,
Земля, где и в зной, и в морозную стынь
Стоят шестикрылые Ангелы Света –
Хранители веры, святые кресты.

2 мая 2002 г.

Проводы весны

Ты помнишь, как после захода солнца
Мы провожали с тобой весну?
Дрожали звёзды на дне болотца,
Лягушки пели – аж, не уснуть.

Луна вставала над колокольней –
Такой блестящий кусок слюды.
Весь мир казался святой иконой –
Так мироточили в нём сады.

А мы стояли с тобой у храма,
Вдыхая запах родной земли.
И в лунном свете, за белой рамой,
Был виден чей-то Небесный лик.

Но мы не думали и не гадали,
Кто он, чьё имя скрывает нимб?
Он просто звал нас в иные дали,
И нам хотелось уйти за ним.

Уйти вдвоём, как мы шли по жизни,
Как и сюда мы пришли вдвоём,
Мне Богом данный мой самый ближний -
Моя супруга, счастье моё…

3 мая 2002 г.

Без благодати

Согрешил!.. Пал на самое дно.
Самовольно сошёл со креста.
И рыдаю теперь об одном:
- Дай мне, Господи, силы восстать!

Всё, что хочешь отнять – отними.
Не давай, что не хочешь мне дать.
Но прошу, но молю: хоть на миг
Возврати мне Твою благодать.

Без неё задыхаюсь в лугах –
Посредине воздушных морей.
Без неё на лебяжьих пухах
Сплю, как спят на ребристой коре.

Без неё прикасание рук
Нежной, кроткой, любимой жены
Обжигают, как снег на ветру,
И уже – не нужны, не нужны…

Без неё моя жизнь меж друзей –
Будто рейд по враждебным тылам.
Без неё мне весь мир – Коллизей,
Где я раб, предназначенный львам.

Потерял благодать и…постиг:
Нет её – и не знаю, чем жить.
Возврати мне, Господь, возврати
То, чем я не умел дорожить.

13 мая 2002 г.

Кони, кони…

Белогривые, белокопытые,
Белосбруйные, белых мастей, –
Кони, кони, в сраженьях убитые,
Вы простите нас, грешных людей.

Это мы пред Господом разные:
Пугачёвы, Суворовы, Разины,
Немцы, русские, Гансы, Иваны –
Мы хоть знали, за что воевали.

Кто за Русь, кто за власть, кто за земли,
Кто за баб, кто за так, кто за семьи
Отягчал свои чресла мечём
Кони, кони, но вы здесь при чём?

Белогривые, белокопытые,
Не отпетые в храмах, забытые,
Нас покинувшие безымянными –
Всё простившие окаянным нам…

14 мая 2002 г.

Брат во Христе

Он молвил, взявшись за гайтан:
«Давай брататься, друг, с тобою».
Но помешала нам тогда
Команда: «К бою!»

Я видел, как упал мой друг,
Как замер он в кровавой луже,
Так и не выронив из рук
Своё оружие.

Короткий взгляд… и снова в бой –
В бою нет времени прощаться:
В тот миг и я, как и любой,
Мог там остаться.

Но я взошёл на высоту,
Покрытую свинцовой вьюгой…
И, лишь когда закат потух,
Нашёл я друга.

Я взял его нательный крест,
А свой повесил на него я:
- Мой брат, средь этих диких мест
Опять нас двое.

Порукой будут мне кресты:
Коль Русь прикажет – непреклонно
Я лягу так же, как и ты,
На этих склонах.

«Зачем вам горы и Кавказ!» –
На полк наш недруги косились.
Что нам до них?.. Рассудят нас
Бог и Россия.

20 июля 2002 г.

Русская песня

Пела русская женщина песню,
Опираясь щекой на ладонь,
О полях, о лесах, о полесьях,
Об озёрах, что спят подо льдом.

Пела песню о русской кручине,
О великой, глубинной тоске,
Что в России на веки почила
В каждой бабе, в любом мужике.

Пела песню про русскую удаль
Да про русский былинный замах,
Что доселе заморскому люду
Не вместить ни в сердцах, ни в умах.

А ещё она пела о вере
И о верности, и о любви,
И о том, что родимый свой берег
Не находят порой корабли.

Разбередила сердце мне песня,
Раскровянила душу мою…
Русь Святая, конечно, воскреснет,
Раз такие здесь песни поют.

24 июля 2002 г.

Земля обетованная

Земля обетованная –
Священная земля!
Поля повсюду бранные –
Духовные поля.

На них стоят суровые
Полки-монастыри.
И храмы в шлемах кованых –
Князья-богатыри.

Кресты восьмиконечные,
Как ратники в строю,
Смиренные, извечные,
За храмами встают.

И служат им подножием
Надёжнее корней
Сыны земли сей Божией,
Почившие на ней.

А вечера здесь длинные
И звёзды – на пруду.
И песни соловьиные
Захватывают дух.

Здесь свежестью росинною
Дышу, пока молюсь…
Здесь, скрытая Россиею,
Живёт Святая Русь!

26 июля 2002 г.

Чёрные сотни

Видишь, Россия, свои ополчения?
«Чёрными сотнями» нас нарекли.
Чёрные – это за то, что от черни.
Чернь – потому, что от чёрной земли.

В чёрные дни покрывали кольчуги
Грубую кожу натруженных плеч,
И, оставляя тяжёлые плуги,
Брали мы в руки карающий меч.

Как и на поле на Куликово,
Как в 41-м в поля под Москвой,
Русь призовёт – и выступят снова
Чёрные сотни на праведный бой.

Мы не дружина – мы лишь рядовые
В первом ряду Головного полка:
«Дай нам, Россия, склонить свои выи
Перед тобой – твоя ноша легка!»

В гуще сражений, в вихре кровавом,
Там, где от пламени жухли луга,
Мы наделялись единственным правом:
Первыми встретить удары врага.

Как и на поле на Куликово,
Как в 41-м в поля под Москвой,
Русь призовёт – и выступят снова
Чёрные сотни на праведный бой.

Наши враги, клевеща от бессилья,
Злобно готовы терзать нашу плоть.
Что нам до них? Позади нас Россия.
Кто против нас, если с нами Господь.

31 июля 2002 г.

Танковые учения

Наматываем золото на траки…
А осень! – любо-дорого смотреть!
Здесь, право, неуместны наши танки
У кромки леса, утром, в сентябре.

Ревут моторы, солнце сотрясая, –
Но в смотровые щели амбразур
Оно себя так пламенно бросает,
Что высекает крупную слезу.

Открыты люки, и в стальные кельи,
Промасленные робы теребя,
Врывается ядрёный запах прели,
Настоянный на ветрах сентября.

А листья – по колена! – в буераки
Текут золотоносною рекой.
А мы… наматываем золото на траки –
И нет дороже платы за покой.

5 августа 2002 г.

Суровая Русь

Последние метры он шёл на коленях, –
И жгли его звёзды погон,
И гравий хрустел, как кора на поленьях,
Когда её гложет огонь.

Пять свежих могил, пять крестов одноликих, –
По струнке, как воинский строй.
Пять жизней, пять судеб, запаянных в «цинки»,
И он перед ними – шестой.

- За то, что не умер я в том рукопашном,
У той безымянной реки,
За то, что я числюсь живым, а не павшим,
Простите меня, мужики!

Матёрый десантник, с обветренной кожей
Под цвет обожжённой брони,
Стоял у могил, сотрясаемый дрожью,
На руки лицо уронив.

Рыдал неумело, рыдал некрасиво,
Впервые неся этот груз…
Но грозно за ним поднималась Россия,
Святая суровая Русь.

Полки и дружины, князья, воеводы,
Дивизии Курской дуги,
«Афганские» роты, «чеченские» взводы
Вставали из братских могил.

Вставали, живые во всех поколеньях,
Навек победившие тлен…
Последние метры он шёл на коленях –
И Русь поднималась с колен.

9 августа 2002 г.

Здесь Русью пахнет

Здесь Русский дух, здесь Русью пахнет, –
Не просто запахом земным
Лесов, полей, лугов и пахот,
А чем-то всё-таки иным.

То – аромат Богослужений,
Особый русский аромат,
Рождённый не от всесожжений,
А исходящий от лампад,

От восковых медовых свечек,
От ладана с Ливанских гор,
От свежевымытых крылечек,
Ведущих с улицы в притвор.

То – навсегда душе привитый,
Родной для русских деревень
И хвойный запах панихиды,
И дух сенной на Духов день.

И сладковатый дух левкаса
От новописанных икон,
И запах яблочного Спаса
От приношений «на канон».

И райский запах мироточий,
Свежо, как свежесть от реки,
Проистекающий от отчей
Благословляющей руки.

Да – Русский дух, да – Русью пахнет.
Но этот дух живёт лишь в том,
Кто на Руси солдат и пахарь
Между молитвой и постом.

12 августа 2002 г.

Перепутье

Брёл я оврагами и буераками –
Этой привычной тропой древнерусскою.
Шла со мной под руку девкой заплаканной
Осень, дрожа под разодранной блузкою.

А над Россией, над Русью исконною
Листья кружили, кружили и – падали,
Как вдохновенный монах пред иконою
В келье суровой, пропитанной ладаном.

Впрочем, она была вечною келией,
Спящим до срока духовным Везувием,
Эта земля, где простое безверие
Высшею мерой всегда наказуемо.

И потому пред любым перепутием
Здесь вырастает валун преткновения…
Не ошибиться бы, не перепутать мне –
Выбрать бы верно своё направление.

То большаком, то просёлком, то волоком –
Сколько их, этих путей, мною пройденных?
Путь завершён! И я вижу Царь-колокол
На перепутье дорог моей Родины.

21 августа 2002 г.

Дума о русской женщине

…Давали план без нюнь, без жалоб,
А нужно было больше дать.
Война – понятно. Да ведь бабы…
И каждая вторая – мать.
«Начальник! Я таких видала.
Всего-то без году неделя.
А то, что с детворой одна я…»
И в кабинет толкнула двери.
Вошла и… вышла. А начальник,
Так и не поняв, что к чему,
Пожал безрукими плечами
И улыбнулся…
Почему,
Когда я душу свою мучу
Упрямой думой о войне,
Я вспоминаю этот случай,
Рассказанный когда-то мне

(Не помню кем, не помню места)?
Но вот запомнилось, и всё,
Как чья-то мать, жена, невеста
Тяжёлый груз войны несёт.

Одной лишь жалости хватало
Ей, хрупкой, слабой и больной,
Нечеловечески усталой,
Чтобы справляться с той войной.

Всегда так было: в час зловещий,
В смертельном вихре тёмных сил,

Святая жалость русских женщин
Хранила воинов Руси.

Она была бинтом на ране,
Письмом с родимого села.
А на кровавом поле брани
Она оружием была.

Она, прощаясь, всё прощала:
Обиды, горечи и боль.
Она собою воплощала
Надежду, Веру и Любовь.

…Давали план без нюнь, без жалоб,
А нужно было больше дать.
Война – понятно. Да ведь бабы…
Но каждая – Отчизна Мать!

28 августа 2002 г.

Русский вопрос

1

«Кто мы такие?..». – На своём пути
Как часто мы к своей душе взывали.
А путь таким был, что его пройти,
Казалось, мы сподобимся едва ли.

Но, уходя на северо-восток,
Всё дальше за спиной теряя Киев,
Недаром мы скупое слово «кто»
Отвергли прилагательным «какие».

«Какие вы?» – нас лучше так спросить,
Чем задавать неверные вопросы,
И мы ответим: «На Святой Руси
Мы русские!» Не русичи. Не россы.

2

Быть русским – это качество души.
Не правом рода – Словом благодатным
Оно тому дано, кто сам решил
Быть одесную от Христа распятым.

Мы приняли по доброй воле крест.
Что нам теперь земная эта правда?
Мы в сердце зрим и высоту Небес,
И глубину отринутого ада.

Нам ведом жар геенского огня,
Но всё же к нам нисходят Херувимы.

Пусть в покаянии греха нам не унять,
Но и в грехе мы покаянием томимы.

3

Не знаем мы, что ждёт нас в Судный час,
Но точно знаем: сосланный на остров,
Он теплохладными назвал не нас, –
Любимый у Христа святой Апостол.

Греша и каясь, каясь и греша,
Слезами омывая каждый промах,
Мы научились Господом дышать,
И только на Голгофе мы – как дома.

Народы мира! Слушайте наш клич!
Спасителя не искушайте ложью!
Взойдите к нам на крест, чтобы постичь:
Мы – русские, а это значит – Божьи!»

2 сентября 2002 г.

Звуки русской избы

Уютно за печкой трещит сверчок,
А в печке трещат дрова.
Свечке трескучей подставя бочок,
Уютно гудит самовар.

На лавке уютно мурлычет кот,
Под лавкой скребётся мышь.
Уютно перья скрепят под щекой,
Когда на перине спишь.

Это – звуки русской избы.
Под их перебор, как могли,
Жили предки мои, и в гробы
Под эти звуки легли.

Уютно лежалось им на столе,
Когда, подправя фитиль,
Дьячок, уважаемый на селе,
Распевно читал Псалтирь.

Под эти звуки им было легко
Идти в могильную тишь…
И снова на лавке мурлычет кот,
Под лавкой скребётся мышь.

И снова пламя гудит в трубе,
И снова сверчок поёт, –
Правда, теперь уже не в избе,
А только в сердце моём.

3 сентября 2002 г.

Чудо-искорка

Покаянный дождь

Он ко мне постучал с утра.
Он дрожал, не скрывая дрожь.
Я спросил: «Что случилось, брат?»
Он ответил: «Идёт дождь».

А на улице, за окном,
Небо было, как чистый лист,
И плясало солнце на нём,
Как подвыпивший гармонист.

«Почему, – я у друга спросил, –
Ты дождя от природы ждёшь?»
Он сказал: «На Святой Руси
Бесконечный идёт дождь».

Заглянул я ему в глаза,
Разорвал наважденья круг,
И вдруг понял, что он сказал,
О дожде говорящий друг.

Если нет покаянных слёз,
Если души сохнут – ну, что ж! –
Пусть тогда над землёй берёз
Покаянный идёт дождь.

6 сентября 2002 г.

Подарок

Здравствуй, мой друг, здравствуй.
Не жду по плечу удара, –
Четыре бордовые астры
Принёс я тебе в подарок.

А ветер, как пёс, увёртлив –
Нынче вся осень злая…
Что ещё дарят мёртвым?
Прости меня, я не знаю.

Помнишь: мой день рожденья,
В ущелье, в кольце боёв,
Как ты мне дарил печенье –
Последний свой сухпаёк?

Помнишь, как над убитыми,
За пять минут до броска,
Ты годы мои отсчитывал
Из своего рожка?

Ты мне дарил не патроны, –
Ты жизнь мне свою вручал,
Что бы оркестр похоронный
Не для меня звучал…

За то, что тогда был не голоден,
За те патроны твои
На нашей святой Родине
Жить мне теперь за двоих.

10 сентября 2002 г.

Москва под спудом

Небоскрёбных надгробий оскал
Над телами богатых и нищих…
Ты сегодня такая, Москва:
То ли – город, а то ли – кладбище.

Да, такая… Но только для тех,
Кто желает земной твоей славы.
Для несущих свой крест в простоте,
Ты по-прежнему – златоглава.

Нынче ты – как второй Китеж-град,
Как икона под копоти слоем.
Кто же узрит твой истый наряд?
Кто замрёт пред твоим аналоем?

- Хочешь видеть за строем могил
В золотой архипастырской митре
Ту Москву, что взрастил Даниил,
Ту Москву, что взлелеял Димитрий?

Поднимись на холмы и постой,
Ощути в своём сердце заплаканном
Белокаменный крепкий настой
На крестах, куполах и маковках.

Этой влагой святой окропи
Свою душу, томимую жаждой.
Пусть пред Богом она закипит,
Засверкает слезинкою каждой.

Пусть сведёт желваки твоих скул
Покаянных рыданий оскома.
И тогда ты увидишь Москву,
И она к тебе выйдет – к такому…

13 сентября 2002 г.

Три Матери

Душой варясь в бесовском снадобье,
Как часто мы хулили Мать…
О люди русские, не надо бы
Нам всуе матерь поминать.

Нас обманули наши недруги, –
А мы берём, что нам дают…
Кого мы кличем в смертном недуге?
Ведь не врача, а Мать свою.

Когда идём на поле бранное,
Мы за Россию-Мать идём.
И там, страдая плотью раненной,
Какую маму мы зовём?

А в годы, горем тароватые,
Издревле на Святой Руси,
За чьё заступничество ратуя,
Дерзаем Божью Мать просить?

Поймите сущность дара главного:
Тройная нежность нам дана –
Хранят любого православного
Три Матери, как Мать одна.

Они стоят, во всём похожие
(И не пытайтесь их разъять),
Россия-мать и Матерь Божия,
А рядом с ними – мама-Мать.

16 сентября 2002 г.

Напоследок

Если вдруг торопливая Смерть
Посетит меня скорой болезнью
Или раной от пули железной,
Я ей крикну: «Не сметь!»

Я скажу ей: «Послушайте, Смерть,
Я, конечно же, вас уважаю
И составлю вам часть урожая,
Но позвольте не вдруг умереть.

Дайте мне прикоснуться к земле:
Напоследок росою умыться
И воды родниковой напиться
Дайте мне…

Дайте мне пригубить эту синь –
Причаститься от тела России.
А потом, так и быть, уносите
В те края, где не будет Руси».

16 сентября 2002 г.

Русская Дорога

На русскую тяжкую эту дорогу,
Как вор на Владимирский тракт,
Ступил я неверной ногою – дрогнул…
Вдруг слышу: «Пройди её так:

От Чудского озера к Дону с Непрядвой,
Вдоль бродов и плёсов Угры,
На храм Бородинский и там, за оградой,
По полю, срезая углы,

Дойди до Москвы и постой под Москвою,
Прими тот военный парад,
И дальше иди, а за Курской дугою –
На Волгу и на Сталинград.

И дальше, и дальше – к Афганской границе,
Оттуда – в ущелья Чечни».
- Да как же пройти мне её и не сбиться?!
И слышу: «Не бойся. Начни…

Там кровью залиты холмы и отроги –
Не видел страшнее ты мест.
Но нету другой, кроме этой, Дороги,
Ведущей Россию на крест.

Но знай, что ведёт она в Царствие Божье,
Где Вечностью дышит душа.
А если пройти ты Дорогу не можешь,
То лучше сойди – не мешай…».

И жутко мне стало от этого слова,
Восстал одиночества дух.
- Нет! Я не сойду. Лучше снова и снова
Я Русской Дорогой пройду.

20 сентября 2002 г.

Святая «грешница»

Под мировым дождем промокнув,
Она сочувствия просила,
Она стучалась в ваши окна –
Больная, нищая Россия.

Вы не открыли ей, стоящей
Близ при дверях у ваших келий.
Вы, обозвав её гулящей,
Жить без России захотели.

Забыли вы в служенье бесам,
Что не она, а вы нуждались
В том подаянии небесном,
Которое зовётся – «жалость».

Вы перед нею, падшей, гордо
Блистали умными словами.
Вы обольщаетесь, народы:
Она грешна не перед вами.

Она томима грешной плотью
Лишь перед Господом Распятым.
В сравненье ж с тем, чем вы живёте,
И жизнь её, и чувства – святы.

А вы, ослепнув и оглохнув,
Всё ждёте: вот придёт Мессия…
От вас уходит на Голгофу
Святая «грешница» – Россия!

24 сентября 2002 г.

Смиренница

Отшумели леса, отпылали закаты,
Отцыкадили травы в степях…
Вся природа снимает зелёные латы
И стоит в драгоценных цепях.

Золоты и красивы вериги России,
Да весомей железных вериг, –
Пусть никто не узнает, как тяжко носить их
От Владимира и до Твери.

Пусть никто не увидит под золотом ризы
Безобразные струпья земли:
Беспролазную грязь, захудалые избы
Да народной печали разлив.

О, смиренница наша, ты вся перед Богом,
А для мира – твой чудный убор,
Что б не ведал сей мир, как постишься ты строго,
И как с Богом ведешь разговор.

24 сентября 2002 г.

Кто они?

Они уходят в ночь, в пургу –
Они не боятся ни боли, ни смерти,
Они идут навстречу врагу,
Грудью ломая и шторм, и ветер.

Они надёжны, как дамасский клинок.
Они чисты, как небесная просинь.
Последний кусок, последний глоток
Они поделят с тем, кто попросит.

Они не любят мышиной возни,
Когда за глаза говорят другое.
Но если рядом один из них,
Любая беда уменьшается вдвое.

Быть верным долгу, другу, жене –
Для них естественно так же, как птице
Лететь по небу, как полной луне
Светом, от солнца рождённым, светиться.

- Хватит! Довольно блистать монологом.
Кто они? Дай однозначный ответ.
- Они – это мы, но когда мы с Богом.
…Когда без Бога, таких просто нет.

27 сентября 2002 г.

В русских селеньях

Сюда Он пришёл из заморских селений,
Где тщетно искал Он еды и угла,
И где говорили, впуская лишь в сени:
«Нас грабит король и судьба допекла».

Здесь люди такими же грешными были,
И так же корили судьбу и владык.
Но Он голодал – и Его накормили.
Он жаждал – и здесь Ему дали воды.

Он крова просил, и Ему предложили
Сухую одежду и тёплую печь.
А утром в котомку Ему положили
Всё то, что успели в дорогу испечь.

Хозяин простился с Ним чинно и трезво.
Хозяйка, стыдясь набегающих слёз,
Спросила со вздохом: «Как звать тя, любезный?»
Он тихо промолвил им: «С вами Христос».

1 октября 2002 г.

Листьев гроздь

Гроздь осенней листвы,
как янтарная гроздь винограда –
Умирающий клён под рыдающим небом.
До чего он красив!
Это высшая в жизни награда,
Пусть и кажется это кому-то нелепым.

Я люблю тебя, Русь!
Так умеет любить только русский
(Свой поймёт, а чужим объяснять бесполезно).
Я любовь берегу,
как ревнивые створки малюсков
Берегут жемчуга, погребенные бездной.

И пока в моём сердце
хранится жемчужина эта,
Перед совестью я хоть немного оправдан.
А иначе в России
нет смысла быть русским поэтом
Ни вчера, ни сегодня, ни, тем более, – завтра.

Дай мне в книге твоей
прописаться кровавым курсивом,
Дай себя подчинить твоей праведной воле, –
А когда я умру,
положи мне на гроб мой, Россия,
Гроздь осенней листвы – и я буду доволен.

1 октября 2002 г.

Ночной кошмар

Я увидел вчера страшное
(То ли сон, то ли явь – не ведаю):
Над дымящей, как кровь, пашнею
Смерть вставала луной медною.

Заржавели в полях бороны –
Больше некому семя окучивать.
Полетели по небу вороны,
Грозовыми клубясь тучами.

Горизонты огнём вытканы,
А в огне, до крестов оплавленных
Изуродованные пытками –
Люди русские, православные.

А над их дочерьми и жёнами
Будто клятву прочли подлую, –
И выходят они обнажёнными,
Без стыда, на торговый подиум.

И бунтует сын – от рождения
Почитает отца за равного.
Поражение… поражение…
Но не вижу я ворога явного.

Не проносятся там всадники
Под татарскими малахаями,
Не стоят там чужие ратники,
Похотливые и нахальные.

Только шёпот: мол, воля – вольному,
Никакого, мол, понуждения…
Возопил я: «Господи, больно мне!»
И закончилось наваждение.

Я очнулся в своей горнице:
Пред иконой жена склонилась
И воркует святой горлицей…
Слава Богу! Мне всё приснилось.

…или всё-таки не приснилось?..

4 октября 2002 г.

Русский солдат

Мы бронёй прикрывали «Груз 300».
И тогда мне сказал друг Лёха:
«Не бывает на войне атеистов,
Как на поминках – скоморохов».

Ничего я ему не ответил,
Не ложились на масть разговоры…
А потом был промозглый ветер,
Своя боль и чужие горы.

Были стычки в ущельях проклятых
И бои в направлениях главных,
И распятые наши солдаты
У шоссе на столбах телеграфных.

А была ещё жажда выжать
Газ, – чтоб траками всё коверкать.
И тогда стало главным: не выжить,
А в себе сохранить человека.

…Брёл на танк их пацан черномазый.
Для кого-то считалось бы нормой
Плоть его по дороге размазать,
Но мой Лёха вдруг выжал тормоз.

Он пошёл под снайперский выстрел
И на землю упал, не охнув…
И не стало на свете танкиста –
Потеряли мы нашего Лёху.

А когда я рванул его ворот
Там, где кровь проливалась из раны,
Я впервые увидел – вот он! –
На груди его крест восьмигранный.

На броню положили танкиста,
И тогда я сказал ему: «Лёха,
Не бывает на войне атеистов,
Как на поминках – скоморохов».

7 октября 2002 г.

Хранитель

Иду – куда, не ведаю –
Тропой осенней гулкою,
Хрустит листва под кедами,
Под ветхою обувкою.

На мне штаны с заплатами
И телогрейка в клочьях вся.
А не были богатыми
И начинать не хочется.

Другое мне отмерено
Пройти по жизни поприще,
И Господом доверено
Особое сокровище.

Кому хоромы сложены,
Где сундуки с комодами,
А мне – все храмы Божии
Под золотыми сводами.

В любой вхожу не гостем я,
А сыном в лоно отчее,
Смотрю: а как – по совести? –
Труждались мои зодчие.

И с каждым храмом связан я
Тропиночкою узкою…
Такая вот обязанность:
Хранить наследство русское.

11 октября 2002 г.

Зимние бабочки

Зима. На улице мороз.
А в храме бабочки летают,
Как будто с неба опадают
Ожившие бутоны роз.

Откуда бабочки зимой,
Ведь храм не топится неделю?
Я этой тайной не владею,
Но как прекрасно, Боже мой,

Они порхают у икон,
Они кружат в паникадилах.
И чудо то, что это диво
Здесь принимается легко.

Не удивляется народ,
Как будто это так и надо –
Трещит свеча, курится ладан,
Спокойно молится приход.

Зима. На улице мороз,
А бабочки не умирают:
Они, наверно, понимают,
Что смерти нет
там,
где Христос.

14 октября 2002 г.

Осенняя молитва

Над Русью летят перелётные птицы –
Ведут за собою их птичьи вожди…
В такую минуту удобно молиться,
Когда на Россию приходят дожди.

Стучат по стеклу перезрелые капли
И стук их диктует молитвенный ритм.
Душа обнажёна, как лезвие сабли,
А в сердце спокойно молитва горит.

Пред образом Спаса мерцает лампада –
Единственный свет в наступающей мгле.
И мне ничего больше в жизни не надо
На этой прекрасной и грешной земле.

Смолкают все звуки, и в замершем мире
Огромно звучит Покаянный Канон,
В дыханье вплетаются песни Псалтири,
И тело вершит за поклоном поклон.

И вдруг за стеною бревенчатой клети
Я слышу, как дышит Земной этот шар.
И всех, кто живёт и кто жил на планете
В себя принимает смиренно душа.

И нет уже эллина, нет иудея;
И нет нелюбимых, постылых, врагов;
И нету убийцы, вора, любодея –
А есть только Бог и творенье Его.

15 октября 2002 г.

Божьи скитальцы

Во мраке ледяной вселенской ночи
Бредём по миру, одиночества полны.
Духовным голодом пылают наши очи,
Исполнены пророчеств наши сны.

Не украшают перстни наши пальцы,
И наши головы не в блеске диадем.
Куда стремимся мы – небесные скитальцы?
Где ищем свой потерянный Эдем?

Стоят народы вдоль дороги нашей,
Как зноем иссушенные кусты.
А мы уходим – дальше, дальше, дальше –
От их бездушных каменных пустынь.

На всём пути, не ведая покоя,
Мы жаждем тот единственный покой,
Что где-то там – за лесом, за рекою,
За этой бесконечною тропой.

И шаг наш тяжек, стёрты наши ноги,
Истерзана в походе наша плоть, –
Но мы торим вселенские дороги,
Которые отмерил нам Господь.

15 октября 2002 г.

Русь покаянная

Вы слышали, как в небе плачет птица –
Подругу потерявший дикий гусь?..
Вы видели, как молится, постится
И кается в грехах Святая Русь?

Не видели? И лучше не смотрите,
Такое слабонервным не поднять.
Уходит Русь в духовную обитель,
Как на войну уходят умирать.

И там, в своих невидимых затворах,
Под гнётом тяжких потолочных плит,
Зажатая, подобно зверю в норах,
Молитву покаянную творит.

Грызут ей плоть железные вериги:
Из ран сочится Каинова кровь.
Рвут внутренность Иудовы интриги,
И нестерпима Божия любовь.

Страдает Русь – от боли вся корёжась,
Она скулит как раненный щенок…
И грех уходит милостию Божьей.
И Русь ложится у Христовых ног.

И просветлёнными уже глазами
Она глядит, глядит, глядит в Христа.
И снова ноги Бога лобызают
Её святые чистые уста.

18 октября 2002 г.

Русская осень

Август плодами истаял,
Осень взошла на крыльцо.
Сбились в тугие округлые стаи
Чёрные точки скворцов.

Стала небесная просинь
Влажной, как листья в воде.
Осень в России – особая осень,
Нету подобной нигде.

Здесь причащается чуду
Мир наш, лежащий во зле:
Золото, золото, золото всюду –
В воздухе и на земле.

Пусть ко греху мы наклонны,
Святость нам так же дана.
Как бы иначе окладом иконы
Стала моя сторона?

Коли есть риза оклада,
Значит, есть образ под ней.
И ничего говорить мне не надо –
Господу Богу видней.

Нужно лишь всем помолиться,
Сделать всей Русью поклон, –
И превратятся все русские лица
В лики церковных икон.

18 октября 2002 г.

Вершина

Сверкала на солнце Вершина
Нетронутым девственным льдом.
И мы к Ней подняться решили,
И долго молились о том.

Явился нам пастырь неложный
Со свитком проверенных карт.
А чтобы сплотиться надёжней,
Назвали друг друга мы «брат».

И вот мы на тесные тропы,
Свернув с обихоженных трасс,
Ступили: и сразу сугробы
По пояс опутали нас.

Чем выше, тем ветер сильнее
Свои предъявлял нам права,
И воздух, в груди леденея,
На части нам лёгкие рвал.

И кто-то вернулся обратно,
А кто-то стонал позади.
И с каждым потерянным братом
Трудней становилось идти.

А путь был всё круче и круче,
И всё недоступнее – цель…
И только наш пастырь могучий
Улыбку таил на лице.

- Какая, скажи нам, причина
Для радости в снежном огне?
Ответил он: «Цель – не Вершина,
А ваше стремление к Ней.

И пусть не дано вам добраться
К Вершине, вы всё же – в горах,
Из братьев рождённые в Братство,
В себе победившие страх.

22 октября 2002 г.

Осень в деревне

Осень, поздняя осень
Гонит все помыслы прочь.
Времени – только восемь,
А на дворе уже ночь.

Тихо мерцает лампада,
Свет изливая во мглу.
И ничего мне не надо
В этом медвежьем углу.

Тихо сижу у окна я,
Сам неотмирен и тих –
Кружится тихая стая
Воспоминаний моих.

Памяти узенькой дверцей
Входят минувшие дни,
Перед раскаянным сердцем
Выю склоняют они…

Бог мой противится гордым, –
Сердце! в слезах отмоли
Безблагодатные годы,
Грешные годы мои,

Чтобы они, словно гири,
С совести были сняты.
Чем бы я жил в этом мире,
Господи, если б не Ты?

Жизнь начинается снова…
Господи! дай в этот раз
Не пропустить Твоё Слово
Мимо ушей и глаз.

24 октября 2002 г.

В преддверии смерти

Россия, когда я один на один
Останусь с тобою в преддверии смерти,
Умолкнет пусть гам бытовой круговерти,
Покрытый покоем берёз и осин.

А после, знаменьем креста осеня,
Прими моё мёртвое тело на руки,
В себе упокой и возьми на поруки –
Прошу! – перед Господом Богом меня.

Словечко о сыне замолви Ему
(Тебя Он послушает, ты же святая),
Чтоб я, сквозь небесную синь пролетая,
В конце не попал бы в кромешную тьму.

Скажи, мол, конечно, он много грешил:
Был горд, своеволен, к тому ж – алкоголик,
Но, даже хмельной, выходя в чисто поле,
Он в каждой былинке не чаял души.

Скажи, что любил я тебя, Его дочь –
За Дом Богородицы в битву готов был
Идти я по первому призыву, чтобы
Смогла ты любую беду превозмочь.

Молись за меня, моя милая Русь,
Чтоб мне поселиться в обители Бога,
Хоть в самом последнем домишке убогом, –
А я за тебя, как умею, молюсь.

25 октября 2002 г.

Чудо-искорка

Тихо-тихо становится в мире,
Когда ночь покрывает поля…
И летит в бесконечном эфире
Чудо-искорка, наша Земля.

Ей навстречу, бездушно, как выстрел,
Поднимается мрака волна.
Но лететь и лететь этой искре
До тех пор, пока светит она.

С каждым годом она всё бледнее,
Но пока не сгорит до конца,
Будет мрак расступаться пред нею,
Отстранённый десницей Творца.

А когда она полностью канет
В ледяной бесприютной ночи,
Ничего во Вселенной не станет –
Даже мрак себя в Тьме расточит.

Сколько ж искре отмерено этой?
Как надолго достанет ей сил?
Вы спросите у ангелов Света,
Что парят над полями Руси.

И ответят вам ангелы с грустью:
«Чудо-искорке хватит тепла.
Если будут светиться над Русью
Золотые её купола».

27 октября 2002 г.

Разговор в электричке
со случайным попутчиком

«Одного никак не может
разуметь душа моя
(Вот, поди ж ты, растолкуй-объясни ей):
Почему наша Родина,
вроде безбожная самая,
Оставалась православной Россией?

Проведя рукой крестообразно,
будто невзначай,
От звезды на лбу к карману с партбилетом
В трудный миг просили:
«Николай-угодник, выручай!» –
Богоборцы, богохульники при этом.

А когда, случалось, в битве
предстояло смерть вкусить
И упасть убитым в подорожники,
Позабыв про всё, взывали:
«Богородица, спаси!» –
Самые отпетые безбожники.

А как часто в электричках
да в общественных местах
Нищета врагов смягчала сердце мне, –
Ведь в России просят милостыню
именем Христа

Даже атеисты с иноверцами.

И, что характерно,
Николай-угодник выручал,
Богородица спасала, нищим тоже
Подавали Христа ради…»
Мой попутчик замолчал.
Ну, а я не стал его тревожить.

28 октября 2002 г.

Благовест в тумане

Пашни, луга, перелески,
Гулкий покой деревень, –
В непредсказуемом блеске
Тихо рождается день.

Тот, кто не спит здесь ночами,
Ведает, как на заре,
Дымка встаёт над ручьями
С гордым названием рек.

Стелется, стелется дымка,
Тянется к ближним буграм, –
Тонет в тумане тропинка,
Лугом ведущая в Храм.

Первый удар колокольный,
Как неожиданный гром,
Даже пугает невольно
В этом тумане сыром.

Но, всё упрямей и шире
Благовест льётся на луг.
И в пробудившемся мире
Всё изменяется вдруг.

Вдруг появляется солнце –
И в деревнях, что окрест,
В каждом окне и оконце
Виден сияющий крест.

1 ноября 2002 г.

Кровь предков

Я иду по стерне,
А вокруг – луговые покосы.
Притаилась деревня на влажном бугру.
Пахнет кровью травы,
Что смиренно ложится под косы.
Дует ветер с реки в обнажённую грудь.

Я сегодня впервой
В свои руки возьму косовище
И уверенно так же, как прадед мой встарь,
Размахнусь – и пускай
Над землёй моих предков засвищет
Свежей кровью травы напоённая сталь.

Буду долго косить,
Пока потом не взбухнет рубаха,
А потом наклонюсь над холодным ключом,
И внезапно пойму,
Что с таким же широким размахом
Мои предки умели справляться с мечём.

Я увижу их всех,
Я припомню их всех поимённо,
И, ладонью прикрыв задрожавшую бровь,
Я почувствую, как
Всё течёт под травою зелёной
Их живая горячая красная кровь.

1 ноября 2002 г.

Обыденный Храм

Рубим Храм. Ложатся брёвна,
За венцом венец,
До того легко и ровно,
Будто стук единокровных
Любящих сердец.

Топоры блестят на солнце,
«Зайчики» – от пил.
Кто поёт, а кто смеётся,
Кто с молитвою берётся
За концы стропил.

Каждый ловок и при деле,
И сметлив, и скор:
Нынче мы в одной артели,
Как душа в едином теле –
Истинный собор.

Каждый не смолой сосновой –
Ладаном пропах.
И всему у нас основа
Не азарт, а Божье Слово –
Молится монах.

Он стоит на солнцепёке
С самого утра:
И звучат святые строки,
И, круша земные сроки,
Возрастает Храм.

1 ноября 2002 г.

Последняя воля

Святая Русь! Ты в поле бранном
Всегда была страшна врагам, –
Склонялись в бое барабанном
Знамёна их к твоим ногам.

Так что ж теперь стоишь покорно,
Как в плен попавший дезертир,
Когда глумливо и позорно
В тебя плюёт трусливый мир?

Ведь ты ничьих оков не знаешь,
И ты пока ничья раба.
Так почему ж плевки стираешь
С улыбкой рабской на губах?

Вложили яд в твою десницу,
Плеснули в кубок твой разврат, –
И вот, как пьяную блудницу,
Тебя любой унизить рад.

Как пёс, дрожишь за вражьей дверью,
Питаясь хлебом и водой…
Святая Русь! Я не поверю,
Что ты не хочешь быть святой.

Я знаю, встанешь ты с коленей,
Сокрыв позор телес нагих –
И затрепещут в изумленье
Твои исконные враги.

Ты выйдешь в царственной порфире,
Как никогда ещё, чиста, –
Ты станешь в этом падшем мире
Последней волею Христа.

2 ноября 2002 г.

За Христа!..

Боевая машина горела.
И глядели десять солдат
На него: как он выправит дело –
Необстрелянный лейтенант?

Обложили все выходы-входы,
Даже снайперы на горе.
Что ж задумался ты, замкомвзвода?
Ну, давай же, решай скорей.

Он боялся. Вот она – правда вся.
Сам погиб, загубил ребят…
«Богородице Дево, радуйся!» –
Вдруг он выдавил из себя.

И схватив пулемёт Калашникова,
Встал на ноги и стал строчить,
И орал всё: «За Господа нашего!
За Иисуса Христа – мочи!»

А потом побежал он под пули,
Будто вечно в атаки водил.
И поднялись за ним и рванули
Все солдатики, как один.

Шли на смерть. Шли легко, отчаянно
(Умирать – так, хоть, не спроста),
И навстречу «акбару» кричали:
«За Святую Русь! За Христа!»

…Через час, все одиннадцать, в части
Пополняя боезапас,
Всё не веря в солдатское счастье,
Точно ведали, Кто их спас.

4 ноября 2002 г.

Мальчишки и девчонки России

Уходили мальчишки на фронт.
Провожали их девочки русские, –
Увядал не целованный рот
И глаза становились тусклыми.

А мальчишки седели в боях,
Оставаясь детьми, тем не менее.
Так взрослела Отчизна моя
Почти в каждом своём поколении

Век от века, без всякой вины,
Будто ей эти войны завещаны…
Возвращались мужчины с войны
И встречали их русские женщины.

Но опять и опять, и опять
Расставались мальчишки с девчонками.
На земле моей каждая пядь
Их слезами и кровью подчёркнуты.

Что поделаешь, Родина-мать?
Видно, так уж от Бога назначено:
Русским быть – это, значит, страдать,
И, наверно, не нужно иначе нам…

4 ноября 2002 г.

Парад у Храма в 41-м

Вот и всё. Закончился парад.
Отгремели траки по брусчатке, –
На трёхпалые сменить пора
Белые парадные перчатки.

Шли полки, дрожал вокруг гранит:
Уходили в бой на запад мглистый.
Не от Мавзолея шли они –
От Собора Покрова Пречистой.

Мавзолей – он побоку стоял,
Недоступный в нескольких саженях.
Нет, бойцов на смерть благословлял
Сам Василий, во Христе блаженный.

До чего ж он был тогда красив
Посреди кумиров этих ложных!..
Искони в традициях Руси –
Уходить на смерть от храмов Божьих.

Ведь давно известно наперёд,
Что не в силе Бог, а только правде.
Потому и выстоял народ,
Что в сраженья шёл он Христа ради.

Пусть набатный колокол звонит
И пророчит вороньё тревожно:
Есть пока в России, есть они –
Храмы, где молиться Богу можно.

5 ноября 2002 г.

Душа и плоть

Душа поёт и светом полнится.
О, эта грешная душа!
Она пред Господом преклонится,
От изумленья чуть дыша.

Она замрёт в томленье сладостном
От предвкушения любви,
И станет ей тепло и радостно…
Тогда её ты не зови.

Не кличь её из мира дольнего –
Она не слышит всё равно.
Не призывай туда, где больно ей
И неуютно, и темно.

Не соблазняй дарами разными,
Вином страстей не искушай.
Она устала жить соблазнами –
Больная, нищая душа.

В ней пробудились чувства дочери:
Обнял её Отец-Господь…
Ты лучше стань за нею в очередь,
Или совсем умолкни, плоть.

7 ноября 2002 г.

Молитва

Не дерзаю у Бога просить
Ни огня, ни меча, ни потопа,
Ни даров, ни любви, ни иссопа,
Даже смерти во славу Руси.

Быть без денег, всегда «на мели»,
И при этом духовно богатым,
Даже быть ради Бога распятым –
Не решаюсь я Бога молить.

Ты проводишь меня по судьбе,
Но твой замысел мне не известен:
Научи меня быть на том месте,
Где удобно не мне, а Тебе.

Не желаю быть даже «святым»,
Коли это Тебе не угодно.
Лучше пусть буду грязным и гордым,
Если это попустишь мне Ты.

Научи меня, Господи, жить
Так, чтоб жизни своей я не ведал,
Чтобы Сам Ты Себя исповедал,
Когда буду Тебе я служить.

7 ноября 2002 г.

Зимняя брусника

Мне нравится вкус мочёной брусники,
Когда зимой из морозной бадьи
Её вырубают – а ну-ка, рискни-ка –
И ставят на стол для приезжей родни.

Горька и сладка она одновременно,
И ломит зубы от колкого льда.
Потом начинаешь вникать постепенно:
Такого ещё ты во век не едал.

И хочется есть её снова и снова,
Не только сейчас, но ещё хоть сто лет.
И вдруг понимаешь: да это ж основа
Всего угощения, что на столе!

Вот так же и ты, дорогая Россия,
Подобна мочёной бруснике зимой –
Казалось, тебя до предела вкусил я,
Но стал только слаще твой вкус неземной.

И всё не могу свою душу насытить,
Познав твои реки, поля и леса…
Несите ещё мне брусники, несите!
А Русской земле я отдам себя сам.

8 ноября 2002 г.

Деревенский снег

Снег идёт – большой, ленивый,
Мягкий, как медведь из плюша,
Мимо леса, мимо нивы,
Мимо сереньких избушек.

Он идёт себе в развалку,
Как подвыпивший матросик.
Так, ни шатко и ни валко,
Он визиты всем наносит.

Он в одном дворе взобрался
На полковничьи погоны,
А в другом дворе набрался
Крепким духом самогонным.

Третий двор был тёмный, крытый -
Там не ждали снега в гости.
А в четвёртом, где корыто,
Падал он детишкам в горсти.

Так прошёл он всей деревней,
Всем отмерил равной меркой.
И дошёл туда, где дремлет
Покосившаяся церковь.

Лёг на купол белой смушкой,
Сруб укрыл пуховой шалью:
Стала Божия церквушка
Как невеста под вуалью.

9 ноября 2002 г.

По наследству

Никогда я не жил на деревне,
Но среди моей дальней родни,
Той, что слала нам в город варенье,
Деревенские были одни.

А ещё говорила мне мама,
В моём доме однажды гостя,
Что наш род основательный самый –
От сохи, то бишь, сплошь из крестьян.

Я ей верил. А как же иначе? –
Если так меня тянет в село,
Если даже на временной даче
Мне уютно всегда и светло.

Я люблю покосившейся дверцей
Выходить на крыльцо по утрам.
И ложится мне больше на сердце
Не кирпичный, а рубленый храм.

Изо всех, мне милее иконы
Те, что сельский писал богомаз.
И люблю я цветник подоконный,
И блестящий на солнышке таз.

И в звучанье имён этих редких
Я люблю наших Нюр и Марусь…
Ох, и прочно ж впечатали предки
В мою кровь деревенскую Русь.

9 ноября 2002 г.

Дорога в Храм

За храмом пасутся козы
На сочной и низкой траве.
Поодаль три тонких берёзы,
От паперти если – правей.

А слева – кудлатая слива
И прудик не больше бадьи,
Такая ж кудлатая ива
Склонила там ветви свои.

А к паперти, прямо к крылечку,
Подводит утоптанный тракт.
Бегут ребятишки на речку
По этой дороге с утра.

Идут по ней летом с покоса,
За хворостом ходят зимой.
По ней же на кладбище носят
Окончивших путь свой земной.

Проходят и зимы, и лета,
И люди меняются там.
Меняется всё – но не эта
Дорога, ведущая в Храм.

9 ноября 2002 г.

Пустая дорога

Идёт он, устало шатаясь,
Годами согбенный старик.
А жизнь – как дорога пустая,
К которой давно он привык.

Мелькают ненужные вёрсты
Уже столько лет, столько зим, –
И каждый её перекрёсток
Пугает безлюдьем своим.

Но были ж на этой дороге
Друзья и враги, и дела,
И слава, и власть – а в итоге
Куда же она привела?

Куда же оно подевалось,
Всё то, чем когда-то он жил?
Как будто бы всё оборвалось
У некой бесплотной межи.

Как будто бы всё растворилось,
Как сахар в стакане воды.
А может, и вправду, приснилось
Что был ты, старик, молодым?

Какой уж там сон… На дороге,
Где шёл ты, хватает всего.
Там нет только думы о Боге, –
А, значит, и нет ничего.

10 ноября 2002 г.

Россия в крестах

Тяжкий крест посреди бесконечных пустынь,
Занесённых снегами по плечи…
Сколько их на пути? Всё кресты да кресты…
Я повсюду крестами был встречен.

Где бы я по суровой Руси не бродил,
Я везде их касался без риска:
На церквях, на могилах, на чьей-то груди
Да во взгляде, порой, материнском.

Я стучался в дома – и впускали меня,
И впустивший всегда был радушен,
И хозяева, хлеб свой крестом осеня,
Говорили: «Пожалуйста, кушай».

Иногда мне в дорогу давали не хлеб
(Ибо, просто, там не было хлеба),
А крестили меня, и я нёс по земле
В своём сердце краюху их неба.

Да и сам я порою делился крестом:
Если брат не осиливал горя,
Свою грешную плоть облагал я постом
И крестился тогда за него я.

Вся Россия в крестах, как невеста в цветах.
А снега её белой фатою
Станут тем, кто по совести, а не за страх
Наречёт её Русью Святою.

10 ноября 2002 г.

Песню, братие, воспоем

Песню, братие, воспоем
О великих бранех и сечех.
Жизнь оставим – почнем Житие,
И возложим вериги на плечи.

Непомерен вериг этих груз –
В плоть врезаются кольца кольчуги.
Мы отслужим свой сорокоуст,
Положа свои души за други.

Тяжким будет бессрочный наш пост:
Не коснёмся мы жён наших нежных,
Наш ночлег будет жёсток и прост –
До тех пор, пока враг не повержен.

Не сойдём мы с ретивых коней
И не снимем шеломов помятых
До тех пор, пока в Русской стране
Правят мерзкий свой бал супостаты.

Будем есть мы сухие хлеба,
Размягчая их собственным потом,
До тех пор, пока наша судьба:
Делать ратную эту работу.

Мы уйдём в свой сердечный затвор.
Облечёмся в духовную схиму,
И не снимем её до тех пор,
Пока недруги наши не сгинут.

Песню, братие, воспоем
О великих бранех и сечех.
Жизнь оставим – почнем Житие,
И возложим вериги на плечи…

11 ноября 2002 г.

Единственная причина

Не знаю я, когда уйду.
Не ведаю своей кончины.
Но точно знаю – нет причины
Не видеть блеска звёзд на льду,

Не слышать хруст ночных снегов
И не вдыхать до рези в лёгких
Тот аромат, что спит на ёлках
Да в недрах сказочных стогов,

Не наслаждаться тишиной,
Её простым теплом овчинным, –
Я знаю точно, нет причины,
Пока я здесь и я живой.

И до тех пор, пока я здесь,
Я Божий мир в себя впитаю,
Как та распутница святая
Впитала праведную весть, –

И с благодарностью в глазах
Она взяла сию святыню
И понесла её в пустыню,
И воплотила там в слезах.

Вот так и я хочу вкусить
Всю красоту моей России,
Чтоб слёзы счастья воскресили
Во мне покой Святой Руси,

Чтоб Русь, попавшая в беду,
Была единственной причиной,
Когда придёт моя кончина
И я навстречу ей пойду.

16 ноября 2002 г.

Развилка

Дорога эта холодна,
И я на ней продрог.
Но жизнь – одна, и смерть – одна,
И нет других дорог.

Пока не встретишь поворот,
На ней свернуть нельзя:
Она ведёт назад-вперёд,
Как всякая стезя.

И под запретом тормоза –
Нельзя на ней стоять:
Или вперед, или назад,
Но нужно выбирать.

Идти вперёд? Душа дрожит
В неведении сил.
Идти назад? Но как там жить,
Когда уже там жил?

И тьма сплошная позади,
А впереди – восход.
Уж лучше все-таки идти,
Наверное, вперёд.

Но вдруг развилка… Как же так?
Ну, и куда теперь?
Направо – Храм, налево – банк.
И всюду настежь дверь.

Решай, душа! Тебе дана
Свобода. Но гляди:
И жизнь – одна, и смерть – одна,
Но и Господь – один.

16 ноября 2002 г.

Слёзы земли

Упала слезинка на землю,
И стала суровей и чище земля.
Когда она боль чью-то вземлет,
Тревожить её понапрасну нельзя.

Не трогай её в это время
И праздным сочувствием не оскорбляй –
Она сокрывает не семя,
А сущность свою принимает в себя.

Она – как монахиня в схиме,
И лучше её не дерзай понимать.
Но чьи она слёзы приимет,
Тому она будет супруга и мать.

Как годы свой след на иконе,
Оставили страшный свой росчерк на ней
И злые монгольские кони,
И мёртвые траки железных коней.

Давно уже выпили лозы
Кровь тех, кто на этих конях восседал.
И только лишь русские слёзы
В земле этой будут всегда.

18 ноября 2002 г.

Когда возвращаются дивизии

Тот год был безумен и страшен
Не смертью, а шагом солдат:
Дивизии шли мимо пашен
Походкой идущих с блуда.

Земля не дрожала под ними,
А жалко тряслась, как щенок…
Всё будет потом, когда минет
Отмеренный Господом срок.

Нам этого срока хватило,
Чтоб выпить позор свой до дна –
И всю нашу скверну омыла
В купели позора война.

Россия в очищенной ризе –
Она уже Божий народ.
Возврат отступивших дивизий
Был неотвратим, как восход.

Дрожала земля под ногами
Вернувшихся русских солдат,
Когда они шли за врагами
В сиянии ангельских лат.

И вот она высшая правда, –
Проста, как сердец ваших стук:
Не троньте Россию (не надо!),
Когда она служит Христу.

Шутите с голодными львами,
Играйте с гремучей змеёй,
Померяйтесь духом с цунами, –
Но только не с Русской землёй.

Пусть будет ваш мир агрессивен,
Он все же подарит вам шанс.
Но если коснётесь России,
Ничто не спасёт уже вас.

18 ноября 2002 г.

Память о родине

Мостик через речечку –
Всё не перейду.
Я над речкой девочку
На свиданье жду.

Первым ожидаю я
Под журчанье струй
Первого свидания
Первый поцелуй.

Мне уже четырнадцать:
Захочу – влюблюсь…
Мне б из страха вырваться,
А я всё боюсь.

Вот, по тропке глиняной –
Девочка моя.
Говорит пугливо мне:
«Здравствуй. Это я.»

Говорит с отчаяньем,
Будто прогоню,
Будто не встречались мы
Десять раз на дню.

Две косички хвостиком –
От стыда дрожат.
И стоим на мостике,
Словно два чижа.

И воркует горлица,
И журчит струя...
Так мне и запомнится
Родина моя.

18 ноября 2002 г.

Первая ложь

Мальчик играет в папу.
Мальчик играет в героя.
Вот он идёт по трапу.
Вот он уходит в море.

- Мама, а почему в альбоме,
Который лежит на шкафе,
Нет ни одной, хоть бы маленькой,
Папиной фотографии?

Вздрогнули мамины плечи,
Юркнул клубок под софу:
«Сынок, ты следи за речью.
Правильно – на шкафу…»

Наверное, есть причины
Обманывать этих детей.
Нынче не те мужчины,
Женщины нынче не те.

Нужно им всё и много,
Сразу, а не погодя.
Жить научились без Бога –
Бог им за это судья.

Мальчик уходит по трапу,
Не зная, что есть семья…
Мальчик, дай Бог, чтобы папой
Стал ты своим сыновьям.

19 ноября 2002 г.

Колыбельная песня земли

Погрузиться бы по колена,
Утонуть бы по пояс, по грудь
В стог пахучего, свежего сена –
Разметаться бы в нём и уснуть.

И дыша освежающей смесью
Ароматов из тысячи трав,
Слушать долгую русскую песню,
Что по избам поют до утра

Голосами извечными, вещими,
Как чарующий ворк голубей,
Мамы, бабушки – русские женщины –
Охраняя всю ночь колыбель.

Только пусть мне поёт эту песенку
Моя добрая милая Русь…
А когда отдохну, то по лесенке
Я со стога на землю спущусь.

И пойду по земле моей Родины
Полный сил, как былинный Илья.
А погибну – не надо мне ордена,
Пусть наградой мне станет земля.

19 ноября 2002 г.

Прикрытие

Ребята ушли. Я остался один
На склоне горячего лета.
Друзья – позади, а враги – впереди.
Вся жизнь – пулемётная лента.

Последняя пуля уходит в полёт
(Дай Бог ей до цели добраться),
И вот замолчал мой дружок-пулемёт –
Война моя кончилась, братцы!

«Акбар» их звучит уже рядом, в кустах,
Из глоток чужого отряда.
Но что их «акбар» против славы Христа?
Как шёпот под гул водопада.

Прости меня, батя. Прости меня, мать.
Простите, комбат и ребята.
Мой срок наступил, мне пора умирать.
Что делать? Работа солдата…

Уверенно рву из гранаты чеку
И в пальцах не чувствую дрожи –
Спокойны они на гранатном боку…
Дай силы разжать мне их, Боже!

Прими мою грешную душу, Господь,
Как в тёплом сиянии мая
Земля принимает зерно в свою плоть.
…я пальцы свои разжимаю.

21 ноября 2002 г.

Встань, воин!

Встань, воин, встань! Довольно спать
Тяжёлым сном духовной смерти.
Опять стоит под Римом рать,
Но Русский Рим – последний, Третий.

Земля зовёт: «Встань, воин, встань!»
За подвиг твой – священной платой
Пусть будет пламенная брань
И смерть, достойная солдата.

Уж лучше в поле умереть
И лечь за веру под мечами –
О, как сладка в сраженье смерть
Перед Господними очами.

Встань, воин, встань! Ведь, коль не ты,
То кто сорвёт с Руси оковы?
Уже печати все сняты
И кони ангелов готовы.

Уже пробил последний час.
Уже нам некуда деваться.
И беспощадный трубный глас
Уже готов с Небес сорваться.

Встань, воин, встань! Возьми свой меч,
Чтоб не сгорела жизнь впустую,
И выходи с врагом на сечь
За Третий Рим – за Русь Святую.

21 ноября 2002 г.

Покой

Слышу капели звон.
Капли стучат по корыту
В такт моему биоритму
С сердцем моим в унисон.

И прогоняют сон.

Брезжит рассвет за окном.
В это туманное утро
В сердце спокойно и мудро
Думается об одном:

Ангелы входят в мой дом.

Радостно и светло,
И ничего мне не надо:
В сердце уют и порядок
Будто святой метлой

Выметено в нём зло.

Мирно сидит таракан
Прямо на краешке блюдца.
Можно к нему дотянуться –
Только не хочет рука,

Прячется мирно в рукав.

Бог мой глядит с высоты.
Как я ему благодарен,
Что беспричинно одарен
Этим покоем святым,

Легким и кратким, как дым.

21 ноября 2002 г.

Кресты во тьме

Ночная мгла легла на землю.
Уснуло всё, но в тишине
Одни, как стражники, не дремлют
Кресты на храмах, в вышине.

Они стоят, расправив плечи,
Подобно ратникам в строю,
Что вышли недругу навстречу
В последнем праведном бою.

Стоят они, раскрыв объятья,
Как расставляет руки мать,
Кода своих детей от татей
Она выходит заслонять.

Они стоят Всевышней метой,
Когда по всей земле темно,
И держат небо над планетой,
Чтобы не рухнуло оно.

Какая б тьма не скрыла землю
От деревенек до Кремля,
Пока кресты во тьме не дремлют,
Спокойно может спать земля.

22 ноября 2002 г.

Гордые травы

Злая крапивная россыпь,
Чертополох и полынь –
Их не затронули косы
И обходили волы.

Будто антенны из стали,
Будто у пирса корабль,
Гордо они простояли
Август, сентябрь и октябрь.

А в ноябре налетели
Сразу вдруг, прямо с утра,
И штормовые метели,
И ледяные ветра.

И, чтоб хоть как-то прижиться,
Не почитая за труд,
Стали смирено ложиться
Гордые травы на грунт…

В травах, придавленных снегом,
Есть эта тяга к земле,
Как в беспризорнике беглом –
Тайная тяга к семье,

Как в атеисте безбожном
Жажда бессмертия есть,
Как в роднике придорожном –
Богом сокрытая весть.

25 ноября 2002 г.

Дайте ей крест!

Хрустят засохшие листья,
Как будто иду по снегу,
Покрытому коркой льдистой –
И кровь оставляю по следу.

Горят кровавые пятна:
На солнце они виднее.
Трудно быть в мире распятым.
Быть не распятым – труднее.

Душа обжигает руки,
Когда её кто-то тронет.
Дайте ей крестные муки,
Иначе она засохнет.

Иначе она заплачет,
А после – себя забудет.
Дайте ей крест, иначе
Душою она не будет.

Она превратится в камень,
В пустую, мёртвую штольню.
Потом её хоть руками,
Хоть чем – ей не будет больно.

Душа без креста не может,
Она же Твоя рабыня,
Господи!.. Господи Боже,
Дай силы ей крест Твой принять.

25 ноября 2002 г.

Ожидание земли

Страдаем мы, а больно ей –
Земле, что в пажитях синеет.
И чем страдание сильней,
Тем ей больнее и больнее.

Мы забываемся порой,
Сжигая жизнь свою, как магний:
Мы можем в руки взять перо
И грусть свою предать бумаге.

Мы иногда свою печаль
На краткий миг смываем водкой.
На все есть врач… Но нет врача
Лишь для неё, святой и кроткой.

Когда уже нет сил страдать,
Мы всё своё уносим в землю,
И нас, больных детей, всегда
Она безропотно приемлет.

Она всю нашу боль берёт
И, всё прощая нам заранее,
Она смиренно ждёт и ждёт,
Когда придём мы с покаянием.

26 ноября 2002 г.

Тропа в снегах

Чёрный ветер в диком поле
Сеет, сеет жуть и смерть,
И сечёт острее соли
Ледяная круговерть.

Месяц тучами расколот –
Не видать вокруг ни зги.
И такой собачий холод –
Аж, смерзаются мозги.

Что в Сибири, что на юге –
Повсеместный вой пурги.
В этой злой всемирной вьюге
Всюду видятся враги.

Но идём мы друг за другом
Уже больше тыщи зим:
Вперекор смертельным вьюгам
Мы тропу в снегах торим.

Кто-то падает, замерзший.
Кто-то вдруг теряет путь.
Кто-то стонет…Но всё больше
Выходящих на тропу.

А мороз всё крепче лижет,
А сугробы всё растут.
Но тропа всё ближе, ближе
Приближается к Христу.

28 ноября 2002 г.

У окна

Придёт последняя война,
И я уйду навстречу к ней…
Ты молча сядешь у окна,
И образ твой замрёт в окне.

Тропарь ты станешь напевать,
Что б отогнать молитвой смерть.
А мне придётся воевать,
Чтоб ты смогла его допеть.

И вдруг на меркнущем стекле
Увидишь ты, как в тонком сне,
Что прижимаюсь я к земле,
Уже навек сроднившись с ней.

И отойдёшь ты от окна,
От перекрестья чёрных рам –
Уже вдова, а не жена, –
И соберёшься молча в храм.

Но в храм войдёшь опять женой
И, повернувшись к алтарю,
Ты тихо скажешь: «Боже мой,
За всё Тебя благодарю».

28 ноября 2002 г.

Случай в храме

Будний день. В храме пусто и гулко,
И от света лампад – хорошо…
Вдруг, внезапно свернув с переулка,
В храм нетрезвый мужчина вошёл.

Средних лет, коренастый и крепкий,
Не крестясь и забыв про поклон,
Смял в руках всё же снятую кепку
И поставил свечу «на канон».

Долго молча стоял пред Распятием.
А потом… будто, вдруг, прорвало:
И «по органам», и «по матери»
Стал ругаться он грубо и зло.

И кричал он с обидою Богу:
«Я в Афгане два года коптел.
Замочил я там «духов» премного.
Убивал даже баб и детей.

А теперь хоть подохни на месте –
Говорят, что в аду мне гореть.
Где же правда Твоя, если есть Ты?
Почему там не дал умереть?

Все убитые взяли за глотку,
Навалились все скопом на грудь.
Жить пока удаётся под водку…
Что молчишь Ты? Ответь что-нибудь!»

И сказала тогда ему женщина,
Убиравшая в храме пустом:
«Вам прощение было обещано,
Вы поймите, самим Христом.

Он смиренным дарует спасение.
Ну, а вы, как хороший солдат,
Просто выполнили со смирением
Волю тех, кто послал вас туда».

Очень кротко сказала, с любовью,
И с такой неземной добротой,
И с такой понимающей болью,
Что поверил он женщине той

И, конечно, тогда он не понял,
Что ответил ему на вопрос
Этой женщиной – Тот, на иконе,
Промолчавший на ругань Христос.

Уходил он из храма смущенный,
И стыдливо сказал на ходу:
«Я… простите меня… не крещённый.
Можно, к вам я креститься приду?»

28 ноября 2002 г.

Нищий

Брезжило утро, холодное, раннее.
Шли не спеша прихожане к заутрене.
И, как обычно, просил подаяние
Нищий, стоящий во дворике внутреннем.

Был он не то, чтобы стар иль увечен,
Или имел бы изъяны иные.
Но, просто, был он серьезно отмечен
Страшной печатью «зелёного змия».

Правда, его не видали нетрезвым.
Вечно склонённый, как носик от лейки,
Мирно стоял он в пальтишке облезлом,
Кланяясь поданной каждой копейке.

И подавали ему. Не на водку,
Нет, подавали ему Христа ради…
Но в это утро какая-то тётка
Вдруг потеснила беднягу к ограде.

И, потрясая уверенно пальцем,
Стала его укорять всенародно:
Стыдно, мол, жизнь проживать тунеядцем,
Ты, мол, с похмелья, а не голодный.

И в том же духе, минут, эдак, десять
Всё поучала его, распаляясь
Видно, уже ни на что не надеясь,
Нищий понуро побрёл восвояси.

К храму направилась «добрая» дама,
Явно гордясь совершённой работой…
Но что-то вдруг изменилось у храма, -
С нищим как будто ушёл ещё Кто-то.

Стала заметней промозглая сырость.
Жизнь завертелась в обычном режиме.
Стало казаться, что Божия милость
Непостижима и… недостижима.

2 декабря 2002 г.

Тело земли

Не к звенящей струне, не к золе,
И не к сердцу, что в рёбра колотит –
Прикасаюсь ладонью к земле,
К её животрепещущей плоти.

Ощущаю, как бьётся в ладонь,
Будто парус под мускулом ветра,
Обжигающий душу огонь,
Пронизавший насквозь её недра.

Этот пламень – основа земли.
Это кровь наших предков убитых,
Что когда-то в неё полегли
В тех далёких и праведных битвах.

Нервы рук моих обожжены
Прикасанием к телу России…
Я ласкал ими тело жены
И дитя, что мы вместе растили;

Никогда я руки не скрывал –
Через крепкое рукопожатье
Я всегда и везде узнавал
Плоть по духу мне родственных братьев.

И за долгие годы мои
Мне в привычку вошло это – каюсь! –
Но, как прежде, коснувшись земли,
Я как будто к огню прикасаюсь.

3 декабря 2002 г.

Колыбельная ожидания

Мир за окном неоправданно белый –
Белая вьюга за белой портьерой.
Девственным снегом блестит простыня
В спальне, ещё не познавшей меня.

- Баюшки, баю-баю, моя ягодка.
Спи, моя доченька, спи, моя сладкая.
Вырастешь умная, вырастешь стройная,
Всё в твоей жизни надёжно устроится:
Много любви и немного печалей.
Женщина плачет и… куклу качает.

Женщина верит, что я к ней приду,
Если не в этом, то в новом году.
Снова стоят два привычных фужера
Рядом…
О Боже, зачем эта вера
Женщине этой Тобою дана?
Что это – дар или наша вина?
Или начертано ей на роду
Ждать, безнадёжно, когда я приду.

Боже! Пошли утешение ей
Женщине, ждущей меня столько дней,
Столько ночей, столько траурных лет…
Господи, где затерялся мой след?
И на каких перекатах судьбы
Я своё «я» потерял и забыл.

Кто я? Бродяга, беглец, пилигрим,
Или актёр, не снимающий грим?

Видимо, всё это ведомо ей,
Женщине, ждущей меня столько дней,
Столько ночей, столько траурных лет
На обескровленной грешной земле.

Раз Ты ей дал ожидания крест,
Господи, значит, я всё-таки – есть.
Значит, недаром в купели печали
Женщина плачет и куклу качает.

3 декабря 2002 г.

В гостях у леса

Чёрные капли крупной черники
Звонко стучат в голенища сапог,
Будто зовут, мол, возьми и проникни
В чащу, где нет уже троп и дорог.

По буеракам, заросшим крапивой,
Через замшелые насмерть стволы,
Мимо речушечки неторопливой,
Где б лягушонок, и тот не проплыл,

Медленным-медленным шагом (ещё бы:
Как бы в болотину сдуру не влез)
Я пробираюсь в лесные трущобы,
Где от людей укрывается Лес.

Вот, он встречает меня – непричёсан,
Даже неряшливость видима в нём,
Но до чего же прекрасен и прост он
В этом домашнем наряде своём.

Долго сидим мы с ним вместе за чаем
У небольшого, с ладонь, родника,
Пьём – и друг друга во всю изучаем:
Вроде друг другу подходим пока.

Но вот размяк мой хозяин могучий,
Хлопнул упавшим сучком по спине
И пробасил мне корою скрипучей:
«Знаешь, дружище, ты нравишься мне».

5 декабря 2002 г.

«Грядёт Православная Русь…»

Товарищ командир…

Последняя минута
перед командой: «К бою!»
Товарищ командир, поговори со мной.
Сейчас мы все равны
пред Богом и судьбою:
У всех у нас одна Россия за спиной.

Ведь кто бы ни был кем
до этого вот поля,
Где мы с тобой вдвоём одну команду ждём,
Сейчас нас от земли
рванёт чужая воля
И мы с тобой вдвоём на смерть одну пойдём.

Мы примем эту смерть
и на двоих разделим
По-братски, пополам, как не делили хлеб.
Давай смотреть в глаза
друг другу, в самом деле –
Ты мне, а я тебе – коль этот мир ослеп.

Товарищ командир,
в твоих глазах бездонных
Я вижу отчий дом и купола церквей;
Я вижу, как полки
ведет Димитрий к Дону;
Я вижу блеск Руси – величие Царей.

Товарищ командир,
осталось нам немного:
Я это прочитал в родных глазах твоих.
Сейчас мы в бой пойдём,
чтобы предстать пред Богом –
Так пропоём одну молитву на двоих.

Теперь нам предстоит
всегда делить с тобою
И жизнь, и смерть, и Веру, и Святую Русь…
Ну, вот и всё. Пора!
Звучит команда: «К бою!»
Сейчас я перед Богом с тобою обнимусь.

5 декабря 2002 г.

Божий теремок

Стоит на пригорке церквушка –
Блестит золотой куполок:
Божия чудо-избушка,
Сказочный теремок.

Маленькая, как росинка,
А сколько вмещает в себя:
И бабушек в чистых косынках,
И в чистых рубашках ребят,

Мужчин бородатых и женщин,
И певчих за вязью перил,
И всякие нужные вещи –
От свечек до паникадил.

Как реки вмещаются в море,
Всегда помещаются в ней:
Святой Николай-чудотворец,
Георгий на белом коне,

И Сергий, и Пётр-святитель,
И божий слуга – Алексей,
И Пантелеимон-целитель:
Ну, в общем, святые все.

А вместе со всеми святыми
Приходят на брачный пир
Леса и поля, и пустыни,
И весь поднебесный мир.

В ней каждому место найдётся,
Кто только войти в неё смог, –
Росинка, вместившая солнце,
Божьей любви теремок.

6 декабря 2002 г.

Безмолвный разговор

Сумерки нагрянули, будто день ослеп –
Стал внезапно он безлик и скучен.
Время ход замедлило, будто на осле
Едет путник – вёрстами измучен.

То ли полумрак вокруг, то ли полусвет.
Чай остынет, ночь наступит скоро:
Ты молчишь любимая, я молчу в ответ –
Нет, наверно, чище разговора.

Нет к сердцам, наверное, лучшего ключа –
Всё и так понятно между нами.
Это дар от Бога нам: обо всём молчать
И не нарушать покой словами.

Мы молчим о хлопотах, о прошедшем дне,
О делах, что нужно нам наметить.
Мы молчим о недругах, о друзьях, родне.
Мы молчим о вечности и смерти.

Так вот и беседуем сразу обо всём –
Мудрые, безмолвные, как совы –
И в своём молчании столько слов несём
Прямо ко Престолу Бога-Слова.

9 декабря 2002 г.

Дай увидеть Тебя

Просят нищие подаяния
И с сумами идут по земле.
Про Апостольские Деяния
Повествуют в любом селе.

Напевают духовные песни
Про Христа и про Божию Мать, –
Где копейку дадут, где поесть им,
Где предложат в избе ночевать…

Это было всё, было когда-то.
Нынче нищий уже не тот.
Он копейку берёт не у брата –
Он своё у чужого берёт.

Может – так. Ну, а может – иначе:
Не они, а мы сами не те.
Кто из нас от Деяний заплачет
В бездуховной своей нищете?

Кто из нас обольётся слезами,
Слыша песню про муки Христа?
Кто, с горящими верой глазами,
Примет сказ про Святые места?

Мы ж копейки бросаем не братьям,
А как будто в гнилой водоём.
Как иначе у нас их и брать им,
Если сами мы так подаём?

Боже! Боже, приди к нам, болящим,
Умирающим от пустоты.
Дай увидеть за каждым просящим,
Как стоишь в ожидании Ты.

9 декабря 2002 г.

У свечи

Ночь глубокая в окне –
Что она пророчит?
И лежит луна на дне
Той глубокой ночи.

Как льняное волокно,
Луч её витает.
И вливается в окно
Тишина святая.

Громко ходики стучат,
Тишину качая.
И горит одна свеча
В чашке из-под чая.

Мы с тобой сидим во мгле,
Слушаем секунды.
Свет от свечки на столе,
Теплый, хоть и скудный.

Мы, как будто в тонком сне,
В этом зыбком свете:
Ничего дороже нет,
Чем секунды эти.

Не касаются тела,
Не стремятся к встрече –
Наши души увела
За собою Вечность.

Там, за сумрачным окном,
За луною белой,
Мы с тобой – уже одно
Неземное тело.

Я твой муж, а ты – жена:
Это столько много!
Разве можно нам желать
Большего от Бога?

10 декабря 2002 г.

В конце дня

Вот и всё. Окончен день –
Суетливый и крамольный.
На крыльцо ложится тень
От церковной колокольни.

Суета уходит прочь.
Благодатная прохлада
Обещает скоро ночь –
Ароматную, как ладан.

Мы сидим с тобой вдвоём
На расшатанном крылечке
И глядим на окоём,
На закат, горящий в речке;

На покрытый дымкой луг,
Где с утра пасутся козы,
И лениво ловят мух
Большеглазые стрекозы.

До чего же прост и мил
Этот вид, знакомый с детства.
Боже! Как прекрасен мир –
Невозможно наглядеться.

А ведь он не отрешён
От стояния над бездной…
Если здесь так хорошо, –
Как же в Царствии Небесном?

12 декабря 2002 г.

Воскресшая Русь

Расплескались холодные тучи,
Улеглись ледяные ветра.
Я стою над обрывистой кручей,
А за мной – возвышается Храм.

Я его ощущаю всем телом
(Если дрогну – спиной обопрусь):
Предо мной в одеянии белом –
Из могилы воскресшая Русь.

Я гляжу на неё, как ребёнок
На ожившую сказку глядит,
Как рождённый в лесах оленёнок –
На плывущие в море ладьи.

Бьётся счастье упругой аортой
Так, что, кажется, грудь разорвёт:
«Все тебя уже видели мёртвой,
А ты – вот она! Вот она! Вот!»

В сердце радость сквозь горе стучится,
Как сквозь бурю сверкает маяк.
- Ничего-то с тобой не случится,
Дорогая Россия моя,

Потому, что твой Ангел Хранитель
Песнь хвалебную Богу поёт.
Возлюбил тебя наш Искупитель
За святое терпенье твоё.

Мне кричат перелётные птицы,
Возвращаясь обратно: «Не трусь!
И с тобой ничего не случится,
Потому что с тобой твоя Русь».

12 декабря 2002 г.

Сыпет снег…

Сыпет снег. В тишине предвечерней
Даже слышно, как хлопья шуршат.
На сугробах разводами черни
Чьи-то тени устало лежат.

Сыпет снег… И прозрачной вуалью,
Колыхнувшись в лучах фонарей,
Проплывает над сумрачной далью
В сумрак древнеславянских полей.

Сыпет снег на леса, на болота,
На погосты, на спины бугров,
На покой деревень, – будто Кто-то
На Россию набросил покров.

И таится она под покровом
Этих чистых небесных снегов,
Вся в каком-то сиянии новом –
От Кремля до сопревших стогов.

Вроде всё, как всегда, как и прежде,
Как последнюю тысячу лет, –
Только белые эти одежды
По-другому лежат на земле.

Я не ведаю, что изменилось
За прошедший в страданиях год,
Только кажется мне: Божья милость
Пополам со снегами идёт.

Только кажется мне, что иною
Предстоит перед Господом Русь,
Как невеста, что стала женою,
Под венцом позабывшая грусть.

13 декабря 2002 г.

Искушение природы

Замерзшая грязь и замерзшие лужи…
Вороны расселись на ветках берёзы, -
Совсем, как по белому савану россыпь
Живых и горячих, но чёрных жемчужин.

Конец ноября – искушенье природы:
Окончена осень, зима не настала,
И только текут над землёю устало
Потоками туч не пролитые воды.

Расплывчаты краски, приглушенны гаммы,
И даже в толпе ощущаешь безлюдье,
Как будто лежит на серебряном блюде
Конверт, нераскрытой ещё телеграммы.

Россия в преддверии зимних покровов
Настолько таинственно непостижима,
Что кажется: хватит любого нажима,
Чтоб рухнуть ей вниз, где бездонная прорва.

Но мимо летят, ускоряя движенье,
В ту прорву, подобно смороженным комьям,
Надежды врагов, – а Россия спокойно
Стоит в ожидании преображенья.

И вот наступает минута святая:
Забыт ожиданья болезненный кризис,
Ложатся на Русь белоснежные ризы –
И долго, и долго они не растают.

16 декабря 2002 г.

След

Проливает луна свой болезненный свет
В ледяную белёсую мглу.
Прорезает снега чей-то тоненький след.
Я пойду по нему. Я пройду по нему.

След уводит меня от знакомых мне мест,
От села, где уют и тепло,
И, на поле свернув, углубляется в лес –
В небе светит луна, да в лесу не светло.

Я в сугробах тону, выбиваясь из сил.
Я скольжу на заснеженном льду.
Но ведь кто-то же здесь до меня проходил?
Значит – должен и я. Значит – тоже пройду.

Я по следу иду, как нагруженный танк,
Колею пробивая по грудь.
Кто же ты, тот, который прошёл здесь вот так,
Что оставил, почти что невидимый, путь?

Но когда мои вдохи сменились на храп
И расклеилось тело моё,
Я вдруг вышел из леса на рубленый Храм.
И тогда я у Храма увидел – Её.

Хрупкий девичий стан. Взгляд, как сполох огня.
«Кто ты?» – тихо спросил я сквозь дрожь.
- Я Россия твоя. Ты дошёл до меня.
Дальше вместе со мной ты пойдёшь.

16 декабря 2002 г.

Выбор

Свет ложится на дорожку,
Освещая путь к избе,
Где собака дружит с кошкой
И наличники – в резьбе,

Где весь день на русской печке
Греет бабушка бока,
Где на вымытом крылечке
Стынет крынка молока,

Где скупы на выраженья
И молчат по вечерам…
А за избой, в ста саженях –
Деревенский Божий храм.

Он стоит, крестом белея,
Под раскидистой луной.
И ведёт к нему аллея
Шелестящею стеной.

Ветер колокол колышет
И, слегка качаясь, он
Рассыпает, еле слышим,
Серебристый тонкий звон.

Этот звон тревожит душу,
Будто манит Кто рукой.
И уже навек нарушен
Сердца сонного покой.

И ликует, и страшится
Сердце бедное моё.
И стремится, и стремится
К Богу, в пакибытиё.

17 декабря 2002 г.

Всегда со мной

Всё уходит, уходит, уходит
В бесконечную вечную даль.
Даже солнце порой колобродит,
Как покрытая ржою медаль.

Даже воздух какой-то суконный
И вода ключевая горчит,
И всё чаще сквозит в лексиконе
Обречённое слово «врачи».

Даже слава теряет окраску,
Даже деньги не тешат ладонь,
И на тонкую женскую ласку
Реагируешь, как на огонь.

Жизнь с годами становится суше,
Как из старых тортов сухари…
Только есть оно то, что мне душу
И питает, и животворит.

Я питаюсь любовью к России,
Её вера мне дарит восторг –
Даже при смерти буду я в силе,
Если рядом Россия и Бог.

А Они до конца в моей жизни
Будут – знаю и верю, и жду:
Вера в Бога и служба Отчизне
Никуда от меня не уйдут.

19 декабря 2002 г.

Русь да я

Хороша Россия и зимой, и летом.
А зимой тем паче, когда ночь бела
И луна такая – хоть читай газету! –
Аж, блестят осколки битого стекла.

Я люблю ночами обходить Россию,
Как её надёжный бескорыстный страж,
Где – прямой дорогой, где – тропой лосиной,
Где – по бездорожью: вот такая блажь.

Я люблю безумно хруст ночного снега
И ночного неба крапчатый узор.
А ещё люблю я вдоль заборов бегать
И в сугробы прыгать, вставши на забор.

Ночью я дурачусь, ночью мне всё можно.
Нас никто не видит: только Русь да я.
На душе спокойно, вовсе не тревожно –
Ведь со мной играет Родина моя.

Хороша Россия, хороша до боли,
До сердечной дрожи, до невольных слёз.
Если б можно было, я б заплакал, что ли –
Да уж больно крепок на дворе мороз.

Ничего, Россия, всё равно я плачу –
От любви огромной плачу и смеюсь.
Если я хоть что-то для тебя да значу,
Будь всегда со мною, дорогая Русь.

19 декабря 2002 г..

Мой путь

Я познал боль. Я познал страх.
Я познал потерю друзей.
И души крик, и надежд крах
Я познал на своей стезе.

Я ходил вкривь, я ходил вкось,
Я вразброд пытался идти.
И с самим собой я был врозь
На кромешном своём пути.

Если падал – сразу на дно,
Разбивая лицо и грудь.
Проклинал я дорогу, но
Никогда не хотел свернуть.

Потому, что дорога шла,
Пусть петляя, как злая нить,
По земле, где правда жила,
Где всегда она будет жить.

По Руси, по святой земле
Путь мой шёл, как по телу шрам.
Да, он мною был начат во зле,
Но привёл меня в Божий Храм.

23 декабря 2002 г.

Стервятники

Где же он – ворк голубицы,
Родной, как от печки дым?
Над Русью летят птицы –
Стервятники имя им.

Откуда они, откуда?
Таких здесь не знал никто.
Заморское чудо-юдо
Кружит над землёй святой.

Забил безобразный клекот
Курлыканье журавлей.
Молчит под покровом веток
Невидимый соловей.

Молчат по озёрам гуси.
Сороки молчат в лесах.
Безмолвье царит над Русью
Запретом на голоса.

Летят, не меняя курса,
Стервятники на восток.
Страшно… и тут я проснулся.
Гляжу – надо мною стог.

Роща, река и покосы, –
И всюду птицы поют.
…Стервятники! Безголосой
Не сделать вам Русь мою.

23 декабря 2002 г.

Судья

Ослепительно яркие дни.
Ослепительно тёмные ночи.
И ложатся, как на ледник,
На бумагу расселины строчек.

Поднимаюсь по лестнице строк –
И чем выше, тем груз неподъёмней.
Мой Судья неподкупен и строг,
Но хочу, чтобы Он был Судьёй мне.

Ничего не хочу от людей:
Ни награды, ни славы, ни денег –
Я представлю не им, а Судье,
Воплощённые в строчках идеи.

Он мне вынесет Свой приговор.
Он мне даст настоящее имя.
На земле и бессмертие – вздор,
Если Он мой талант не приимет.

Всё напрасно, – хоть рвом, хоть стеной,
Хоть горами меня огради вы –
Если вдруг прозвучит надо мной:
«Раб лукавый! Слуга нерадивый…»

23 декабря 2002 г.

Воин Христов

Что может быть дороже смерти,
Чем смерть в сраженье за Христа?
Но только пыл свой поумерьте –
Она даётся неспроста.

Она даётся не любому,
Как высший воинский удел,
Но лишь тому, кто гнев любовью
Связал и держит, как в узде;

Кто обнажает меч без злобы;
Кто не карает, а вершит
Святую волю Бога, чтобы
Не потерять своей души;

Кто в бой идёт, творя молитвы
И ни за что врагу не мстя…
Быть милосердным в гуще битвы –
Священный подвиг христиан.

Ведь только тот достойный воин,
Солдат распятого Христа,
Кто и в сражении спокоен,
В ком совесть воина чиста.

Храни нас, Бог, на бранном поле,
Но прежде брани научи
Не вынимать своею волей
Из ножен грозные мечи.

24 декабря 2002 г.

У древней могилы

Среди русских забытых селений,
Вдалеке от мирской суеты,
Опускаюсь легко на колени
И касаюсь могильной плиты.

Мшелый камень по пояс впрессован
В изумрудный нетронутый дёрн.
И читается только три слова:
«Божий раб…» и ещё «погребён».

Стёрто имя, отколота дата.
Ничего – только камень один.
Кто ты, здесь погребенный когда-то?
Ясно только, что христианин.

Ну, а может и, вправду, довольно:
«Божий раб» – этим сказано всё.
Потому и плывут так привольно
Облака над погостами сёл.

И как будто их путь подытожа,
Вслед плывёт колокольная дрожь…
Раз лежат здесь рабы Твои, Боже,
Значит, Ты в этих сёлах живёшь.

24 декабря 2002 г.

Два разговора

Поговорили, разошлись…
Но вот о чём была беседа?
Какую обсудили мысль?
Всё позабылось до обеда.

Опять сошлись на пересуд.
И снова долго говорили.
И снова той беседы суть
Уже до ужина забыли.

Но снова, снова, как всегда,
Воспламеня словесный порох,
Мы у себя крадём года
В пустых ненужных разговорах.

А эти двое всё молчат
(Хотя друг с другом век знакомы),
Как будто на устах печать
Или железные оковы.

Они уходят по тропе
Туда, где луг в зелёной пене –
И долго слышится напев
Каких-то чудных песнопений.

А если каждого спросить:
«Скажи, пожалуйста, на милость,
Какая вас связала нить?» –
Они ответят: «Мы молились».

26 декабря 2002 г.

Без Родины

Дайте глоток мне воды родниковой,
Дайте мне горсть кисло-сладкой смородины,
Дайте испить от берёзы знакомой –
Дайте вкусить мне частицу от Родины.

Я не могу без неё и минуты.
Если её я лишусь, как причастия,
Дни мои станут пусты, бесприютны, –
Где же тогда обрету своё счастье я?

В мире чужом, как стреноженный мерин,
Буду понуро кружиться на месте я.
И не минует недели – уверен –
Я превращусь в безобразную бестию.

Жить без России и дня не хочу я:
Ведь без неё ни на что и не годен я.
Лучше, под русской берёзой ночуя,
Я буду знать, что со мной моя Родина.

27 декабря 2002 г.

Крылатый конь

Спи, милая моя, спокойно спи –
Я тихо опущусь к твоим ресницам
На крыльях губ, и пусть тебе приснится
Крылатый конь в заоблачной степи.

И мы с тобой вдвоём на том коне:
На мне блестят серебряные латы,
А ты вся в белом подвенечном платье
И нежно прижимаешься ко мне.

Но я не ощущаю на груди
Твоих касаний, будто бы в полёте
Мы обрели единство наших плотей:
Как ты во мне, так я в тебе – един.

И нам уже вовек не различить,
Где я, где ты, а где наш конь крылатый, –
Шуршащий шёлк и воинские латы
Обрамливают крыльями лучи.

Лети, наш конь любви, за окоём,
За Млечный Путь, за грани Мирозданья, –
Быть может там, два Божия созданья,
Мы вместе в Царство Божие войдём.

28 декабря 2002 г.

Грядет Православная Русь

Грядет Православная Русь!
Все знаки Божественной власти
Ей приданы ныне. И пусть
Никто ей дороги не застит.

Нельзя ей уже помешать –
Как зонт не спасёт под лавиной:
Она начинает дышать
Всей грудью, а не половиной.

А кони грызут удила.
А кони храпят беспокойно.
Великие ждут нас дела,
Но будет и страшно и больно.

Но будет глаза наши сечь
Летящий навстречу торнадо.
И тяжким покажется меч
В тот миг, когда брать его надо.

Но, все же, сквозь немощь и страх,
Отбросив о жизни заботу,
Поднимемся на стременах
И выполним эту работу.

Проступят на кольцах кольчуг
Кровавые потные пятна…
Одним этот груз по плечу,
Другие пойдут на попятный.

Я их осуждать не берусь.
Но знаю одно непреложно:
Грядет Православная Русь –
И ей помешать невозможно.

28 декабря 2002 г.

Научи!

Я устал быть безумным и гордым,
Как на ровной дороге – порог.
Я устал быть пустым огородом,
Где взрастает лишь чертополох.

Ведь на деле я мёртв и ничтожен,
Как рассохшийся глиняный ком.
Что мне сделать, о Господи Боже,
Чтобы стать Твоим учеником?

Ты меня научи быть покорным.
Всё, что дашь, принимать научи,
Как деревьев могучие кроны
Принимают дожди и лучи.

Научи быть смиренным и кротким,
Быть спокойным всегда и везде.
Научи меня выйти из лодки,
Если скажешь: «Иди по воде».

Научи обливаться слезами
За любой, даже мизерный, грех,
Чтоб в молитвах пред образами
Своё сердце имел я *горе.*

Научи меня каждому мерить
Столько, сколько б отмерил себе.
А ещё – научи меня верить…
Научи меня верить Тебе!

29 декабря 2002 г.

Сон предка

Когда-то давно (даже трудно представить
Когда это было, в какие века?)
Мой предок, в рубахе из кованой стали,
Стоял на кургане – лицом к облакам.

Он только что вышел живым из сраженья,
Уставший до самого мозга костей.
Он молча стоял, а за ним без движенья
Лежали тела и врагов, и друзей.

Закатное солнце уже не блестело
На кольцах кольчуги, горячей, как печь.
Мой предок вздохнул, потянулся всем телом
И в землю вонзил свой зазубренный меч.

И шлем водрузив на чело рукояти,
И крестным знаменьем себя осеня,
Он тихо промолвил: «Погибшие братья,
Молитесь, прошу, за живого меня».

Ждала его Русь – там, за полем кровавым.
Он был победитель – но это потом…
Он лёг у меча на прохладные травы –
И меч ему вдруг показался крестом.

Он спал, улыбаясь во сне, как ребёнок,
Не чувствуя даже, что раны болят.
И снился ему его дальний потомок.
И этим далёким потомком был я.

Мгновенно сместились пространство и время,
Как будто не предок, а я был в бою.
И взял я тогда на себя его бремя,
Вернувшись обратно в эпоху свою.

С тех пор, как в кольчуге, хожу по Руси я,
Рукой ощущаю упругость меча…
Когда будет трудно, зови нас, Россия,
Мы с предком готовы тебя выручать.

30 декабря 2002 г.

Снова – гроза

Рано мечи на орала менять,
Рано треножить коней.
Снова в опасности Родина-мать,
Вороны кружат над ней.

Снова Тевтонское море бурлит,
Рвёт и крушит берега.
Снова тяжёлый, как чёрный гранит,
Валит на Русь ураган.

Вновь горизонт на востоке суров,
Чёрными тучами хмур.
Снова идут превращать нас в рабов
И Чингисхан, и Тимур.

Будто печать с их надгробий снята –
Злобой пылает их взгляд.
Кто им сказал, что Россия не та,
Что и столетья назад?

Не заржавел её грозный булат,
Воинский дух не остыл.
Так же, как прежде, на золоте лат
Блещут святые кресты.

Так же её литургия звучит
(Может быть – даже сильней)…
Рано менять на орала мечи,
Рано треножить коней.

31 декабря 2002 г.

Проводы

Садилось солнце за мохнатый горизонт –
Снега светились переливом алым.
И предстояло мне от самых от ворот
Идти по этим красным покрывалам.

Любимая моя, ты вышла за порог,
Чтоб дать мне в путь свою частицу сердца.
Ты наступила прямо в след моих сапог,
Чтоб здесь ему навек запечатлеться.

А в небе загоралась первая звезда,
Как предзнаменование чего-то.
О, чем я за любовь твою тебе воздам?
Лишь этой бусинкой с небесных чёток.

А ты стояла на снегу спиной к звезде,
Не говоря ни слова и дрожа лишь…
Но пусть моя Святая Русь начнётся здесь,
Где ты меня в дорогу провожаешь.

Через минуту заскрипит моя кирза
Среди снегов дорогою пустынной.
И будет этот скрип тебе всю жизнь пронзать
Больное сердце песней лебединой.

Но обещаю, что и мёртвым я вернусь
Сюда, где колыбель моих идиллий,
Чтоб, как сейчас – вдвоём – и ты, и моя Русь
Меня в последний путь мой проводили.

2 января 2002 г.

Христова рота

Над Россией – долгие закаты,
А в горах они совсем не те…
Умирали русские солдаты
На забытой Богом высоте.

Умирала рота – это сотня
Чьих-то сыновей, мужей, внучат.
Двести глаз сегодня не досмотрят.
Сто сердец уже не достучат.

С каждым часом их всё меньше, меньше –
Светлоликих стриженных ребят.
Завтра сотня русских бедных женщин
Облачится в траурный наряд.

Это будет завтра, а сегодня
Нужно им достойно умереть.
В контратаку взвод последний поднят,
Чтоб Россия встала на заре.

А когда осталось только двое
Из ребят, державших высоту,
Зазвучала вдруг, как символ боя,
Тихая молитва ко Христу.

Пели Богу два солдата русских,
Автоматы взяв на перевес.
И тогда в горах, в ущельях узких,
Зашумел широкий русский лес.

И тогда сошёл Христос на землю.
Обнял Он солдат, как сыновей,
И сказал: «Молитву вашу вземлю
Потому, что ваша кровь на ней.

Хорошо вы справились с работой
Даже в этой маленькой войне.
Я всегда был рядом с вашей ротой,
А теперь – навек она во Мне».

3 января 2003 г.

Вечность дня

Снег ложится на опушку
Твоего воротника,
Как на русскую избушку –
На соломенный накат.

В этот день, такой морозный,
Пахнешь яблоками ты
Точно так же, как под осень
Пахнут русские сады.

Две смородинки-чернички
Под ресницами блестят.
И твои две рукавички
Над сугробами летят.

Ты мне кажешься Россией –
Так похожа ты на Русь!
Может быть, и есть красивей –
Я на них не оглянусь.

Я возьму тебя за плечи
Золотым морозным днём…
Каждый день увековечен,
Если ты бываешь в нём.

3 января 2002 г.

Грунтовки

Как много в России грунтовок,
Похожих на тропы дорог –
Узки, как ремни от винтовок,
Грубы, как подошвы сапог.

И, словно по собственной воле,
Уводят они в никуда:
Одни обрываются в поле,
Другие же тонут в прудах.

Вот эти – в леса упираясь,
Потом не даются ногам.
А те – от сенного сарая
Ручьями струятся к стогам.

Понятны они только птицам
Да путнику с русской душой…
Я сам рядовым пехотинцем
По этим дорогам прошёл.

Ходил я по ним как паломник
В обители Божьи, в скиты.
Но чаще всего – как поклонник
Простой полевой красоты.

Не меряно глины смесил я,
Но тайну грунтовок постиг:
Уводят они нас в Россию,
Чтоб от омертвенья спасти.

9 января 2003 г.

Не оставляй меня!

Господи, Господи, Господи!
Прости меня, если можно.
Сердце изъедено оспою,
Больно ему и тревожно.

Давит его сомнение,
Гложет его уныние.
Выйду я в поле весеннее,
А небо над ним не синее.

Небо над ним свинцовое,
А солнце – проплешина медная:
Стынет под ним лицо моё,
Мёртвое, страшное, бледное.

Стою, как с ободранной кожею –
Сечёт меня вьюга лихая.
Господи, Господи, Боже мой,
Я без Тебя задыхаюсь.

Дай мне глоток благодати.
Ну, пусть не глотком, а – каплею.
Мне этой капли хватит,
Чтоб гробом не быть повапленным.

Что мне алмазные россыпи?
Что мне Вселенной просторы?..
Не оставляй меня, Господи!
Вернись в моё сердце пустое.

10 января 2003 г.

Драка

Врагов наших было много:
Пятеро на одного.
А нас – только я да Серёга.
Но я – хоть на смерть за него.

Они нас кругом обложили,
Как стая матёрых волков.
И ужас вытягивал жилы
От пяток и до кулаков.

Мы встали спиною друг к другу,
И, дружбу скрестив, как мечи,
Держа оборону по кругу,
Мы молча молитвы прочли.

Просил своего он святого,
А я – своего попросил,
Чтоб к драке мы были готовы,
И чтобы хватило нам сил.

И вспыхнула драка та, скомкав
Меня и Серёгу… Но вдруг,
Как будто в замедленной съёмке,
Всё стало вертеться вокруг.

Легко уходя от ударов,
Мы били их в пах и под дых,
И, вместе с Серёгой на пару,
Валили, валили мы их.

…Я знаю, в той драке повергли
Врагов наших в стылую грязь
Его Преподобный Сергий
И мой Благоверный князь.

10 января 2003 г.

Россия и мир

Святая Русь! Жена святая!
Стоит одна, за мир молясь,
Но бисер свиньям не метая –
Для них и бисер та же грязь

Пусть не дано постигнуть глине,
Кем был её комочек мят –
Но хуже нет того, что свиньи
Себя умнее Бога мнят…

Ещё не вышел в путь Иосиф,
И за Звездой идут волхвы,
А блудный люд уже возносит,
Бог весть кому, свои хвалы.

Как будто чёрным смертным крепом
Покрыто всё их торжество,
Когда перед пустым вертепом
Они встречают Рождество.

Или когда Страстной седмицей,
Во дни Великого поста,
Они дерзают веселиться
У ног распятого Христа.

О падший мир, о мир лукавый! –
Он будет Богом выносим,
Пока Краеугольный камень
Лежит в фундаменте Руси.

Для мира эта Русь босая –
Как искупительная дань,
А он в безумии кусает
Благословляющую длань.

И всё же, всё же: неустанно
Россия молится за тех,
Кто перед Господом восстанет
Из тьмы разврата и утех.

13 января 2003 г.

Костёр в ночи

Ночь, бесконечная, злая и страстная,
Пала на древнюю Русь.
Знаю, что путь свой продолжу напрасно я,
Если назад оглянусь.

Там, за спиною, в кромешности мрака,
В землю вперяя свой нос,
Молча по следу крадётся собака –
Чёрный охотничий пёс.

Может быть, это всего только маска
Чьих-то проверенных слуг?
Знаю одно: что он кем-то натаскан
На мой сердечный испуг.

Стоит мне дрогнуть, и будет замечено,
То, что я сердцем раскис:
Бросится пёс волкодавом на плечи мне
И разорвёт на куски.

Я продираюсь, как будто сквозь сети,
Сквозь наступающий мрак.
Я пробираюсь туда, где мне светит
Свет от ночного костра.

Там, у костра, в отвоёванном круге
Больше не быть темноте.
Там меня ждут мои верные други –
Братья мои во Христе.

Буду молитву твердить Иисусову:
Все же Святая тут Русь!
Ночь, не пугай меня злыми искусами –
Я до костра доберусь.

14 января 2003 г.

На Руси

Зима идёт землёю древней,
И звучен хруст её снегов.
Заиндевевшие деревья –
Как бороды сибиряков.

Зима накидывает платы
На плечи худеньких осин.
В тулупе белом дуб кудлатый
Стоит, как важный господин.

А серебристые вуали
Скрывают волосы берёз.
Кого ещё так одевали,
Когда в родном он доме рос?

Ну, до чего же, до чего же
Мне на Руси легко везде!
Благодарю Тебя, о Боже,
За то, что я родился здесь.

14 января 2003 г.

Отдание последней Пасхи

Ещё не настала твоя пора.
Ещё не гудели твои набаты.
Ещё не вышли на последний парад
Данные Богом твои солдаты.

Тысячу лет ты была хранима
В бешеном мире, от крови багровом –
Тысячу лет над тобой незримо
Божия Матерь стояла с Покровом.

Да, было всё в эту тысячу лет:
Жуткий разгул и суровое бдение,
Страшная смута и мощный рассвет,
Слава Державы и – снова падение.

Путь, что прошла ты, был тяжек, не спорю я.
И лишь тебе этот путь был по силе.
Но – это была твоя предыстория,
Только начало дороги, Россия.

Да, ты могла ещё делать свой выбор
Даже вчера ещё, даже сегодня.
Ты его сделала… Сдвинулась глыба,
Глыба по имени – Воля Господня.

Крест на плечах уже – нужно идти.
Не отказаться от Божьего бремени:
Нету развилок на Крестном пути,
Нет уже выбора, нет уже времени.

Вот, на Алтарь уж возложено Блюдо,
Рядом поставлена Чаша Спасения,
Чтоб на тебе было явлено Чудо –
Чудо последнего Воскресения.

Будь же, Россия, готова к страданиям:
Так решено на Предвечном Совете.
Пасха Свершилась! – ты станешь отданием
Пасхи Христовой, последней на свете.

16 января 2002 г.

Прямая дорога

Загоралась в небе алая заря.
Гривы шелковистые кожу рук ласкали.
По дороге ехали три богатыря –
Где бы свою удаль проявить, искали.

Но на перепутье трёх степных дорог
Стали они спорить, сняв стальные шапки:
По какой же ехать? – и тогда помог
Старый ворон им, с куста прошамкав.

«Повернёшь направо – будешь ты герой.
Повернёшь налево – будешь знаменитый».
Двое ускакали… Только под горой
Эхом прокатился дальний звон копытный.

Но спросил у ворона третий: «Что сулит
Этот путь последний?» И ответил ворон:
«Коль поедешь прямо, будешь ты убит
И в могиле братской похоронен».

«Что ж, в могиле братской – это хорошо.
Ну, а быть убитым? – всё по воле Божьей», –
Тронул он поводья, конь его пошёл,
Весело бряцая сбруей подорожной.

И доехал витязь до большой реки.
Встал на стремена он, молодой и статный,
И увидел в поле русские полки,
Что на битву вышли против супостата.

И воскликнул витязь: «Это вот по мне!
За такое дело и погибнуть можно».
Въехал он в шеренгу на своём коне
И калёный меч свой потянул из ножен.

Да, на поле бранном богатырь полёг.
Но к нему, убитому, Пресвятая Дева
Подошла, подняла, повела в Чертог
И венец нетленный на главу надела.

17 января 2003 г.

Седые ночи

Деревенские ночки –
Все седые, как луни,
От дневных заморочек,
От своих полнолуний.

Но седыми ночами,
Каждый раз молодея,
Я себе не начальник
И не ведаю, где я:

То ли в жизни реальной,
То ли в сказочном мире?
Становлюсь я печальной
Тонкой стрункой на лире.

И дрожа звонкой дрожью
От любых прикасаний,
Я ловлю эту Божью
Тишину над лесами.

Гнётся ветка сырая,
Плещет речка на броде,
Мышь скребётся в сарае,
Ёж шуршит в огороде,

Трётся колос о колос,
Жук ползёт по осине…
Тишина – это голос
Православной России.

20 января 2003 г.

Я к тебе возвращусь

Вижу вновь погребальные дроги,
Вижу гроб, драпированный в шёлк…
Не вернуться назад по дороге,
По которой ещё не прошёл.

Значит, нужно дойти мне до края
Той единственной в мире земли,
О которой, в грязи умирая,
Я бы чистые слёзы пролил.

Где-то воет голодная псина.
Где-то лает накормленный пёс.
Да, конечно, и это Россия –
Чудный край белокожих берёз.

Ты меня научи замечать их
Даже там, где сплошной бурелом,
Чтоб в годину звериной печати
Мне б не дрогнуть в застенке сыром.

Я тебе по всей стати не ровня.
Я-то кто? – а ты Божия, Русь.
Но во храмах твоих и часовнях
Я с тобою, как равный, молюсь.

Мы с тобой неразлучны до смерти,
А тем более – после неё,
Пусть хотя бы на всём белом свете
Безобразная нечисть снуёт.

Я к тебе возвращусь по дороге,
По которой пройду до конца,
И твой лик, по иконному строгий,
Я узрю одесную Отца.

20 января 2003 г.

Колокольня и Храм

Никуда мне уже не уйти,
Никуда от тебя мне не деться.
Я теперь – как привычный мотив
Твоего беспокойного сердца.

Я навеки прижился в тебе
Своей поступью, взглядом и речью,
Как сверчок в деревенской избе,
Что всё время стрекочет за печью.

Как и он, я умею стихать,
Чтоб на солнце тебя не тревожить:
Только ночью, в просторах стиха,
Отпускаю душевные вожжи.

И тогда, будто в звоне копыт,
Погружаясь в небесные ритмы,
Уношусь я туда, где не спит
Звук твоей бесконечной молитвы.

Твои ветры меня теребят,
Твой покой не даёт мне покоя.
Я всей плотью врастаю в тебя –
Точно так же, как в храм колокольня.

21 января 2003 г.

Частица Руси

Холодное летнее утро,
Ещё холоднее – роса.
Край неба во всю перламутров,
Как гребень в твоих волосах.

Идём мы околицей луга,
Чтоб ноги в росе не мочить.
Ты нынче мне стала супруга,
Но лучше об этом – молчи.

Не надо тревожить словами
Всё то, что в себе мы несём:
И этот восход над лесами,
И этот степной окоём,

И мяту в расплёсканном сене,
И мякоть надкушенных слив,
И этот, всё время весенний,
Святой аромат от земли.

Сегодня ты стала частицей
Моей драгоценной Руси,
Как небом становятся птицы,
Взлетая в бездонную синь.

И если враги вдруг нагрянут,
Всё, мне дорогое, губя –
Отныне сражаться я стану
За Родину и за тебя.

21 января 2003 г.

Народная песня

Возмечтала душа:
Стать бы песней народной –
Полной грудью дышать,
Наслаждаться свободой,

И лететь в небеса,
Словно вольная птица,
И на все голоса
Без напряга ложиться.

Но прервал тут мечту
Чей-то голос чудесный:
«Если русская ты,
Будь же русскою песней.

Вместе с Русью молись,
Задыхайся в застенках,
И карабкайся ввысь
На разбитых коленках.

А про волю забудь,
Коль Россия в неволе.
Истерзай свою грудь
Напряжением боли.

Пой сквозь горе и стыд,
Пой избитой, голодной…
И тогда станешь ты
Песней русской – народной».

24 января 2003 г.

Литургия земли

Плещется в речке плакучая ива,
Луг по-над речкой душист и росист.
Вроде всё просто. Но как же красива
Эта простая природа Руси!

Солнце встаёт из-за леса – большущий,
Красный и не ослепляющий шар.
И вслед за солнцем в небесные кущи
Тихо и кротко восходит душа.

Гул колокольный плывёт над округой,
В такт ему вторят шмели и жуки.
А по грунтовке походкой упругой
В древнюю церковь идут мужики.

Следом плывут крутогрудые бабы,
Звонкая стайка девчат и парней…
Чем бы я жил, чем дышал бы я, кабы
Не было б в мире России моей?

Нет, не нужны мне просторы другие:
Здесь я родился и здесь я умру.
Жить на Руси – как служить литургию,
Как принимать постриженье в миру.

24 января 2003 г.

Сила немощи

Глумятся над Россией тати,
Дают на выбор: гнить во гробе
Или рабой дрожащей стать ей…
Не торопитесь! Час не пробил.

Не совершенна ваша радость:
Победы ваши вам лишь снятся.
Не ваша сила – наша слабость
Не позволяет нам подняться.

Пусть нам дано всего лишиться
За вашим каменным порогом,
Но сила в немощи вершится –
Та сила, что зовётся Богом.

И чем слабее мы телесно,
Тем крепче дух в груди разбитой,
И тем верней Отец Небесный
Нас наградит своей молитвой.

А вы, погрязшие в гордыне
На рубеже Вселенских крахов,
Вы нам поможете отныне
Стяжать смирение монахов.

Да, с вашей помощью жестокой,
Гонимые, как ветром листья,
Мы с запада и до востока
Себя пред Господом очистим.

И, лишь когда Россия будет
Страной монахов и блаженных,
Тогда пускай нас Бог рассудит
В последнем – праведном! – сраженье.

25 января 2003 г.

Откровение храма

Взойду на древние ступени
Не восстановленного храма
И молча встану на колени
Среди разбросанного хлама.

И долго-долго буду слушать
Умерших пращуров молитвы,
Пока мне слёзы не осушат,
Чела коснувшиеся, плиты.

И сквозь их толщу вековую
Услышу голос колоколен,
И вопрошу я Бога: «Вскую
Ты нас оставил? И – доколе?»

И вдруг пойму: Он не оставил
Нас посреди звериной своры, –
И под незримыми крестами
Стоят незримые соборы.

Они всегда Христу кадили
Священным ладаном незримым,
И никогда не уходили
Из их пределов Херувимы.

Любой руиною казался
Лишь тем, кто видел в нём руину,
И никогда их не касался
Тот, кто спасение отринул…

Я подойду к дверным проёмам,
Пока закат ещё не стаял –
От паперти до окоёма
Живёт и дышит Русь Святая.

27 января 2003 г.

Иконы Руси

То ли пешими, то ли конными,
То ли чадами на руках –
Мы прошли пред твоими иконами
Сквозь столетия, сквозь века.

Были подлыми мы и великими,
Знали свет, знали бездну тьмы, –
Но всегда их суровыми ликами
Освящаемы были мы.

Если вдруг и пехоты, и конницы
Не хватало в наших рядах,
В бой несли мы твой лик Богородицы –
И бежал от иконы враг.

А когда нас покрыл, будто копотью,
Беззакония злой закон,
Мы познали на собственном опыте
Благодать от твоих икон.

Изнурённые серыми буднями,
Мы не слышали Божий зов, –
Но стояли мы, как перед судьями,
Перед взорами образов.

И будило в нас чувство исконное
Этих взглядов родная грусть.
Мы, вскормлённые Русью иконною, –
Мы и есть та – Святая – Русь!

27 января 2002 г.

Луговой храм

**Перекрещусь я истово
На небо в проводах,
И выйду в поле чистое,
Чтоб Бога увидать.**

**Уйду путём-дорогою
От городских трущоб.
Узнаю очень многое,
Чего не знал ещё.**

**Ступлю на лоно луга я,
И по его коврам
Походкою упругою
Войду я в Божий храм.**

**Вода у ног захлюпает
Молитовкой простой.
А на небесном куполе
Закружат сто крестов:**

**Грачи, стрижи и вороны
Слетятся с разных стай –
Сольются в звонкий хор они
И воспоют Христа.**

**А я пойду к излучине
Сверкающей реки,
Чтобы с души измученной
Господь омыл грехи.**

Да, я, конечно, вечером
Вернусь к сырым дворам.
Но мы навек повенчаны
С тобой, мой дивный Храм.

27 января 2003 г.

Ночные думы

Что-то ночами не спиться мне –
Ворочаюсь неуклюже.
Мысль, будто флюгер над спицею,
Кружит в сознании, кружит;

Падает ртутною каплею;
Паром сгущается в колбе;
Бродит голодною цаплею –
Клювом по совести долбит.

Думаю всё я о Родине
(Вам эта дума знакома).
Скулы рыданием сводит мне
Жгучей обиды оскома.

Душу ли, сердце ли, тело ли –
Вороги рвут всё на части.
Что же с тобой они сделали,
Русь – моя жизнь, моё счастье?

Вороги злы, и под ними вся
Ты – как лошадка паяца.
Встанешь ты всё же, поднимешься,
Не можешь ты не подняться.

Верю в тебя я, а иначе
Жил бы я в сумрачном мире
Не как под кровлею иночьей,
А – как в паскудном трактире.

28 января 2003 г.

Путь домой

Тяжким путь мой был, очень тяжким,
Хоть и сладким казался мне.
Но родился я, видно, в рубашке,
Коль не сгинул на самом дне.

И ломала меня, и крутила,
И на раны сыпала соль
Чья-то неодолимая сила –
Сила чёрная, будто смоль.

Я скрипел под её нажимом,
Как заклинившийся патрон.
И вонзала она ножи мне
Не под кожу, а прямо в нутро.

Я измучен был и изверчен,
Переломлен напополам…
Но однажды под летний вечер
Я вошёл в православный храм.

Я вдохнул его чудный запах,
Я услышал журчанье молитв.
И тогда я вдруг понял внезапно:
Жив Господь! раз душа болит.

И впервые она попросила
У распятого Бога совет.
И восстала на силу Сила:
Против чёрного – белый Свет.

Я стоял, этим Светом облитый
(Здесь мой дом! Здесь моя семья!),
И впервые не от обиды,
Но от радости плакал я.

30 января 2003 г.

Долина

Измученный городом путник
У края долины стоял,
А ветер аккордами лютни
Смеялся, а, может – стонал.

Но путник, казалось, не слышал
Ни ветра, ни шума травы.
Давно он из города вышел
И к ветру, и к травам привык.

Давно уж натёр ему спину
С нехитрой поклажей мешок
С тех пор, как он дом свой покинул
И к этой долине пошёл.

Он с детства мечтал о долине,
Лишь ею одною дыша.
И вот пред ним она ныне –
Остался всего только шаг.

Так что же стоишь ты у края
Своей воплощенной мечты?
От страха душой замирая,
О чём призадумался ты?

Наверное, путник печальный,
Ты понял у этой межи:
Дойти до долины – начало.
Важнее – в долине прожить.

30 января 2003 г.

Солдатский сон

В чёрных ущельных безднах
Трассеры режут воздух.
Ярче светил небесных
Эти земные звёзды.

Под парусиной палаток
Чувствуешь их всей кожей.
Короток сон солдата –
Тем он вдвойне дороже.

Я бы хотел проснуться
Там, где родные лица.
Я бы хотел прикоснуться
К тонким твоим ресницам.

Я бы хотел с рассвета
Нежить нашу малышку.
Я бы хотел… но это
Будет, пожалуй, слишком.

Хватит и этого счастья,
Что мне мой сон мог отмерить.
Трассеры прочат ненастье –
Верить им, иль не верить?

Впрочем, судьба солдата
(Братских смертей обитель) –
Маленькая расплата
За то, что вы мирно спите.

31 января 2003 г.

Сума да тюрьма

Я долго бродил по просторам твоим, Россия.
Я долго пытался понять (и, наверно, сумел):
Зачем в этой жизни, расчётливой и агрессивной,
Ты больше всего доверяешь тюрьме да суме.

Могла ты легко зарекаться от славы и денег,
Но лишь от тюрьмы да сумы не давала зарок.
И, может, за то в своих дивных сердечных виденьях
Ты так же легко различала любовь и порок.

И сладость греха для тебя уже не была тайной,
Когда, понимая чем надо за сладость платить,
Ты горькую-горькую чашу тюрьмы и скитаний
Всегда выбирала и молча могла её пить.

От века ты видела: влага, которая в чаше,
Подобна той влаге, что выпил распятый Господь,
Когда умирал на Кресте во спасение наше,
В расплату за наши грехи превратив Свою Плоть.

Всё просто Россия! И только врагам не понятно,
Откуда ты силы на эти страданья берёшь,
Когда, осеняя Знаменьем себя троекратно,
Ты столько веков за Христом на Голгофу идёшь?

1 февраля 2003 г.

Сыны русские

Ой, вы, гой еси, добры молодцы,
Добры молодцы, сыны русские,
Полонили вас новые половцы,
Оковали вам души и мускулы.

И ведут вас не в чистую горницу,
А на подлое рабское торжище.
Покупает вас оптом и в розницу
Перекупщиков подлое сборище.

Не молчите ж на ругань привратников,
Разорвите оковы железные,
Превратитесь опять в княжих ратников,
Дорогие вы наши, любезные.

На кого ж нам ещё и надеяться?
Стали наши деревни безлюдными;
Увядают без вас красны девицы
И становятся девками блудными.

Лёг позор на седины отцовские
И седеют без времени матери;
А вокруг – только пляски бесовские
Да нерусский жаргон полуматерный.

Возвращайтесь обратно как воины!
Вы нужны нам – в Москве ли, в Ростове ли.
Ваши ратные кони напоены
И мечи ваши мы приготовили.

1 февраля 2003 г.

Ты мой Бог

Ты мне даёшь и хлеб, и кров,
А там, где мог бы я разбиться,
Хранит меня Твоя десница
И Матери Твоей Покров.

Ты отвечаешь мне: «Ночуй», –
Когда, избитый плетью снега,
Я у людей прошу ночлега…
О, чем Тебе я отплачу?

Ведь я, как сломанный гобой,
В себе мелодий не имею,
А только трепетно немею,
Когда стою перед Тобой.

И если смерть войдёт в мой дом,
И если боль расколет мозг мой,
И в тишине, навек промозглой,
Я стану жить, как подо льдом,

То и тогда, среди тревог,
Тебе я буду благодарен,
Но не за то, чем был одарен,
А лишь за то, что Ты мой Бог.

2 февраля 2003 г.

Шёл солдатик…

Шёл проспектом солдатик
Вдоль витринных зеркал,
Шёл без воинской стати,
Даже горбясь слегка.

В «камуфляжке» потёртой
И немного «поддат»,
Шёл походкой нетвёрдой
Этот мальчик-солдат.

Бился взглядом о стены,
Будто рвался он вдаль.
И на солнце блестела
«За отвагу» медаль.

А вокруг – иномарки
И другие «понты»,
Рестораны и банки,
Казино и… цветы.

Жизнь солдата встречала
Дорогим торжеством.
Отовсюду кричала:
«Воровство! Воровство!»

Стало тесно мальчишке
От чужих этих краж,
Будто впился в подмышки
Боевой камуфляж.

И кипел он, как в споре:
«За кого мы дрались?
Эх, по вашей бы своре
Пулемётом пройтись!»

Успокойся, мой милый,
Не туда ты глядишь.
Этот праздник постылый –
Наваждение лишь.

Как царёвы палаты,
Православный наш храм:
Всё, за что воевал ты –
Это там! Это там!

И печалиться хватит –
Ты у храма постой.
Ты ж не просто солдатик,
Ты же воин Христов.

Тот, кто в золоте тонет,
Что ж… он тонет и пусть.
А тебя ещё вспомнит
Православная Русь.

2 февраля 2003 г.

Смерть солдата

Он молча осенил крестом
Свою израненную грудь.
И, так же молча, за Христом
Ушёл он в свой последний путь.

На поле боя пал танкист.
И хоть героем он и не был,
Но перед этим чистым небом
Сейчас он был навеки чист.

Он был мужчина и солдат.
Он был, без выспренних раздумий,
Достойный муж, отец и брат.
И вот теперь – достойно умер.

Он, ставший воином Христа,
Не изменил своей Присяге,
И вот теперь, в сыром овраге,
Лежал с улыбкой на устах.

Подбитый танк его горел,
Дорогу в небо освещая.
И восходил солдат *горе,*
Врагов и недругов прощая.

Святая Русь, гордись собой:
Ведь это ты его взрастила,
И ты его благословила –
И за тебя он принял бой.

3 февраля 2003 г.

На рассвете

Месяц, как острое лезвие,
Режет летящие тучи.
Ночь эта, злая, нетрезвая,
Души заблудшие мучит.

Страшно ощерилась трещина
Между бетонными плитами, –
Плачет в подъезде женщина,
Пьяным супругом избитая.

Плачет на кухне девчонка
Перед подвыпившей матерью:
«Ты у меня в печёнках!
Хватит! Дорога – скатертью…»

А на соседней кухне
Мама другая рыдает:
Сын от запоя пухнет,
Первенец – пропадает.

Плачет старик над стаканом:
Точит его одиночество,
Жжет фронтовая рана.
Как его имя-отчество?

Плач над Россией рассеян,
Будто бы лунная заметь.
Эх, ты, Рассея, Рассея,
Как ты живёшь под слезами?

Кончится ночь. На рассвете
Молча потянутся в храмы
Жёны и блудные дети,
Старцы и блудные мамы.

Встретятся все за обеднею,
В слёзных молитвах истаяв…
Так и живёт она, бедная,
Русь эта, – Русь Святая!

3 февраля 2003 г.

Сказка

Выйду ли в поле широкое,
В бор ли сырой углублюсь, –
Встретит меня волоокая
Девушка с именем Русь.

Молча ладонь мне протянет,
За руку тихо возьмёт,
Воздух раздвинет локтями,
В сказку меня поведёт.

Там, беззаботно и босо,
Мы побежим по траве
И в ослепительных россах
Вымокнем, аж, до бровей.

Будем гонять по-над речкой
Глупых стрекоз и шмелей,
Будем играться с овечкой
И от восторга шалеть.

Сплаваем вместе на остров,
Весь в шелковистом песке.
Будет легко мне и просто,
Как не бывало ни с кем.

В мир, где скрываюсь под маской,
Я без тебя не вернусь, –
Стань навсегда моей сказкой,
Девушка с именем Русь.

4 февраля 2003 г.

Улетают птицы

Улетают птицы, улетают.
Их тропа безвидна и пуста.
Где-то там, за кромкой леса, тают
Облака летящих в небе стай.

Их зовут суровые напевы
Древних и загадочных путей:
Шум прибоя, тёрпкий запах пены
И непредсказуемость потерь.

А за их крылатыми плечами
Остаются – может, навсегда –
Той земли надёжные причалы,
Где тепло родимого гнезда.

Где неповторимые закаты
Полыхали над морями трав,
Где в могилах спящие солдаты
Слушали их песни до утра.

Улетают птицы, улетают,
Тают, как кораблики меж льдин,
И следы их в небе заметают
Хмурые осенние дожди.

4 февраля 2003 г.

Мне бы…

Не хочу я кокосовых пальм,
И банановых рощ не хочу.
Мне б увидеть в окошечке храм,
Мне б затеплить простую свечу.

Мне б нащупать глазами сучок
В пятом, снизу от пола, бревне.
Мне б услышать, как в печке сверчок
Всё поёт о родной стороне.

Мне б краюхой ржаной захрустеть,
Запивая её молоком.
Мне б увидеть, как новую сеть
Ткёт паук под моим потолком.

Мне бы Вечную Книгу раскрыть.
И, тропу сквозь неё проторя,
Мне б найти путеводную нить
И уже никогда не терять.

Не нужны мне чужие края, –
Там, среди их промозглых пустынь,
Заблужусь в Бесконечности я
И останусь навеки пустым.

6 февраля 2003 г.

Костёр на том берегу

Там, за рекою, в лугах
Мечется рыжий костёр:
То рассыпается в прах,
То, аж, до неба остёр.

Кто там сидит у костра?
Кто его кормит из рук?
Может быть, брат иль сестра;
Может быть, преданный друг;

Может быть, недруг какой,
Или расчётливый враг
Ждёт не спеша за рекой:
Пусть, мол, усилится мрак.

Стала границей река –
Жалко, что нету моста.
Как же проведать мне, как,
Кто там сидит у костра?

Был бы с натурой другой,
Плюнул бы я – да растёр.
Но ведь горит за рекой
Этот манящий костёр.

Чтобы не думать потом,
Лучше я плюну на страх –
Переплыву я поток
И доберусь до костра.

6 февраля 2003 г.

Чудо

Это ли не предвкушение чуда?..
Утка выводит на берег утят,
Ивы склонились над тихой запрудой
И зачарованно в воду глядят.

Хрупкой макушкой от солнца берёзов,
Мальчик над удочкой смирно сидит –
Этакий, знающий тайну, философ,
Только ему далеко до седин.

Рядом лежащие хлебные корки
Пахнут, как спелая рожь по утрам.
А за прудом, на пологом пригорке,
Белой копной возвышается храм.

И тишина… Будто в замершем мире
Стали небесные звуки слышны.
Будто на многие вёрсты и мили
Нет ничего, кроме сей тишины.

Нет ничего, кроме ив над запрудой,
Мальчика, церкви да уток в пруду.
Это и есть ожидание чуда.
Это Отец… Это Сын… Это Дух…

6 февраля 2003 г.

Порадеем, братья!

Снова враги не дремлют –
Гонят опять Христа.
Топчет святую землю
Подлой ногой супостат.

Стонут седые жёны,
Слёзы в неволе льют.
По деревням сожжённым
Стонет униженный люд.

Больно им, очень больно! –
Будто от страшных ран
Плачется колокольно
Каждый поруганный храм.

Так, порадеем, братья,
За православный мир!
Громом над нашей ратью,
Божий призыв, – прогреми!

Гулко стучат копыта,
Звонко бряцает сталь.
Ждёт впереди нас битва –
Тяжкая брань за Христа.

Благословя иконой,
Смотрит во след нам Русь.
Ржут боевые кони…
Братья! – держись и не трусь!

7 февраля 2003 г.

Память земли

Эх, гуляла широко
Свадьба эта местная:
Сотня баб и мужиков,
Да жених с невестою

Расплескались на весь луг
Прямо за околицей, –
Лишь пяток глухих старух
По полатям молятся.

Остальные, стар и млад,
Веселились досыта,
Так плясали-пели в лад,
Что дрожала осень та.

Но прошло полсотни лет,
Захирела родина.
Нет деревни, луга нет:
Пустошь да болотина.

Помер в городе жених
Следом за невестою.
Все забыты… но про них
Помнят дали местные.

До сих пор там в октябре
(Подтвердилось опытом)
Можно слышать на заре
Отзвук песен с топотом.

Даже память про селян
Этот век хоронит –
Только Русская земля
Помнит, помнит, помнит.

10 февраля 2003 г.

Договор

Сосулька, по карнизу шаркнув,
Бесшумно канула в сугроб.
А свежий снег под солнцем жарким
Блестит, как будто серебро.

Горячий пар стекает с веток,
По крышам – с кровельных полос.
И так тепло! – ну, точно лето
На землю с неба пролилось.

Но ведь зима! И хруст морозный
Кричит об этом из-под ног.
Постой, зима, ещё не поздно,
И право жить – тебе дано.

Но я прошу тебя – и очень! –
Ещё чуть-чуть повремени,
И не затягивай до ночи
Свои суровые ремни.

А я потом тебя за это
Сумею отблагодарить:
Клянусь, просить я буду лето
Тебя на день мне подарить.

11 февраля 2003 г

Глухая ночь

Бьётся кровавым кочетом
Сердце – и нечем помочь.
Видно, не скоро кончится
Эта глухая ночь.

То ли мрак-неврастеник,
То ли кошмарные сны –
Но чьи-то жуткие тени
Тянутся со стены.

Кто-то скребётся за дверью.
Слышится чей-то скулёж…
Нет, я не верю, не верю!
Это всё ложь, всё ложь!

Это в измученном теле
Грешная бьётся душа.
Встану сейчас я с постели,
Сделаю первый шаг.

Будет – пускай! – нелегко мне,
Будто оковы влачу,
Но подойду я к иконе,
Тихо зажгу свечу.

Лягут дрожащие блики
Прямо на иконостас,
И в озаряемом лике
Сердце узнает Христа.

Бросит оно на колени
Эту греховную плоть.
И хоть на пару мгновений
Станет ему тепло.

11 февраля 2003 г.

Бомж

Он шёл вдоль забора, шатаясь немного,
С таким выражением боли в глазах,
Как будто бы гвоздь ему вбили под ноготь
И даже не думают вынуть назад.

Он всеми был брошен, не нужен, никчёмен,
Как тусклая лампа, горящая днём.
О чём он мечтал или думал о чём он?
Ведь жили ж какие-то думы и в нём.

Была же какая-то жизнь за плечами.
Ведь был же он кем-то когда-то любим?
Ведь так не бывает, чтоб в самом начале
Глухая бездомность стояла за ним.

Наверное, были жена и квартира.
Ну, пусть не жена, но хоть кто-то родной.
Не верю, что жизнь его вечно крутила,
Швыряла о камни и била о дно.

Давай перекурим с тобой, бедолага,
И ты мне поведаешь нужды свои.
Вот деньги. Возьми. Это только бумага –
Прости, что даю тебе мало любви.

Ведь мы же с тобой – оба русские люди,
И ты мне дороже, чем немец любой.
Давай постоим… пусть немного побудет
Распятый Христос между мной и тобой.

14 февраля 2003 г.

Прощание солдата

Мороз был безжалостно лют
И ветер по коже бил розгою,
И гулкий трёхкратный салют
Разбился о небо промозглое.

Накатывал ранний закат,
Гонимый ветрами проклятыми…
С Россией прощался солдат,
Положенный в землю солдатами.

Теперь хоть зови не зови,
Но надо привыкнуть, что нет его.
Могила, как будто в крови –
Облита венковыми лентами.

Стоит молодая вдова,
И сын её за руку держится.
Какие сказать ей слова?
И можно ли словом утешиться?

Но голосу сердца внемли:
Гордись, что была ты жена ему.
Кем был он для Русской земли –
Когда-нибудь это узнаем мы.

И ты, сын солдата, не прячь
Глаза под опущенной шапкою.
Поплачь, несмышлёныш, поплачь,
И тоже – гордись своим папкою.

И я своим другом горжусь.
Шепчу я в просторы окрестные:
«Он просто любил эту Русь
До смерти – и смерти же крестныя».

14 февраля 2003 г.

Воин

Я не люблю, когда горят
В ночной степи костры слепые.
За ними всегда я предвижу солдат
В чужих доспехах, покрытых пылью.

За каждым костром я предчувствую смерть,
Провижу горящие избы посада,
Над крупом коня пропотевшую плеть,
И приступ удушья при слове: «осада».

Что делать? Я воин. И был им всегда.
За тысячу лет, что прошли над Россией,
Не раз я стоял в её ратных рядах
И в жертву не раз я себя приносил ей.

Я воин. И я не привык замечать,
Чем рознятся в поле они друг от друга –
Ребристая плоть рукояти меча
И плоть рукояток тяжёлого плуга.

Я знаю, как тонут слезинки в золе
В тот миг, когда просто им некуда деться.
Я знаю, как тяжко нести по земле
Стрелою пронзённое тело младенца.

Я слышу корней нарастающий хруст
Сквозь трупы, лежащих по нивам и чащам,
И непрерываемый Сорокоуст,
Все десять веков над Россией звучащий.

Мне ведомы ненависть, страх и восторг,
И ржавых вериг покаянные гири.
И умный Запад, и хитрый Восток
Давно мне понятны, как строки Псалтири.

И я научился у Бога просить
Покоя – сей высшей награды солдата.
Я воин. Я вечный ратник Руси.
И большего мне в этой жизни не надо.

20 февраля 2003 г.

Судьба

Ползёт позёмка навстречу закату
По снежному полю, облитому кровью, –
И красное солнце в кровавую вату
Ложится птицей, что ранена дробью.

А ветер крепчает – в преддверии ночи
Скрипит, будто конь сыромятной подпругой.
И солью снегов выедает мне очи
Ещё до конца не рождённая вьюга.

А я всё стою и стою посредине
Пустынной земли, в продуваемом поле,
Один, как рыбак на оторванной льдине,
Куда-то плывущей по собственной воле.

Куда же, куда эту льдину уносит?
Где Богом последний рубеж ей отчерчен?
Она не ответит – а он и не спросит,
Покорно подставив судьбе свои плечи.

Вот так же и я: посредине России
Стою, не пытаясь приблизиться к краю, –
Куда бы ветра её не уносили,
Я ей свою бренную жизнь доверяю.

Плыви, моя Русь, в запредельные дали,
А я до конца буду рядом с тобою.
Какие б шторма тебя не ожидали –
Судьба твоя станет моею судьбою.

21 февраля 2003 г.

Падение в травы

Россия, Россия, когда же
Мы полною грудью вздохнём
И вместе на травы приляжем,
И от суеты отдохнём?

Твоим иван-чаям да мятам
Полжизни отдать я готов,
Но лишь бы дышать ароматом
Пропитанных мёдом цветов.

Так хочется плотию бренной
Упасть в этот травный прибой,
Чтоб звонкой волной белопенной
Взлететь в океан голубой.

Но, видимо, доля иная
Написана мне на роду.
Не знаю, откуда, но знаю:
Я в травы не так упаду.

Я в них упаду над обрывом,
Свой путь завершив на бегу,
Навек остановленный взрывом
У Вечности на берегу.

И красными каплями брызнет
На травы всё то, чем я жил,
И скажут они: «Не полжизни –
Он всю её в нас положил».

И, может быть, этого будет
Достаточно – хоть на полдня! –
Чтоб ты задышала всей грудью,
Россия… Пускай без меня…

21 февраля 2003 г.

Благословение

Тихо над Русью плывут облака,
За горизонтами Вечности тая.
На голову сына моя рука
Ложится – тяжёлая, налитая.

Скоро, скоро покажут часы
Срок мой, отмеренный мне на свете…
Благословляю тебя, мой сын,
За день, за час, за минуту до смерти.

Не буду тебе ничего говорить,
Сам ты поймёшь под отцовской ладонью:
Быть тебе сыном моим иль не быть
В этой Вселенной, что смерти бездонней?

Слушай внимательно, слушай, сынок,
Гул сего века в себе пересилив.
Слышишь, как бьётся кровавый поток?
Знай: это кровь не моя, а России.

Я ей отдал свою кровь, а взамен
Я принял в себя каждой клеткой и жилой
Боль её вечно разорванных вен,
Боль, что никем ещё не постижима.

Я не пытаюсь её постигать –
Просто теперь я живу этой болью.
Дни моей жизни стоят как стога
По бесконечному русскому полю.

В сердце своём положи на весы
Всё, что Господь завещал на Руси нам…
Благословляю тебя, мой сын,
Быть мне не просто ребёнком, но – сыном.

24 февраля 2003 г.

Радость покоя

Любовь и радость, и покой…
Что в жизни может быть желанней,
Чем в тишине, на зорьке ранней,
Сидеть с женою над рекой

И согревать своей рукой
Её озябшие ладони,
И видеть, как встаёт в затоне
Туман, оранжевый такой?..

Пасутся кони на лугу,
В росе промокнув по колена.
Блестит осклизлое полено,
У камышей, на берегу.

Летит шальная стрекоза,
На каждый стебель натыкаясь,
Видать, спросонья – никакая,
Хоть и огромные глаза.

Застыл под ивою рыбак,
На поплавке сосредоточив
Свои задумчивые очи –
А тот не тонет всё никак.

И пусть не тонет поплавок –
Зато, вдвоём с женой мы тонем
В росе, в тумане над затоном,
В заре, окрасившей восток.

И так спокойно на душе,
Как будто пройдена дорога
И где-то там, в селеньях Бога,
Мы стали вечными уже…

25 февраля 2003 г.

Карнавал на дне

Танцуют люди – танцуют звери.
В том карнавале на дне пучины
Нет места Богу, нет места вере,
И лиц не видно – одни личины.

Сердца там носят, как торт на блюде,
Там души пляшут стриптиз под хохот.
Не надо, люди! Ведь вы же люди!
Ведь всё равно вам там очень плохо.

Но кто-то шепчет вам из-за шторы:
Мол, за стенами, вне карнавала,
Ревут торнадо, бушуют штормы
И ходят волны девятым валом.

Снимите маски, оденьте души,
Сорвите шторы с дверей и окон.
Вас обманули! Смотрите – ну же! –
Не шторм, а Солнце идёт с Востока.

Но чтоб увидеть святые блики
В покрытом пылью стекле оконном,
Снимите маски! – откройте лики
Во всём сиянии иконном.

25 февраля 2003 г.

Мужская судьба

На поваленном дубе, на ребристой коре
С другом я просидел бы до ночи,
И, вдыхая в себя дым его сигарет,
Говорил бы, о чём он захочет.

Я бы слушал его, не переча ни в чём,
Я бы даже просил: «По подробней».
Я бы в спину ему упирался плечом,
Чтоб сидеть ему было удобней.

Он словами меня не однажды бодал,
Но сегодня сарказмы и ругань
Я простил бы ему… Только вот в чём беда:
У меня нынче нет уже друга.

Просто, он, офицер, не вернулся домой
С той войны, что войной не зовётся.
Лишь дымок сигаретный – теперь только мой –
Над поваленным деревом вьётся.

Что ж, наверно, такая судьба у мужчин,
Что несут в себе долю солдата:
На поля, на луга да на склоны лощин
Предстоит им ложиться когда-то.

Это значит, мой друг: я к тебе доберусь
В те края, где живёшь ты пред Богом.
Ведь, покуда враги посягают на Русь,
Есть одна у солдата Дорога.

27 февраль 2003 г.

На пикник

Мы ехали с друзьями на пикник
В каком-то необузданном угаре.
И каждый был отъявленный шутник,
Крутой рассказчик и рубаха-парень.

А вдоль дороги, свежестью дыша,
Цвела земля до самых горизонтов.
И тишина – аж, звон стоял в ушах.
Да только недоступен был нам звон тот.

Мы ехали на праздничный пикник…
И вдруг, за промелькнувшею деревней,
Нам на дороге встретился старик,
Наверное, древней округи древней:

Слезой сочились мутные глаза,
Сводило щёки старческой оскомой.
И выжал наш «водила» тормоза,
Необъяснимой жалостью влекомый.

- Эй, дед, грузи-ка в джип своё добро,
Давай подбросим – ведь одна дорога!
И отвечал старик: «Я уж добрёл.
Мне никуда теперь не надо. Трогай…»

- Куда ж добрёл ты, немощный такой?
Ведь ничего вокруг, куда не взглянешь!
Взмахнул он слабо старческой рукой:
«Вон кладбище, у леса, на поляне».

И правда: к сосняку бочком приник
Скупой погостик с ветхими крестами…
И ехали мы дальше на пикник –
И тишина звенела между нами.

28 февраля 2003 г.

Русский лес

Какие мощные грибы!
Такие крупные, тугие…
Кто хоть однажды здесь побыл,
Не одолеет ностальгии

И возвратится в этот лес,
В его болотца и низины,
Чтоб ощутить повторно вес
Грибами груженой корзины.

Здесь в кронах слышен гул веков –
Теперь понятен мне мой пращур,
Что защищал от всех врагов
С таким упорством эту чащу.

Вот и меня сюда влечёт
Опять во мне оживший предок…
Рюкзак заброшу за плечо
И затеряюсь среди веток.

Я долго буду там бродить,
Пересекая лисьи тропы,
Пока не выжгу из груди
Озоном леса яд Европы.

И лишь, когда наш русский дух
Во мне все клетки пропитает,
Я снова в грешный мир войду –
Но рядом будет Русь Святая.

28 февраля 2003 г.

Быть ребёнком

Я шёл сюда, гоним духовной жаждой,
Сердечным покаянием влеком.
Я встану на колени перед каждой
Ромашкой, пред каждым васильком.

Я буду омывать слезами ноги
Святых берёз, плакучих ив, осин.
Я стану им рассказывать о Боге,
Ещё о том – какой я блудный сын.

Я зачерпну потресканной ладонью
Живой воды из чаши родника
И, причастившись этой влаги, вспомню,
Что столько лет не вспоминал никак.

Пронзят мне сердце яркой вспышкой света
Картинки детства раннего, когда
Я чистым и прозрачным был, как эта
В моей ладони свежая вода.

Я всё, чем жил доныне, брошу, скомкав
Подобно маске, сорванной с лица, –
Но научи меня, Россия, быть ребёнком
И оставаться им до самого конца.

28 февраля 2003 г.

Марш победоносцев

Случай на охоте

Кончался день, и на его закате
Мороз крепчал и вьюга замела.
И нам пришлось найти на старой карте
Квадратики ближайшего села.

Мы бросили палатку до рассвета
(Кому бы в голову дойти сюда взбрело?)
И, продираясь через сети веток,
По компасу мы вышли на село.

Село… смешно сказать… одно названье.
Я не бывал ещё в такой дыре:
Пяток живых дворов среди развалин,
Зияющих на скорбном пустыре.

И постучались мы в окно избёнки,
Стоящей на околице села.
«Не заперто! – раздался голос звонкий, -
Входи вовнутрь, кого Господь послал».

И мы вошли. На лавке, возле печки,
Седой старик дратвой чего-то шил:
То ли силки, то ли ремень уздечки,
Не знаю, в деревнях я мало жил.

- Здоров, отец! «Здоров, сынки, здорово».
- А можно ли спроситься ночевать?
«Да ради Бога. Вот и снедь готова.
Сейчас закончу – станем чаевать.

А вы пока согрейтесь, отдохните…»
И снова он склонился над дратвой.
А я подумал: «Боже Вседержитель,
Ведь это же я слышу голос Твой.

Ведь это как же нужно людям верить,
Чтоб посреди разрушенной Руси
Вот так легко открыть любому двери
И в дом впустить, о цели не спросив?»

…Потом мы пили чай и до рассвета
Неспешно разговор «за жизнь» вели.
И так мне согревала душу эта
Святая простота Святой земли.

4 марта 2003 г.

На холме

Вот и кончилось лето свободное,
Наступили осенние дни –
Над озёрными синими водами
Синим небом склонились они.

Все дороги, что мной были пройдены,
Все пути, что завещаны мне,
Завершаются здесь, среди Родины,
На высоком безлюдном холме.

Я гляжу с его древней вершины
На знакомые с детства места.
Понимаю я голос машинный
И язык пролетающих стай.

Понимаю я вечность мгновений
И мгновенную вечность веков.
Я над этой землёю осенней
Поднимаюсь, любовью влеком.

Эти нивы и нищие веси,
Города и могилу отца,
Свет небес, полумглу поднебесий –
Принимаю в себя до конца.

4 марта 2003 г.

Метель души

Когда становилось мне больно,
Когда становилось мне грустно,
Когда заметали метели
Раздетую душу мою,
Я шёл на пустынное поле
Под звуки морозного хруста,
Где снежные хлопья летели
Навстречу, как пули в бою.

И в той ледяной круговерти,
Под тяжестью ветра сгибаясь,
Как будто цепями опутан,
Гонимый к расстрельной стене, –
Не веря безумию смерти
И втайне надеясь на жалость,
Я думал о том, что кому-то
Ещё холоднее, чем мне.

И этот неведомый «кто-то»,
Житейской метелью забитый,
В тот миг становился мне братом
Так, словно мы шли с ним вдвоём.
И в душу входила забота,
И сердце пылало молитвой…
И я возвращался обратно –
Воскресший! – в жилище своё.

4 марта 2003 г.

Сказание о спасённом Храме

Немало лет прошло с тех пор,
Когда бурлили богоборческие страсти…
В одном из русских городов собор:
«Закрыть навек!» – постановили власти.

Во двор собора въехал грузовик,
Ощеренный стволами и штыками,
И комиссар, держа куражный шик,
Гортанно стал командовать стрелками.

Трещал мотор, разбрызгивая гарь,
Ломились в храм весёлые солдаты.
И в этот миг на звоннице звонарь
Во всю ударил в колокол набатный.

Призывный гул с крестов сорвал ворон.
Взорвал покой! И тут случилось чудо:
Со всех проулков и со всех сторон
К собору потянулись толпы люда.

И комиссар, с испуганным лицом,
Забыв про то, что есть он «властный орган»:
«Убить его! Заткнуть его свинцом!» –
Орал стрелкам, и за винтовки дёргал.

Раздался выстрел. И звонарь упал.
И ожила на стенке струйка крови.
Толпа вздохнула… Вздрогнула толпа, –
И вышел парень, больно хмуря брови.

Народу молча поклонился он,
Перекрестился и наверх взобрался.
И снова грянул колокольный звон, –
И снова выстрел со двора раздался.

Упал второй, и умер… Но за ним,
Уже всходил на колокольню третий.
И, может быть, секунду прозвонив,
Он тут же смерть под колоколом встретил.

А вслед ему уже четвёртый шёл,
Чтобы сгореть, подобно краткой искре,
Но лишь бы храму было хорошо…
И снова – звон. И снова следом – выстрел.

Звон… выстрел… снова звон – и вновь
Короткий, хлёсткий лай винтовки.
И по стене текла не просто кровь,
А целые кровавые потоки.

Народ молчал. Народ спокойно ждал,
Когда освободится место свято,
И тут же из себя благословлял
На смерть того, кто ближе был к солдатам.

На колокольню поднимались мужики,
Девицы, бабы, дети, парни, старцы.
… И начали с ума сходить стрелки,
И комиссар скулил, заламывая пальцы…

Храм отстояли! Храм остался жить,
Сокрытый окровавленной стеною.
О, как хотелось бы мне с теми быть,
Кто отстоял его такой ценою.

6 марта 2003 г.

Одинокий журавль

Журавль, отбившись от клина
Таких же, как он, журавлей,
Летел над безлюдной долиной,
Над стылым безмолвьем полей.

Пред ним простиралась уныло
Пустая небесная даль.
И некому, некому было
Понять его боль и печаль.

Летел он, уже не курлыча,
И даже внимать перестал
Хоть отзвуку милого клича
Навеки потерянных стай.

И нынче он не был той птицей,
Которой, сквозь бури и вихрь,
Россия привыкла гордиться
В пронзительных песнях своих.

О чём-то несбыточном грезя,
Летел он… Пойми, дуралей,
Не нужен ты и бесполезен
Один – без других журавлей.

Чтоб ожила эта долина
Теплом запрокинутых лиц,
Быть нужно частицею клина
Былинных, молитвенных птиц.

7 марта 2003 г.

Встреча с предками

Снова ночь. Я стою на пороге,
Лунным светом по пояс облит.
Снова слышу на древней дороге
Ожидаемый цокот копыт.

Ближе, ближе он с каждой секундой.
Заполняет он сердце моё
Нарастающим гулом, покуда
Не заполнит до самых краёв.

Это Русь объезжают дозором
Мои предки на ратных конях.
Вижу их своим внутренним взором,
А они – знаю! – видят меня.

Вот, ко мне приближается всадник
И, склонившись с резного седла,
Сквозь заросший травой палисадник
Подаёт мне могучую длань.

Здравствуй, предок. Я рад тебе очень,
Как и всем, кто стоит за тобой.
Знаю, встреча мне эта пророчит
Мой последний и праведный бой.

Но теперь ничего мне не страшно:
Это сладко – за Русь умирать.
Нынче стал я соратником вашим,
Принимайте меня в свою рать.

8 марта 2003 г.

Сеновал-ковчег

Чем глубже солнце в горизонт вгрузает,
Тем огненней над ним встаёт заря,
Как будто красный шёлк везут возами
И по пути роняют почём зря.

А я лежу на свежем сеновале,
По плечи утонув в сухой траве,
В такой истоме, что уже едва ли
Мне сдвинуться левей или правей.

Мой сеновал незыблемым ковчегом
Плывёт среди бушующих миров,
Засыпанных безвидным, чёрным снегом,
Которым даже души замело.

А мне от жизни большего не надо:
Ничто не омрачает мою мысль,
Душа исполнена спокойствия и лада,
И не спеша летит в святую высь.

И ход веков осмыслен и понятен,
И мудростью насыщен всякий миг,
И нет уже на Солнце тёмных пятен,
И люди просто видятся людьми.

И так мне хочется любого взять за плечи,
И, пригласив к себе на сеновал,
Сказать ему: «Смотри, смотри, вот – Вечность,
Я сам об этом час назад не знал».

9 марта 2003 г.

Красота былинная

Ах, с какими елями среди русских ельников
Можно было встретиться в лесах! –
Грозные, как бороды у скитских насельников,
Только не внушающие страх.

А берёзы нежные… Ох, уж те берёзыньки,
Жившие в любом березняке! –
Взглянешь, даже исповдоль, и заблещут слёзыньки
На мужской щетинистой щеке.

А дубы какие можно было встретить,
Эх, да на поляночках лесных! –
Взгляд на них задержишь, и до самой смерти
Будут приходить они во сны.

Аханьки да оханьки… Ну, а толку, толку-то?
Неужели было и прошло?
Неужели в русских нас это всё умолкнуто
И быльём бурьянным поросло?

Не уж! Коли помним мы красоту былинную
И тропинки к ней из русских сёл –
Эту землю Русскую, эту Русь старинную
Даже в дебрях города мы в себе несём.

10 марта 2003 г.

На поле Куликовом

Когда на бронях засверкали
Скупые капельки росы,
Конечно, мы ещё не знали,
Куда судьба качнёт весы.

Силён был враг. И даже очень.
Его сражаться – не учи!
И выедали наши очи
С востока бьющие лучи.

Но мы уверенно стояли –
И каждый в землю прорастал,
Надеясь не на крепость стали,
А крепко веруя в Христа.

Да, нам нужна была победа –
Мы с тем и вышли в свой поход,
Но, в то же время, каждый ведал:
Не нам решать его исход.

Пусть будет всё, как нужно Богу!
Коль победить дано не нам,
Умрём и вымостим дорогу
Другим, достойнейшим, полкам.

Не зная, как свершится битва,
Мы точно знали: с нами Бог!
И, окропя себя молитвой,
Мы в бой пошли. И Бог помог.

…Пускай играет рок с весами,
Но помни, Запад иль Восток,
Что ты сражаешься не с нами,
А с Сыном Бога – со Христом.

10 марта 2003 г.

Русская весна

Искренний мартовский ветер
Веет наплывами грёз.
Тихо качаются ветви
Спящих под снегом берёз.

А где-то на море ревёт ураган
И волны охапками в берег бросает,
И отвечают ему берега
Всеми доступными им голосами.

Тихо подходят капели
На серебристых ногах –
И соловьиные трели
Снятся берёзам в снегах.

А где-то, сметая жилища людей,
Ломая привычный покой и порядок,
Больнее, чем в тело железо гвоздей,
Вонзаются в землю занозы торнадо.

Скоро в сугробах опавших
Первый ручей запоёт.
Тихо готовятся пашни
Принять во чрево своё.

А где-то потопы бурлят по земле,
А где-то земля сотрясается дрожью,
А где-то, где не было их сотни лет,
Идут снегопады возмездием Божьим.

Тихо плывёт над Россией
Первый весенний восход.
Боже! Скорей принеси ей
Свежесть оттаявших вод.

Пусть эта влага вольётся
В жилы священных полей,
Пусть на их лоно прольётся
Свет благодати Твоей.

11 марта 2003 г.

Живой монолит

Преклоните колена,
снимите помятые шлемы,
Но мечи пред собою держите,
как держится древко креста.
Братья! В эту секунду,
пред братской могилою, все мы,
Все, кто вышел из битвы живой,
налагаем печать на уста.

Мы не будем давать обещаний
и клятв непосильных:
Просто нет нам нужды обещать
эту землю сильнее любить.
Ибо, каждый из нас –
это клеточка тела России,
И вне тела её нам и дня,
даже краткого дня, не прожить.

Мы сейчас помолчим
у подножья святого кургана,
Под которым лежат наши братья,
стяжавшие высшую честь –
Умереть за Россию,
закрыв её от урагана…
Помолчим, – и в сердцах заглушим
раздражение, злобу и месть.

Мы не мстители, нет.
Мы вершители воли Господней.
И враги пусть боятся не нас,
а Того, Кто за нами стоит.
Русь Святая жива потому, что
– внемлите! – сегодня
Преклоняет колена пред Богом не рать,
а живой монолит.

13 марта 2003 г.

Звезда над тройкой

Отошли снегопады над Русью,
Оттрещали морозы над ней.
Было всё. Только думаешь с грустью:
«Жаль, что не было звонких саней».

Жаль, что не было троек летучих,
Коренных-пристяжных лошадей,
Грациозных, красивых, могучих,
Разгоняющих сон площадей,

Разрывающих сеть переулков,
Уносящихся в снежную даль
Необузданно, весело, гулко…
Всё не жалко, но этого – жаль.

Ничего, всё равно это было,
Пусть не въяве, так в сердце моём.
…Вот, опять пристяжная кобыла
С коренным заиграла конём…

Никогда не понять иноверцам
Эту песню былинной езды,
Как не выжечь из русского сердца
Блеск дрожащей над тройкой звезды.

13 марта 2003 г.

Вечернее правило

Приготовлю место для молитвы,
Затеплю лампадку у икон,
И, её сиянием облитый,
Сотворю я первый свой поклон.

Как обычно, с трепетом сердечным,
Первое: «Помилуй!» – пропою.
И наброшу первую уздечку
На слепую с детства плоть мою.

Но она перед святой иконой,
Как обычно, встанет на дыбы, –
Плетью Покаянного Канона
Я её заставлю смирной быть.

Я вложу насильно в её губы
Удила железные молитв.
Я с ней буду жёстким, буду грубым –
Пусть она от боли заскулит.

И когда она, как перед плахой,
Ляжет, покорённая, у ног,
Я душе скажу: «Иди без страха.
Ты свободна. Ждёт тебя Твой Бог».

13 марта 2003 г.

Девы-старушки

Закат разгорался огнищем,
А мы всё сидели на брёвнах,
А мы под гармонику пели
Про пули, что во поле свищут,
Про девушек, верных и скромных,
Крещённых в кровавой купели.

Поодаль стояли старушки –
Те самые девы из песни,
Которых мы славили хором.
А купол старинной церквушки
Над ними блестел, как предвестник
Покоя, грядущего скоро.

Давно отзвучала Вечерня,
А вечер всё длится и длится,
Как память о павших мужчинах.
И свет неземного свеченья
Обрамливал женские лица,
Дрожа на их скорбных морщинах.

О русские девы-старушки,
Хранящие верность солдатам,
Погибшим за Божьей работой, –
Вы снова вернётесь в избушки,
В которых с иконами рядом
Висят пожелтевшие фото…

14 марта 2003г.

Не будет!

Вот, уходит последняя рота
На кровавые передовые.
Вот, скрываются за поворотом
Замыкающие рядовые…

Шли в смертельную битву мужчины,
Безымянные русские парни,
И ложились на дно той пучины
Как плотины гранитные камни.

Шли они по военным дорогам,
Умирали, от боли шалея…
Сколько их, предстоящих пред Богом
В ослепительно белых шинелях!

Если б вдруг загорелись их нимбы
В одночасье – все сразу! – на небе,
Мир сгорел бы от света их, либо
Он бы тем, чем является, не был.

Он бы каялся, грех отвергая,
День и ночь не вставая с коленей.
Он рыдал бы от края до края
В каждом городе, в каждом селенье.

Но не будет тебе сего чуда,
Мир лукавый, погрязший в трясине
Своих собственных ядов, покуда
Не поймёшь ты значенья России.

14 марта 2003 г.

Последнее сражение

Небо померкло в сражении –
Стало не видно солнца.
Полностью в окружении
Горстка бойцов дерётся.

Нет уже сил держаться,
И далека подмога.
- Братья! Мы будем сражаться.
Пусть даже нас немного;

Пусть уже с каждой секундой
Смерть к нам всё ближе и ближе;
Пусть, даже самой скудной,
Нету надежды выжить.

Нет о пощаде и речи,
И не нужна нам жалость –
Только б не дрогнуть в сече
И умереть, сражаясь.

Братья! любой достоин
Выдержать эти нагрузки:
Ведь и один в поле воин,
Если он с Богом и – русский.

Да, нас уже немного,
Но до последнего верьте:
Братья! у Русского Бога
Каждый из нас бессмертен.

15 марта 2003 г.

Коли вертится планета

Никогда она не уходила,
Никуда она не пропадала,
Русская загадочная сила –
Внешний свет Божественного дара.

Русь Святая есть, была и будет,
И не может в мире быть иначе:
Просто постепенно слепнут люди, –
А святое видит только зрячий.

Кто, безумный, выдумал про это:
Будто Русь погибла от бессилья?
Да ведь, коли вертится планета,
Значит, есть на ней ещё Россия!

Значит, есть Святая Русь на свете,
Коль цветут сады, щебечут птицы,
Всходит солнце, дует свежий ветер,
Сыпет снег, и ёлка детям снится.

…Если ж рухнут ваших рук деянья
И свернутся небеса, как свиток,
Вот тогда, сквозь смертные рыданья,
Вы и скажете, что Русь убита.

А пока… пока вы, как в трактире,
Веселитесь, ешьте, пьёте, спите,
Русь Святая молится о мире,
Всех сзывая в Божию обитель.

16 марта 2003 г.

Великое родство

Россия! – мать моя, сестра моя, супруга…
И эта истина, мой путь земной храня,
Врезается мне в душу, как подпруга,
В подбрюшие походного коня.

Хранимый Родиной в годину лихолетий
И в краткие минуты торжества,
Живу на этой пламенной планете
С сознанием великого родства.

Несу в себе достоинство народа,
Стяжавшего Божественную цель.
И даже эта русская природа
Запечатлелась на моём лице.

Во всём я вижу признаки величья:
В способности легко и просто жить,
В смиренном, даже к боли, безразличье,
В умении сражаться и любить.

Когда я шёл просторами России,
То, как бы ни была дорога далека,
Повсюду мне с любовью подносили
Ковригу хлеба с кружкой молока.

И не было дороже этой пищи,
Дарованной от праведных трудов
Святой земли народом полунищим,
Который каждому во всём помочь готов.

Я часть его. Я этого же рода.
Но нет судьбы, наверно, тяжелей,
Чем быть частицей этого народа,
Живущего на праведной земле.

Но с радостью, как за оплечья плуга,
Берусь за этот непосильный гуж:
Россия, ты мне – мать, сестра, супруга,
А я – твой сын, твой брат, твой верный муж.

17 марта 2003 г.

Дом за гранью

Эх, хорошо бы, хорошо бы,
Коснувшись Вечности щекой,
Услышать вдруг знакомый шёпот
Ветлы, склонённой над рекой;

И вдруг увидеть там, за гранью,
Такой родной, уютный дом,
И у окошка, за геранью,
Тебя увидеть в доме том;

Взойти привычно на ступени,
В походке радость не тая,
И, миновав привычно сени,
Сказать: «Ну, здравствуй. Это я»;

И услыхать под кровлей дома,
Как ты, оставив все дела,
Ответишь преданно и скромно:
«Любимый, я тебя ждала»;

И, взявшись за руки, как прежде,
Вдвоём пойти на Страшный Суд
В неумираемой надежде:
Любовь и вера нас спасут.

17 марта 2003 г.

Святая межа

Слушай, сынок, я тебе расскажу
Правду о жизни – жестокой, как плети,
И покажу ту святую межу,
Что отделяет бессмертье от смерти.

Выйдем-ка в чистое поле, сынок.
Видишь пологие эти курганы,
Эту речушку и этот лесок,
Этих оврагов глубокие раны?

Видишь взрыхлённую плугами зябь?
Руки в неё погрузи осторожно
И попытайся уверенно взять
Горсть размягчённой земли придорожной.

Ком этой плоти к губам поднеси.
Чувствуешь привкус железа и крови?
Это естественный привкус Руси.
Что же ты хмуришь, сынок, свои брови?

Знаешь ли, сколько за тысячу лет
Страшных боёв на земле этой было?
Столько, что всякой, не русской земле,
Их бы на сотню историй хватило.

В этой земле твои предки лежат,
Все, за последние десять столетий! –
Это и есть та святая межа,
Что отделяет бессмертье от смерти.

Если ты примешь их жизнь, как свою,
Если себя ты увидишь стоящим
Правофланговым в их ратном строю,
Значит, ты вечность при жизни обрящешь.

Если же ты равнодушно пройдёшь
По вековечному бранному полю,
Что ж, значит, ты прежде смерти умрёшь…
Сам выбирай. Я тебя не неволю.

18 марта 2003 г.

Последняя милость

Затянуло луну облаками,
Лишь от снега немного светло,
И опять над седыми лугами
Ледяною крупой замело.

Ничего: даже в этой погоде
Несказанная есть благодать.
Всё на свете когда-то проходит,
Но когда? – бесполезно гадать.

Может быть, для меня и не будет
Ни рассвета, ни чистых небес,
И уже никогда не разбудит
Моих чувств зеленеющий лес;

Может, эта весенняя сырость
Да ослепшая в небе луна –
Та последняя светлая милость,
Что мне Господом в жизни дана?

Потому, эту стылую землю,
Прежде, чем я уйду навсегда,
Возлюблю, воспою, восприемлю
Как бесценный Божественный дар.

18 марта 2003 г.

Призови меня, Русь!

Я провижу тебя всю в крови,
Но до самых глубин озарённой.
Призови меня, Русь, призови
Под хоругви свои и знамёна!

Ты доверь мне свои образа
В драгоценных окладах и в медных –
Я тебе возвращу их назад
Облачёнными в ризы победы.

Вот уж кони с аллюра на рысь
Переходят, в предчувствии сечи.
Русь Святая, рискни – обопрись
О мои современные плечи.

Я несу каждой клеткой своей
Силу предков в изнеженном теле.
Прикажи, и я буду сильней
Во сто крат, чем на самом-то деле.

Будь спокойна: до ныне мой дух
В кольца бранной кольчуги окован.
Призови меня, Русь, – я приду,
Как на поле пришёл Куликово.

Я впитал в себя ратный хорал
Бородинского вечного боя.
Я под Прохоровкой умирал
Чтоб навеки остаться с тобою.

Дай мне право священной любви:
Как всегда – со Святого амвона
Призови меня, Русь, призови
Под хоругви свои и знамёна!

20 марта 2003 г.

Тайнослышимый звон

Соловьиная песня не спета
В нашей жизни ещё до конца –
Светозарностью майских рассветов
Переполнены наши сердца.

И как будто на праздник престольный,
Или в поле на яблочный Спас, –
Тайнослышимый звон колокольный
Небеса изливают на нас.

И какие бы грозные тучи
Не клубились бы возле души,
Этот звон, несказанно певучий,
Невозможно уже заглушить,

Ибо он неотмирен и вечен,
И не скажешь ему: «Не гряди!»;
Даже, походя будучи встречен,
Он уже не умолкнет в груди;

Он вливается полною мерой
Даже в душу, что насмерть пуста.
Этот звон – Православная вера,
Вечный глас Иисуса Христа.

20 марта 2003 г.

Уставший человек

Закончилась Вечерня. До утра
Сейчас погаснут лампы и лампады.
Две женщины стоят у Царских Врат –
Две жизни, две судьбы, две скорбных правды.

Стоят и ждут, когда из алтаря
Их духовник, разоблачившись, выйдет.
Душевной болью их глаза горят,
Но эту боль – кто кроме Бога видит?

И чем поможет им уставший человек?
Пусть он и в рясе, виды повидавшей,
С монашеской скуфьёй на голове,
И всё же, всё же – человек уставший.

Вот, тихо он выходит на амвон,
Натруженную спину чуть сутуля.
И даже видно: до предела он
Работу выполнил свою святую.

Но тут же, в трёх шагах от алтаря,
К нему чужое горе приступает:
Две женщины о чём-то говорят, –
А он всё слушает и головой кивает.

Они смолкают, бедные, в слезах, –
А он им говорит одну лишь фразу.
И вдруг – о чудо! – прямо на глазах
Глаза двух женщин оживают сразу.

Они светлы! – как будто бы вовек
Им жизнь не представлялась злой и серой…
Чем может им помочь уставший человек?
Да всем… когда за ним Господь и вера.

21 марта 2003 г.

Воскрешение Руси

Горела земля, становясь пепелищем,
И не было в мире десницы щадящей,
И смерти улыбка, луной восходящей,
Жестоко сверкала над каждым жилищем.

И жёны вопили: «Спасенья ищите!» –
И мёртвых младенцев до срока рожали.
И звёзды от ужаса в небе дрожали,
Как будто бы тоже нуждались в защите.

Россия опять покрывалась крестами,
Но только – не храмов, а новых погостов.
И мнилось: она, как обглоданный остов,
Теперь будет вечно лежать под кустами.

Враги расстилали кровавую скатерть,
Справляя над Русью смертельную тризну…
И в это мгновенье на нашу Отчизну
Всегда нисходила с Небес Богоматерь.

Она простирала Пречистые Руки
Над этим своим, Богоданным, уделом.
Она проходила в сиянии белом,
Венцы одевая на принявших муки.

И Русь оживала, как зёрна под солнцем:
В разрушенных градах, по весям сожжённым
Рожать начинали спасённые жёны
Святых и поэтов, Князей, полководцев.

И там, где, казалось, ничто не разбудит
Убитой земли, – там с удвоенной силой
Россия молитву опять возносила…
Так было, так есть и – внемлите! – так будет.

22 марта 2003 г.

Священная дань

Я уходил в заоблачную даль…
Стоящий по ту сторону страданий,
Я в полной мере понимал тогда
Значение священной этой дани.

Земля вокруг от крови стала влажной
И небо разъедал пожарный смог,
Но это было всё уже не важно –
Я выполнил, я выполнил свой долг.

На бранном поле, мёртвый, я лежал,
Как на достойном погребальном ложе,
И видел: моё имя на Скрижаль
Своим перстом наносит ангел Божий.

И потому я был уже спокоен,
Готовый перед Господом предстать –
Не просто за Россию павший воин,
Но воин победившего Христа.

Я умер за тебя, Святая Русь,
И кровь моя, что пролил я без звука,
По слову твоему пред Богом пусть
Мне будет моей верности порука.

Благодарю тебя, мой Искупитель,
За смерть свою и за Твою любовь.
Прими меня… прими в Твою обитель.
А Русь Святая – примет мою кровь.

23 марта 2003 г.

Плотью единой…

По дороге – одной на двоих –
Шли мужчина и женщина вместе,
Вроде рядом, но так, будто их
Разделяло сто вёрст или двести.

Было видно, что муж и жена,
А ещё: что семейная драма
Между ними стоит, как стена…
Но дошли эти двое до храма.

И вошли они молча в притвор,
Неуверенно, чуть ли не боком.
И вошёл вместе с ними раздор,
И предстал вместе с ними пред Богом.

Но, казалось, семейный недуг
Навсегда их враждою обрамил –
И смущал их неприязни дух
Даже здесь, в этом Божием храме.

Ничего не менялось вокруг,
Шла своим чередом Литургия.
Но внезапно услышал супруг
Будто Кто-то сказал: «Помоги ей».

Чуть качнулись в тот миг образа,
Воздух стал на мгновенье упругим:
«Помоги ему», – Кто-то сказал
Властным голосом в сердце супруги.

Всё осталось на прежних местах,
Только, словно растаяла льдина…
После службы из Дома Христа
Вышли двое – но плотью единой.

24 марта 2003 г.

Гроза и храм

По небу в тот день словно танк пропахал –
Такие в нём были отвалы
Из туч грозовых, аж тряслись потроха
От страха, – хоть прячься в подвалы.

Но даже стогов я не видел вокруг,
Дела мои были плохие:
Я в поле открытом остался сам-друг,
Один на один со стихией.

А дура-гроза набирала разгон,
Трещала, как в печке поленья…
Но вдруг я услышал церковный трезвон
И понял, что где-то селенье.

И я побежал на живой этот звук,
И, мигом взлетев на пригорок,
Большое село я увидел внизу
И белые стены собора.

Ох, как я стремился в тот чудный собор,
Грозу ощущая спиною!
И гром – только-только входил я в притвор –
Снарядом рванул надо мною.

Подобной грозы я вовек не видал:
Как будто в бою рукопашном
Вне храма ревели огонь и вода.
Но в храме – всё было не страшно.

24 марта 2003 г.

Ночной монастырь

Вот, опять начинается день
После долгой молитвенной ночи –
День, похожий на множество прочих…
Сердце! крепкие латы надень.

Видишь дней этих вражию рать,
Приступившую сомкнутым строем?
Так, давай же вниманье утроим.
Сердце! надо нам насмерть стоять.

Подними свой молитвенный щит,
Облекись покаянной кольчугой,
Препояшься поклонами туго –
Пусть уж лучше хребет затрещит,

Пусть собьётся дыханье твоё:
Ничего, это всё поправимо,
Лишь бы только ударило мимо
Страстных помыслов злое копьё.

Не ронять бы духовной узды,
И душою о пост опереться, –
Нам бы только с тобой, моё сердце,
Продержаться до первой звезды.

Нам бы только без тяжких утрат
В свой ночной монастырь возвратиться,
Где мы будем рыдать и молиться,
И поклоны творить до утра.

25 марта 2002 г.

Белой сетью…

Белой сетью белый снег
Уловил берёзы,
И «разделал под орех» –
Просто смех и слёзы.

Сыпет, будто в закрома,–
Аж, кипит работа.
То ли осень, то ль зима? –
Не понятно что-то.

А ведь на календаре
Дело-то к апрелю,
И пора бы на дворе
Снегу стать капелью.

Вот уж, истинно, весна
Где-то отдыхает,
Или всё ещё со сна
Чешется, вздыхает:

Мол, посплю ещё часок…
Нет, родная, хватит.
Коль пришёл тебе твой срок,
Надевай-ка платье,

И берись-ка ты сама
За свою работу.
А то – осень иль зима? –
Не понятно что-то.

25 марта 2003 г.

И если бы не это…

Святая земля! И люди святые
Издревле на этой земле обитают.
И если бы Русь не была бы Святая,
Где нынче стояли бы орды Батыя?

И где б утвердила сапог Тамерлана
Фортуна – слепая прислужница ада?
И кто бы сейчас поминал Бонапарда,
Как ярко сгоревшего в прошлом тирана?

И если бы стал императором Гитлер –
В своём самозванстве непризнанный Арий –
О, как бы сверкнули в планетном пожаре
Зигзаги двух молний рунических литер?

Такие движения орд и народов
Когда-то давно бы всё перемесили.
И только с явлением миру России
Всё стало иначе: надёжно и твёрдо.

Стоит она, будто утёс в океане,
Порой – до основы дрожа под штормами,
Порой – до вершины сокрыта волнами.
И всё же, пока она в бездну не канет,

В бушующем мире, сквозь визги и топот,
У каждого, кто возжелает покоя,
Есть право, коснувшись утёса рукою,
Взойти на него и спастись от потопа.

Святая земля!.. Она Богом хранима,
Покуда святая. И если б не это,
Давно бы прошло погребение света
В карающем рёве трубы Херувима.

27 марта 2003 г.

Дорога на Русь

Млечный Путь опоясал небо –
Этот чёрный подрясник Руси.
И вершится Вселенская треба:
Всё, что хочешь, у Бога проси.

Зажжены уже звёздные свечи,
Лёг на озеро лунный убрус,
И давно с нами ждёт уже встречи
Путь, который выводит на Русь.

Дай мне руку твою, и пойдём мы
Прямо в ночь этим травным путём, –
И каким бы он ни был бы тёмным,
Он намного светлее, чем днём.

Ведь на этой дороге душевной
Нет ни боли, ни кухонных дрязг,
И не слышим на ней совершенно
Городов отупляющий лязг.

Только с нежностью тонкого ситца
Ветерок может плечи обвить –
И ничто не мешает молиться,
И ничто не мешает любить.

Ты светлеешь, как Путь этот Млечный,
Я лишь взглядом к тебе прикоснусь…
Так давай же идти с тобой вечно
По дороге, ведущей на Русь.

27 марта 2003 г.

Врагам России

Бросьте в меня камень,
Если сейчас солгу…
Слышите над полками
Грозный победный гул?

Что, ничего не слышно
В ваших чертогах? Нет?
Стало быть, будет не лишним
Дать вам последний совет.

Предупреждаю, учтите:
Это – в последний раз.
Пощады потом не ищите
(Пощада уже – не про вас).

Вы, нынче которые в силе,
С охраной в десятки слоёв,
Не верьте в покорность России,
Тем более – в слабость её.

Она не бывала покорной
Под игом врага никогда.
Задумчивой и спокойной,
Смиренной – бывала, да!

Но в этой смиренности кроткой
И кроется тайна Руси:
Идёт она скромной походкой
У Бога прощенья просить.

Она не молчит, как вам кажется,
Трусливо терпя вашу плеть, –
Она во грехах своих кается,
Как воин, идущий на смерть.

В слезах на колени упавший,
Поднимется новый Адам…
Тогда я за головы ваши
И ржавой полушки не дам.

28 марта 2003 г.

Черта

Как-то, на опушку
Выйдя из дубрав,
Встретил я церквушку –
Деревенский храм.

Безупречно ровен,
Чёрен, как лузга,
Обветшалых брёвен
Вековой загар.

А в оконной нише –
Словно перламутр…
И, перекрестившись,
Я вошёл вовнутрь.

Шаг ступил и замер,
Как перед чертой,
Перед образами
Древней церкви той.

Пристально глядели
Мне глаза в глаза –
До глубин задели! –
Эти образа.

Русских Страстотерпцев
Вдруг я понял взгляд –
И вонзилась в сердце
Русская земля.

С небывалой силой
Позвала к Христу…
И переступил я
Через ту черту.

29 марта 2003 г.

Видение на поле боя

Смерть наступила внезапно –
Я даже не понял, как?
Только тротиловый запах
На мёртвый песок стекал.

Только зловещей вязью,
С точкой от раны в конце,
Кровь вперемешку с грязью
Стыла на мёртвом лице.

А надо мною небо
Было горячим свинцом.
- Господи! Я же не был
Мужем ещё и отцом.

Я не успел налюбиться
В двадцать неполных лет.
Я не успел набродиться
Вдоволь по этой земле…

Вдруг, будто звон с колоколен,
Голос раздался с небес:
«Радуйся, русский воин!
Этот венец – тебе!»

Поднял я мёртвые очи…
Господи! это ж не сон!
В небе, разорванном в клочья,
Вижу я ангелов сонм.

Вот, они ближе и ближе –
Входят в наш сумрак земной.
Господи! Боже мой, вижу:
Это идут за мной!

30 марта 2003 г.

И ты, и Россия

Ты и Россия – одно и то же.
Но если б не крест на твоей груди,
Не была б ты на Россию похожей,
Как брызги дождя на осколки градин.

И лишь потому, что вы две христианки,
Причём, православных – во всём до конца,
Вы так однозвучны, как вздохи тальянки
В руках деревенского доки-певца.

И ты потому мне жена и подруга,
Что Родиной-матерью стала мне Русь.
И если вы, вдруг, не поймёте друг друга,
Я сердцем своим на куски разорвусь.

Но слава Всевышнему Господу Богу,
Что сердце моё – как алмазный кристалл:
Его расколоть даже пули не смогут,
Покуда вы обе – невесты Христа.

И даже на фронте я буду спокоен –
До смертной черты моей жизни земной
Со мной ничего не случится, доколе
И ты, и Россия стоите за мной.

31 марта 2003 г.

Не я, а – Ты!

Решаем: если б да кабы…
И тот ли выбран путь?
И спорим, спорим, быча лбы,
Какой России нужно быть,
Чтоб вырваться из пут.

И среди этих важных тем,
Под поднятый вопрос,
Мы забываем, между тем,
Что все мы – братья во Христе.
Так, пусть решит Христос.

Пройтись бы пламенной строкой
По белому листу,
Чтоб снизошёл на Русь покой…
Но, может, именно такой
Она нужна Христу:

Больная, нищая, раба,
С оплёванным лицом,
В лоскутьях порванных рубах,
Молящаяся на гробах
Перед своим Творцом.

Я вижу так Россию-мать:
Монастыри, скиты,
Святой народ, святая рать…
Но, Господи, не мне решать.
Не я, не я, а – Ты!

Какая Русь Тебе нужна.
Такую и приму:
Пускай врагом поражена,
Пускай до пепла сожжена,
В крови, в огне, в дыму.

Дай понести её любой
И всякой дорожить, –
С какой бы ни было судьбой
Любить её перед Тобой
И просто ею жить.

31 марта 2003 г.

В ожидании конца

А дело шло уже к утру,
И влагой набухали куртки.
Мгновенно гасли на ветру
Изжёванные в кровь окурки.

Но, невзирая на ветра,
У губ налипнувшие скотчем,
Они твердили до утра,
Что всё решится этой ночью.

Что ни когда-то, а сейчас
Придёт Господь с небесной свитой
И даст «добро» на трубный глас,
И небеса свернёт, как свиток.

Но не свершилось ничего.
Настало утро, как обычно,
И бесконечной бечевой
Тянуться стал народ столичный.

И те, что ждали, по домам
Ушли, неся души оковы…
А рядом ожил Божий храм –
Раздался благовест церковный.

И в этом храме Божий люд,
Творя молитву неустанно,
Знал, как и те, что Страшный суд
Придёт, и мёртвые восстанут.

Но в этом знании своём
Не ждал он, а труждался Богу,
Чтоб этой ночью, этим днём
Мир простоял бы… хоть немного.

1 апреля 2003 г.

Видение

И сорвалась звезда с небес,
И лучами пронзила землю,
И в глазах овдовевших невест
Стало тесно солёному зелью.

Завертелась воронкой судьба
Мужа, сына, приятеля, брата –
И под вой одичавших собак
Возвратила их, мёртвых, обратно.

Стал обыденным ядерный вал,
Оскоромленный в роковых ритмах.
И свой смысл потеряли слова,
Не нашедшие места в молитвах.

Содрогнулся расколотый мир,
Возопил к опустевшему небу:
«Всё, что хочешь, расплатой прими,
Только гибели нашей не требуй!»

Но стоял на земле уже Тот,
Кто смиренно сказал им однажды:
«Этот огненный смертный потоп –
Утоление вашей же жажды».

…Открываю от страха глаза.
Что со мной происходит и где я?
В доме – тихо. В углах – образа.
Значит, это всего лишь виденья?

Нет на небе зловещих комет…
Но прошу Тебя, Господи: дай мне
Ничего не забыть в тот момент,
Когда вновь прикоснусь к Твоей тайне.

3 апреля 2003 г.

Сыновья

Вот, уходят, уходят из отчего дома
Повзрослевшие вмиг сыновья,
По дорогам России другими ведомы,
Как по срезанным стеблям жнивья.

В кровь порою разбиты их лица и души,
И рубцы покрывают сердца.
И как часто их злое бессилие душит
Безнаказанностью подлеца.

Их порой опаляют военные грозы
Так, что нечем бывает дышать.
А порой их ломают бесплодные грёзы –
И ломается напрочь душа.

Ничего, сыновья, это всё поправимо –
Лишь бы вы не прошли в трудный час
Мимо Божьего Храма, а стало быть, мимо
И России, и Бога, и нас.

Вы поймёте потом, пролетев русской тройкой
По ухабам житейских дорог:
Всё теряет свой смысл – не теряется только
Память предков, Россия и Бог.

3 апреля 2003 г.

Письмо солдата

Я оставил тебе, родная,
Честь свою, как святой талисман,
И её сохранишь ты, я знаю,
Как хранят посвящение в сан.

Где бы ни было – в царских палатах
Иль в избе, что углами проста –
Будь достойной женою солдата,
Отдающего жизнь за Христа.

Не пеняй на судьбу свою вдовью:
В мире нет величавей столпа,
Чем покрытая мужниной кровью
Православной солдатки судьба.

Ты не бойся ночных одиночеств
И не дай своей воле сомлеть,
И молись обо мне дни и ночи,
Чтобы праведно принял я смерть;

Чтобы дух я свой приуготовил
К встрече с Богом в последнем бою;
Чтоб хватило мне пролитой крови
Жизнь омыть – и свою, и твою.

…Коль останусь живым я и здравым,
Через Бога хранимый тобой,
Знай, что ты подарила мне право
На ещё один праведный бой.

4 апреля 2003 г.

Земля последних христиан

Может, потому, что Русь Святая
Им виднее в Китежской воде,
Журавли, над миром пролетая,
Не курлычут больше так нигде…

Матушка Святая Русь, Россия –
Родина особенных людей.
Есть болезнь такая – ностальгия:
Только русские подвластны ей.

И не только где-то за границей,
Но и дома – с Родиной вдвоём –
Нам порой в ночных кошмарах снится,
Будто бы теряем мы её.

И в поту холодном просыпаясь,
Видим: слава Богу!– вот она.
И слеза невольная, скупая
Душу прожигает нам до дна.

За Россию умирать не страшно,
Вместе с ней не страшно страшно жить:
Потреблять одни сухие брашна
И одну простую воду пить.

Почему так? Я и сам не знаю,
Хоть до мозга костного – русак,
Но на ней до смерти б я звонарил
Где-нибудь в скиту, в глухих лесах,

И не помышлял бы лучшей доли…
Боже, сколько в мире разных стран! –
Ни в одной нет искренней раздолий,
Чем в земле последних христиан.

…Может, потому, что Русь Святая
Им виднее в Китежской воде,
Журавли, над миром пролетая,
Не курлычут больше так нигде.

5 апреля 2003 г.

Вселенная Россия

Сижу над речкою и слышу говор струй,
Улавливаю шёпот камышинок,
Смотрю, как тихо к моему плывут костру
Бутончики проснувшихся кувшинок.

И ничего вокруг меня на сотни вёрст:
Ни Франций, ни Израилей, ни Сирий,
Ни Марсов с их Венерами, ни звёзд,
А лишь одна Вселенная – Россия.

Но мне достаточно сейчас её одной,
Чтоб ею всё, что есть во мне, измерить –
И высоту моей души, и её дно;
Чтобы любить, надеяться и верить.

И всё, что я имею, и давно имел,
И что иметь я буду в жизни тленной,
С меня смывает, как со школьных досок мел,
Рука моей единственной Вселенной.

Свободный от всего, не молод и не стар,
Лечу, лечу, лечу я в глубь России,
Как эти искорки из моего костра
Взлетают ввысь – без страха, без усилий.

6 апреля 2003 г.

Россия в слезах

Сечёт по лицу то ли дождь, то ли снег –
Небесная влага течёт по щекам.
И слёз этих вечных достанет на всех,
Как их доставало прошедшим векам.

Россия в слезах… На бревенчатый храм,
На крыши давно ещё рубленых изб,
На крылья крестов перекошенных рам
Слетают слезинки и капают вниз.

Наверное, кто-то сказал бы: «Зима
Никак не уступит весне своих мест».
Но это не так: это плачет сама
Россия – игуменья Божьих невест.

Вселенская ночь глубока и глуха,
Но нет на земле ожиданья сильней –
И ждут они, ждут своего Жениха,
Всё время держа наготове елей.

Уже от Него приходили сваты,
Уже принесли они им по кольцу…
Невесты Его – это души святых,
И их ожиданье подходит к концу.

Россия в слезах… Отчего ж она льёт
Потоки небесных очищенных слёз?
От радости, что, наконец-то, грядёт
Жених дочерям её – Вечный Христос.

7 апреля 2003 г.

Ты есть!

Люблю тебя, моя Отчизна,
Любовью чистой и простой.
Голубоглаза, златоризна,
Светла небесной красотой.

Пока ты есть, я, даже, мёртвый
В твоих просторах буду жить.
Мне дорог, даже, этот сор твой,
Что вдоль твоих дорог лежит.

Я становлюсь надолго болен,
Срываюсь в крик, теряю сон,
Когда с церковных колоколен
Не слышу я твой перезвон.

Не дай мне Бог тебя лишиться
Хотя бы и на краткий миг –
Металл, и тот, начнёт крошиться
В руках трясущихся моих.

Любовь к тебе не объяснима,
И не прошу тебя: «Ответь…»
Но без тебя невыносима
Не только жизнь, а даже смерть.

Ты есть! и этого довольно,
Чтобы могла моя душа
Легко, бесстрашно и привольно
Планетным воздухом дышать.

8 апреля 2003 г.

Земля на руках

Земля Руси – особая земля.
И я под звон сердечного веленья
Стою на ней, как в храме, на коленях,
О милости её ко мне моля.

Я не ходил за плугом и сохой –
Вела меня дорога городская,
Но ком земли, пусть даже и сухой,
Лежит в руке, теплом её лаская.

Я этот ком в ладонях разотру,
Да так, что борозды пройдут по коже –
Ведь ничего нет на земле дороже,
Чем плоть родной земли на коже рук.

Я с них крупинку Родины слизну
И проглочу, как ценное лекарство.
И вдруг почувствую такую новизну,
Что даже луг покажется мне Царством.

Какой бы ни была моя судьба,
Она в сто крат заморских судеб краше,
И хлеб Руси вкуснее, чем хлеба,
Быть может, лучших, но не русских пашен.

Всё потому, что Русь моя чиста –
По ней так часто ходит Матерь Божья,
И вся она – священное подножье
Престола Вседержителя Христа.

10 апреля 2003 г.

Запах прошлого

Лемех плуга от кромки отваливал
Земляные сырые пласты…
Я стоял у межи и улавливал
Запах стали и прелой листвы.

И всё чудился мне в этом запахе
Позабытый родной аромат,
И пытался скрепить я, как запонкой,
Моей памяти закрома.

Извивался ужонком под лемехом
Истекающий соками грунт, –
Но стояла окованным пленником
Память сердца, томя мою грудь.

Вдруг под грунтом с приглушенным скрежетом
По металлу прошёлся металл –
И напомнил он мне о пережитом,
Будто вожжи на сук намотал.

И тогда во мгновение вспомнил я:
То же поле и та же межа,
Под такими же влажными комьями
Мои мёртвые братья лежат.

Запах стали и запахи осени
Шли в накат, за волною волна.
Ох, не просто, непросто далось оно –
То святое сражение! – нам.

Не со мной это было… Не спорю я…
Но в душе не взрастает быльё –
И храню я в себе не историю,
А всех предков, кто делал её.

Вот, стою без обычного лоска я,
Помня всё через столько веков:
Поле, поле моё Куликовское! –
До чего же ты недалеко.

11 апреля 2003 г.

Надо верить!

Дни непогожие, будто гранит,
Давят, все планы ломая…
Долго и нудно идут эти дни –
Нет ни конца им, ни края.

Льдистая слякоть стучится в стекло,
Хлещет безжалостным стеком.
Больше не верится в свет и тепло –
Верится в дождь, что со снегом.

Кажется, что никогда не взойдёт
В небе горячее солнце:
Будет теперь полудождь-полулёд
Вечно стучать за оконцем.

Но, разрывая завесу из туч
(Небо – смотри! – голубое),
Всё поднебесье, широк и могуч,
Свет наполняет собою.

Где твоё жало, безжалостный дождь?
Солнце всегда теперь будет!
Вера в него возвращается: что ж,
Так мы устроены – люди.

Только в сердцах наших стыд говорит,
Совестью в душах скребётся:
«Солнце на небе всё время горит, –
Что ж вы не верите в Солнце?»

11 апреля 2003 г.

Станем детьми!

В детство впадаю я: под водостоком
Снова стою по весне –
Капает в горсти берёзовым соком
Свежерастаявший снег.

В детство впадаю… И пусть. И прекрасно.
Живчик играет в крови.
Сыплются капли призывно и рясно –
Не успеваю ловить.

«Будьте, как дети», - сказал Искупитель.
Вот я и буду дитём.
Люди, прошу вас, не спите, не спите!
В детство давайте впадём.

Нет уже времени, чтоб научиться
В мире, что Свет нам затмил,
Правильно пост соблюдать и молиться.
Но ведь легко быть детьми!

Капля на землю не падает дважды:
Звон её вспыхнул – и стих.
Люди, смотрите, Бог в капельке каждой!
Что ж вы не ловите их?

12 апреля 2003 г

Слово Бога

Россия… Слово-то какое!
Вы только вслушайтесь: Россия.
Оно исполнено покоя,
Ему созвучно лишь – Мессия.

И не случайно Бог наполнил
Его мелодией свистящей –
Не громом в землю бьющих молний,
А звуком в цель стрелы летящей.

В нём – скрытый смысл озёр и неба:
Они уже не просто сини,
При нём они звучат, как треба,
Первосвященника-России.

Нет слова мягче, чем «Россия»,
Но в битве с ним надёжно с тылу –
В нём заключается не сила,
А упование на Силу,

Ту Силу, что Христом зовётся…
Оно – как имя Бога-Сына,
Из тех же буквиц создаётся:
Вот Он – Христос, а вот – Россия.

Да, это не земное слово.
Оно звучит светло и строго.
Оно для мира ещё ново.
И это слово – Слово Бога.

13 апреля 2003 г.

Перед страдой

Земля запаровала, наконец, –
На старт выходит полевая гонка.
И Ферапонтыч, сельский наш кузнец,
Давно забыл, чем пахнет самогонка.

Без перерыва в кузне звон и лязг –
От искр летящих даже ночь редела.
Прошла пора точения баляс,
Настало время молча делать дело.

За пару дней преобразились мужики:
Серьёзней стали и вдвойне весомей;
На бритых скулах заиграли желваки,
И зазвучал металл во всяком слове.

А жёны присмирели в эти дни,
У каждой взгляд – чуть виноват и кроток.
Нутром природным чувствуют они:
Грядёт мужская, тяжкая работа,

Где предстоит мужьям их порадеть
За хлеб насущный для сестёр и братий.
Святая Русь готовится к страде,
И ничего не может помешать ей.

Из века в век, из рода в род, всегда
Одно и то же в сёлах происходит…
На поле брани, на поля труда
Россия одинаково выходит.

14 апреля 2003 г.

Новый День

Стала чуть светлее неба сень
И – немного видимее дали.
Вот и наступает Новый День,
День, который мы так долго ждали.

Мы к нему готовились всю ночь,
Мы о нём молились неустанно.
И порою было нам невмочь.
И, казалось, День тот не настанет.

Но мы верили в его приход
Даже больше, чем в реальность ночи.
Каждый говорил себе: «Вот-вот
Мрак ночной свой путь земной окончит».

Мы трудились – каждый, как умел –
Мы детей безропотно рождали.
И среди своих обычных дел
Новый День мы ждали, ждали, ждали.

И дождались… Заалел восток.
Мрак осел, как по весне сугробы.
Что с того, что это Дня исток?
Ведь на тракт всегда выводят тропы.

Мало кто до полдня доживёт –
Солнца не увидеть нам в зените.
Ничего… Мы встретили Восход.
Дальше, дети, вы теперь живите.

15 апреля 2003 г.

Марш победоносцев

Мы идём под холодным дождём,
Мы идём сквозь ветра и сквозь вьюги.
Все мы – братья, соратники, други.
Цель ясна! И теперь мы дойдём.

Пробил час, когда нужно решать,
В чьих рядах ты: с врагами России
Или с теми, кто предан Мессии,
В ком навек православна душа?

Проверяется прочность основ:
Обращаясь ко всем поимённо
Под свои боевые знамёна
Призывает Россия сынов.

Мы, Россия, солдаты твои,
Рядовые твои добровольцы.
Мы вплетаем в кольчужные кольца
Ленты веры, надежды, любви.

А погрязший в безумии мир
Пусть потешится песней победной –
Скоро, скоро за Русской Обедней
Будет вынесен Русский Потир.

Недробимого Тела Христа
Причастимся из Чаши единой
И, сплочённые грозной годиной,
Встанем в строй под крылами Креста.

И однажды, назначенным днём,
Двинет Русь на врагов свои рати –
И тогда, православные братья,
Мы под своды Софии войдём!

17 апреля 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово духовника.....2

«Я хочу быть тропинкой в Россию…»

Возвращение 4
Последние лампады.....6
Плоть земли Русской.....8
Посреди Родины 10
Два Храма.....12
Запад и Россия.....13
Нищее сердце 15
Стальные слёзы.....16
Вифлеемская Звезда 18
Городская свалка 20
Снега России 22
Родины первый снег 23
Жена.....24
Встреча друга-солдата.....25
Воин-отрок 26
Звонари 28
Юродивые.....29
Безумный мир 32
Лишь с тобой.....34
Русский груздь 36
Тропинка в Россию.....37
Разговор с церковным сторожем.....38
Духовнику 40
Сумеречная зона 42
В притворе храма.....44
Когда мы становимся русскими 46

Братья.....47
В заброшенной деревне.....49
Китеж-озеро.....50
Золотая земля.....51
Русское кладбище.....52
Осень на просеке.....53
Осень с женой.....54
Искушение ожиданием.....55
Осеннее признание.....56
Во храме.....57
Таинство Храма.....58
Ты нашла меня.....60
Разговор в больничной палате.....62
Земля моя.....64
Имя Твоё.....65
На колени, душа.....67
Глубинка России.....68
Кресты на погостах.....69
Проводы весны.....71
Без благодати.....72
Кони, кони.....73
Брат во Христе.....74
Русская песня.....76
Земля Обетованная.....77
Чёрные сотни.....78
Танковые учения.....80
Суровая Русь.....81
Здесь Русью пахнет.....83
Перепутье.....85
Дума о русской женщине.....86
Русский вопрос.....88
Звуки русской избы.....90

Чудо-искорка

Покаянный дождь 92
Подарок....93
Москва под спудом....94
Три Матери....96
Напоследок....97
Русская Дорога....98
Святая «грешница»....100
Смиренница....101
Кто они....102
В русских селениях 103
Листьев гроздь 104
Ночной кошмар....105
Русский солдат....107
Хранитель....109
Зимние бабочки....110
Осенняя молитва....111
Божьи скитальцы 112
Русь покаянная....113
Русская осень 114
Вершина....115
Осень в деревне....117
В преддверии смерти....119
Чудо-искорка....120
Разговор в электричке 121
Благовест в тумане 123
Кровь предков....124
Обыденный храм 125
Последняя воля 126
За Христа 128
Мальчишки и девчонки России....131

Парад в 41-м 131
Душа и плоть 132
Молитва 133
Зимняя брусника 134
Деревенский снег 135
По наследству 136
Дорога в Храм 137
Пустая дорога 138
Россия в крестах 139
Песню, братие, воспоем 140
Единственная причина 142
Развилка 144
Слёзы земли 146
Когда возвращаются дивизии 147
Память о Родине 149
Первая ложь 151
Колыбельная песня земли 152
Прикрытие 153
Встань, воин 154
Покой 155
Кресты во тьме 157
Гордые травы 158
Дайте ей крест! 159
Ожидание земли 160
Тропа в снегах 161
У окна 162
Случай в храме 163
Нищий 165
Тело земли 167
Колыбельная ожидания 168
В гостях у леса 170

«Грядёт Православная Русь…»

Товарищ командир 172
Божий теремок 174
Безмолвный разговор 176
Дай увидеть Тебя 177
У свечи 179
В конце дня 181
Воскресшая Русь 182
Сыпет снег 184
Искушение природы 186
След 187
Выбор 188
Всегда со мной 190
Русь да я 191
Мой путь 192
Стервятники 193
Судья 194
Воин Христов 195
У древней могилы 196
Два разговора 197
Без Родины 198
Крылатый конь 199
Грядёт Православная Русь 200
Научи! 202
Сон предка 203
Снова гроза 205
Проводы 206
Христова рота 207
Вечность дня 209
Грунтовки 210
Не оставляй меня 211

Драка 212
Россия и мир 214
Костёр в ночи 216
На Руси 218
Отдание последней Пасхи 219
Прямая дорога 221
Седые ночи 223
Я к тебе возвращусь 224
Колокольня и Храм 226
Частица Руси 227
Народная песня 228
Литургия земли 229
Сила немощи 230
Откровение Храма 232
Иконы Руси 234
Луговой храм 235
Ночные думы 237
Путь домой 238
Долина 240
Солдатский сон 241
Сума да тюрьма 242
Сыны русские 243
Ты мой Бог 244
Шёл солдатик 245
Смерть солдата 247
На рассвете 248
Сказка 250
Улетают птицы 251
Мне бы 252
Костёр на том берегу 253
Чудо 254
Порадеем, братья! 255

Память земли.....256
Договор.....258
Глухая ночь.....259
Бомж.....261
Прощание солдата.....262
Воин.....264
Судьба.....266
Падение в травы.....267
Благословение.....269
Радость покоя.....271
Карнавал на дне.....273
Мужская судьба.....274
На пикник.....275
Русский лес.....277
Быть ребёнком.....278

Марш победоносцев

Случай на охоте.....280
На холме.....282
Метель души.....283
Сказание о спасённом Храме.....284
Одинокий журавль.....287
Встреча с предками.....288
Сеновал-ковчег.....289
Красота былинная.....290
На поле Куликовом.....291
Русская весна.....293
Живой монолит.....295
Звезда над тройкой.....297
Вечернее правило.....298
Девы-старушки.....299

Не будет!.....300
Последнее сражение.....302
Великое родство.....303
Дом за гранью.....305
Святая межа.....306
Последняя милость.....308
Призови меня, Русь!.....309
Тайнослышимый звон.....311
Уставший человек.....312
Воскрешение Руси.....314
Священная дань.....316
Плотью единой.....317
Гроза и Храм.....319
Ночной монастырь.....320
Белой сетью.....321
И если бы не это.....322
Дорога на Русь.....324
Врагам России.....325
Черта.....327
Видение на поле боя.....329
И ты, и Россия.....331
Не я, а Ты.....332
В ожидании конца.....334
Видение.....336
Сыновья.....338
Письмо солдата.....339
Земля последних христиан.....340
Вселенная Россия.....342
Россия в слезах.....343
Ты есть!.....344
Земля на руках.....345
Запах прошлого.....346

Надо верить! 348
Станем детьми! 349
Слово Бога 350
Перед страдой 351
Новый день 352
Марш победоносцев 353

Гревцев Игорь Дмитриевич

Марш победоносцев или Дорога на Русь

Редактор: Леонид Болотин
Макет обложки: Алексей Гришин

(изображения для макета обложки взяты из открытых источников)

Отпечатано в типографии «Принт-формула»

г. Москва
500 экз.